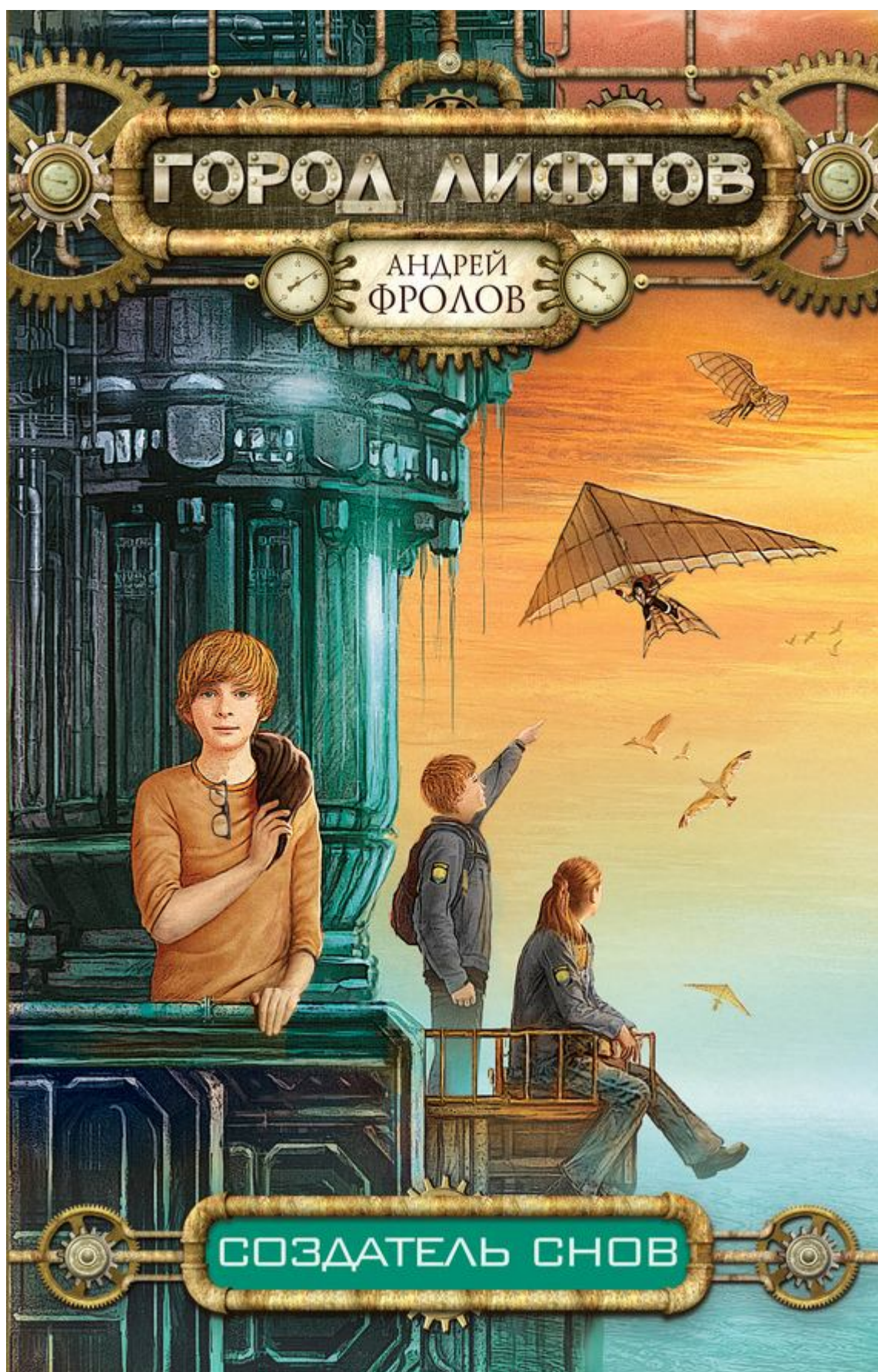

Андрей Фролов
Создатель снов

Город Лифтов – 3

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815029
«Создатель снов / Андрей Фролов»: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64042-3

Аннотация

Бывают мгновения, меняющие ход истории, разбивающие жизнь на «до» и «после». И часто те, кто совершает решающий шаг, не могут даже предположить, к чему приведут их действия... Близнецы Димка, Витя и Настя выросли в Спасгороде – огромной башне из стали, надежно хранящей жителей от опасностей внешнего мира. Как и другие дети, они ходили в школу, старались не огорчать родителей и соблюдать правила Смотрителей – таинственной организации, управляющей жизнью людей и Лифтов. Но однажды близнецы нашли странную дверь. И вспомнили: каждый из них видел точно такую же во сне. Судьба города изменилась в тот миг, когда ребята решили узнать, что за ней...

Андрей Фролов Создатель снов

© Фролов А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

В тесной комнате с низким потолком гаснет свет.

Усталый светильник в углу выключается охотно, будто только об этом и мечтал. Темнота превращает и без того неуютное сырое помещение в настоящую тюремную камеру.

Теперь единственный источник освещения – вспыхнувшие проекторы амбивизора, очень компактного, почти переносного. Старенький аппарат стоит в центре комнаты на невысокой шаткой тумбе. Зрители, сидящие вокруг тумбы и проволочного куба, придвигаются поближе, соприкасаясь плечами.

В приемник проектора опускается поблескивающая хрусталем восьмигранная пластинка. Эта амбиграфическая карточка не просто стара или потрепана временем. При взгляде на нее кажется, что данный носитель информации нашли в мусоре и бережно склеили из нескольких частей. После реставрации изображение внутри амбивизора частенько пропадает, грешит дефектами и морщинами. Звука почти нет, из динамиков вырываются лишь хриплые обрывки фраз.

Титры и заглавная часть стереофильма восстановлению не подлежат. Поэтому воспроизведение начинается сразу с подвижной объемной картинки, на которой высокий светловолосый мужчина в белом халате что-то оживленно рассказывает кинооператору.

За спиной ведущего (молчаливые зрители воспринимают мужчину в халате именно так) – лаборатория. Причем отнюдь не декорация к художественному фильму, а самая настоящая. Позади светловолосого трудятся на своих рабочих местах самые обыкновенные горожане. Заряжают центрифуги россыпями пробирок, что-то изучают в микроскопы, возятся с подопытными морскими свинками и белыми мышками.

Мужчина вышагивает среди длинных верстаков с лабораторным оборудованием, что-то эмоционально рассказывая зрителям. Но те, наблюдая за старенькой записью затаив дыхание, слышат только отдельные звуки, изредка пробивающиеся в динамики амбивизора.

– ...ерхность... флотилии зо... иод полураспа...

Фрагменты, куски, обрывки слов, старательно записанные и расшифрованные одним из зрителей, дарят откровение и надежду.

Светловолосый мужчина в халате движется через лабораторию. Но совсем скоро с помощью комбинированной съемки оказывается совсем в другом помещении – испытательном цехе. Здесь он идет вдоль верстаков, на которых сотрудники в темно-синих спецовках, касках и специальных защитных очках собирают прототипы разнообразного и необычного оборудования.

Ведущий останавливается возле нагромождения металлических пик, составленных пирамидой. Пирамида окутана проводами, будто елка – новогодней мишурой. Вместо ведущего в трехмерном пространстве амбивизора тут же возникает мультипликационная заставка.

Нарисованный человечек с равными интервалами втыкает в землю столбики, окружая себя кольцом. Затем, все с той же мультяшной поспешностью, человечек обтягивает штыри несколькими рядами тонкой светящейся нити. И уже в следующую секунду на получившийся забор со всех сторон начинают прыгать звери – злющие, зубастые, когтистые. Угодив на натянутую проволоку, они получают удар током (их рисованные тушки смешно подрагивают, и на долю секунды сквозь шкуры просвечивают схематические скелеты). С мохнатых морд катятся крупные слезы горя, и хищники убегают прочь...

Киножурналу, который смотрят несколько мужчин и женщин, очень много лет. Это заметно по фасону одежды ведущего. Это заметно по атмосфере передачи. Это заметно по лабораториям, попадающим в кадр.

Там, готовя первые прототипы, инженеры конструируют подвижные модели механических карпов, призванных улаживать взоры горожан своей неспешной грацией в волнах искусственных водоемов. Сбоку видны каркасы механических кошек, разработанных для присмотра за грудными младенцами. Детали животных сверкают новеньким хромом, процессоры только проходят настройку.

Все это было давно, очень давно. Зрители, столпившиеся вокруг компактного амбивизора на старой тумбе, почти ничего не знают о былых временах, безвозвратно канувших в Лету. Их окружают влажные пенобетонные стены тесного помещения, позволяющие безнаказанно насладиться приветом из прошлого. Позволяющие в сотый (или даже тысячный) раз унести в мир безраздельного счастья и надежд на новую жизнь за просмотром запрещенного нынче киножурнала...

Мультзаставку сменяет кадр со светловолосым ведущим, остановившимся у очередного верстака. Что-то объясняя и комментируя фрагмент с человечком и рисованными зверями, он ласково похлопывает по пирамиде штырей, двигаясь дальше.

– ...абор... пражение... вое поле... – Только такие обрывки фраз и вылетают из шипящих динамиков амбивизора. Но зрителям все равно, они игнорируют низкий уровень качества. – ...вень угро... щадью до трех ты... стве источника эне...

Люди, заполнившие душное помещение с низким потолком, уже не впервые изучают раздробленную на фрагменты и заново собранную амбикарту. И готовы делать это еще хоть сто раз, даже без звука. На их лицах восторг. И надежда.

Светловолосый ведущий шагает дальше, прикасаясь к различным изобретениям и неспешно рассказывая об их назначении. Время от времени внутри куба еще несколько раз крутятся рисованные мультипликационные заставки, наглядно и ярко иллюстрирующие рассказ диктора.

Вот зрители наблюдают за живыми пузатыми громкоговорителями. Те гроздьями развешаны на столбах и будто бы поют, раскачиваясь в такт неслышной мелодии (из широких раструбов вылетают крохотные рисованные ноты, собираясь в облака). Ноты эти не просты, они отпугивают коварных птиц – болезненного вида, тощих, облезлых и наверняка очень хитрых.

В тесном помещении, превращенном в подпольный кинозал, слышно дыхание нескольких мужчин и женщин. Скрипят динамики. Шаркают по серому бетону ноги. То

и дело раздается тихий шепот, исполненный сожалений о прекрасном будущем, в реальность которого уже почти никто не верит. Но собравшиеся помнят... берегут в памяти заветы предков, их устремления и мечты. Уповают, что однажды привычный ход вещей будет изменен, и эта надежда наполняет их сердца светом...

Блондин-ведущий идет дальше, повествуя о новых изобретениях городских инженеров. И вот уже в кубе амбивизора следующая заставка.

Жизнерадостный носатый мужичок в кепке (кажется, он беззаботно насвистывает – с его губ тоже слетают закорючки озорных нот) наблюдает, как компактный четырехколесный агрегат шустро роет в земле глубокую траншею. Когда работа закончена, в канаву начинает поступать вода. На берегах рукотворного ручья тут же вырастают яркие пританцовывающие цветы.

Очередная заставка побита помехами настолько, что из передачи безжалостно выпадает сразу пара минут. Новый кадр ловит диктора уже в другом цехе, где бригады рабочих управляют мощными прессами и пилорамами. Иллюстрацией снова становится мультфильм.

Еще один персонаж: пузатый дядька, пусть и не столь беззаботный, как его предшественник (он одет в рабочий комбинезон и вовсе не намерен напевать или свистеть), строит модульный домик. Строит очень быстро. Едва разложив на земле плиты, он активирует магнитные замки (художники-мультипликаторы изображают магнитные волны подвижными волнистыми линиями, тянущимися друг к другу). Подпрыгнув, будто живые, части модульной постройки сами собой соединяются, превращаясь в уютный одноэтажный домишко. Довольный дядька в комбинезоне мгновенно вбегает внутрь, и тут же начинается рисованный ливень, уже не способный навредить персонажу заставки.

– ...лонизация... коления перво... – Шипит, похрюкивает и гудит динамик амбивизора. – ...пряженными с опасно... циальная экипиров...

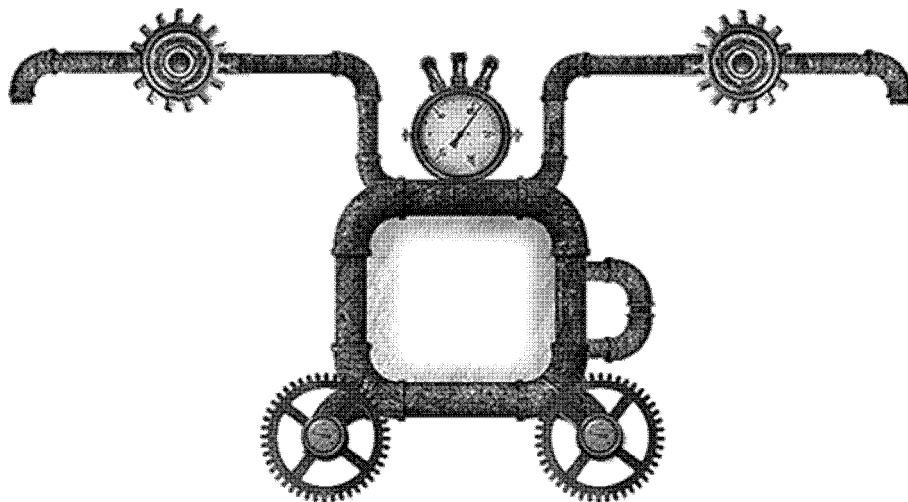
Зрители внимательно следят за каждым жестом ведущего передачи. С замиранием сердца вслушиваются в эти обрывки загадочных фраз. Шепотом расшифровывают, дополняют расколотые на части слова. Благоговейно передают их из уст в уста, восхищенно качая головами. Они хотят верить, что когда-нибудь планы прадедов будут осуществлены...

Киножурнал обрывается так же неожиданно, как начался. Больше половины информации, скрытой в запрещенной слюдяной пластинке, утеряно, как и сопровождавший картинку звукоряд.

Но зрители не торопятся вставать с мест.

Свет тоже никто не включает.

Кто-то тихонько, слегка виновато просит посмотреть еще раз. Другие поддерживают предложение негромкими возгласами. В полной темноте гладкая, испещренная трещинами пластинка амбикарты вновь скользит в проектор. В проволочном кубе начинается трансляция старинного киножурнала.

Вступление

Когда-то давным-давно существовал на свете великий Спасгород, населенный миллионами трудолюбивых и по-своему счастливых людей. А может быть, Спасгороду лишь предстоит быть построенным и заселенным? Это обязательно случится, если военные и ученые будущего не окажутся более предусмотрительными, осторожными и миролюбивыми, чем сегодня...

Город этот представлял собой огромный цилиндр, поделенный на десятки просторных ярусов. Внушительные размеры удивительной конструкции можно описать так – если идти пешком от одной стенки яруса до противоположной, потратишь немало времени и основательно устанешь. Этажи, в высоту достигавшие двух (и даже трех) десятков метров, местные жители предпочитали называть просто *полянами*, до того просторно и светло было на большинстве из них.

Отдельно нужно отметить, что снаружи спасгородцев подстерегала страшная опасность, главным символом которой была Птица. Защищаясь от нее, проектировщики и строители невольно лишили потомков возможности определить, высится ли башня их славного города над землей или утопает на километры в ее толще.

Однако внутри обжитого цилиндра хватало и приятного искусственного света (умело заменявшего подлинный дневной), и чистого воздуха. Ими людей обеспечивали особые машины, построенные еще в эпоху возведения Спасгорода.

А потому спасгородцы не тужили. Обитатели гигантского цилиндра так давно свыклись с нелегкими условиями существования, что (даже лишённые настоящего неба и солнца) совершенно перестали испытывать дискомфорт, из поколения в поколение передавая устои проживания на полянах.

Бок о бок с людьми колоссальный город населяли разумные механизмы, с давних пор призванные облегчать жизнь человека. И главными из таких помощников, безусловно, были Лифты – наделенные искусственным сознанием кабины, странствовавшие по ярусам вверх-вниз, перевозящие грузы, пассажиров и даже информацию.

Управление Спасгородом официально возлагалось на городскую администрацию, в которую входили чиновники поселковых советов со всех полей. Однако на деле (и в этом читатель уже имел возможность убедиться ранее) контроль над спасгородцами был сосредоточен совсем в других руках – в руках Гильдии Смотрителей.

Когда-то члены особой касты инженеров, умевших чинить, настраивать и даже строить Лифты, осознали, что власти много не бывает. Шаг за шагом, действуя незаметно и последовательно, представители Гильдии собрали и увязали в паутину самые прочные нити правления Спасгородом. О судьбе несогласных с такими порядками лучше не вспоминать, и далеко не один строптивый Лифт оказался отключен, воспротивившись новым требованиям...

Впрочем, секреты Смотрителей знали считанные единицы (и мы знакомы как минимум с тремя такими смельчаками). Остальное население башни продолжало преспокойно трудиться на рабочих местах, отдыхать на специальных полянах, воспитывать детей и вполне искренне радоваться жизни.

Большинство полей, как и в древности, населяли обычные люди: работающие, честные и скромные. На таких этажах располагались поселки для рабочих, фабрики и фермы, а также поляны для досуга и отдыха, вроде Летней Ярмарки или Зимних Склонов.

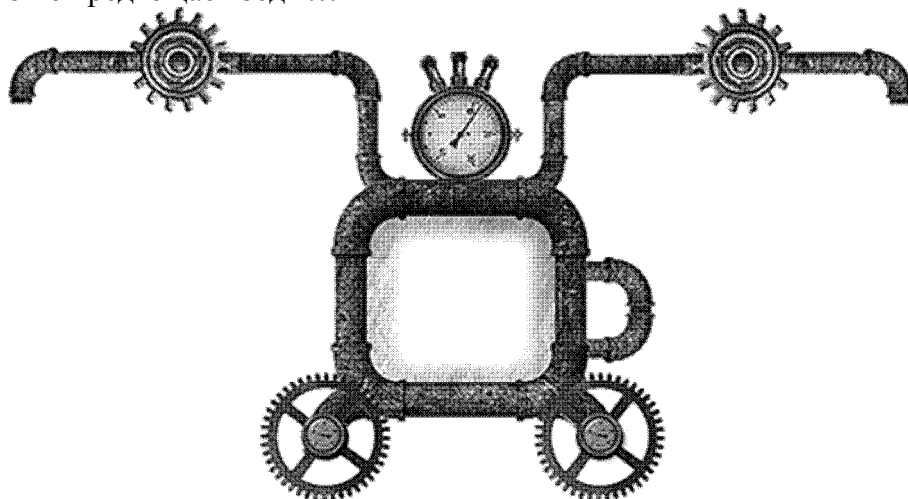
Однако некоторая часть ярусов уже не первый год была заполнена созданиями, лишь отдаленно напоминавшими людей. Смотрители держали существование таких мест в строгой тайне. Необычные поляны опечатывались, удалялись с карт и маршрутов следования Лифтов, замуровывались или находились под строгим контролем таких организаций, как Стража Гильдии или Пастухи.

В свое время юные герои, о которых я собираюсь рассказать вам, вольно или невольно побывали на множестве запретных полян. Познакомились с носатыми обитателями Свалки, узнали мертвенно-зеленые секреты радиоактивной Реакторной Станции, вкусили ошеломляющего бессердечия Казармы и Интерната.

С неимоверным трудом они избежали крупных неприятностей на Штамповальне, Радиаторе и Грибнице, пообщались с удивительными предками-психолептонами и множеством самых разнообразных Лифтов. Находили и теряли друзей. Дважды уцелели в противостоянии с оборотнем, отныне считавшим наших героев своими личными врагами. А еще победили Мглистого Механика – обезумевшее от горя существо, не один год терроризировавшее Лифты под негласным покровительством Смотрителей...

Да-да, эта история именно о них – о Дмитриии, Анастасии и Викторе, трех отважных голубоглазых близнецах с поляны Заботинск. История о детях (не таких маленьких, как можно подумать, но еще совсем не взрослых), узнавших самые неприглядные тайны своего города и вынужденных держать языки за зубами, чтобы не подставить под удар ни себя, ни своих чудных и все-все понимающих родителей. Эта история о дружбе, смелости и трусости, взаимовыручке и судьбоносных решениях. И, конечно же, о волшебстве.

Итак, описанные ниже события произошли через семь недель после того, как наши нарушители спокойствия вернулись с поляны Ярмарка, где их едва не бросили за решетку Стражники Гильдии. Началось все, как вы могли догадаться, в один прекрасный светлый день, когда ничто не предвещает беды...

Глава первая, в которой звучат истории из далекого прошлого, а кое-кто вспоминает про странный сон

Утро в Спасгороде началось, как всегда, с яркого луча Светоча, ударившего вниз от замысловатой системы сверкающих потолочных зеркал. Сквозь оконные стекла и желтые тюлевые занавески проник он в комнаты милого двухэтажного домика под красной черепичной крышей. Скользнул по сонному лицу мальчика. Мазнул по умиротворенному лицу девочки, посапывающей в соседней спальне...

И вот тут-то, друзья, если бы у нас была возможность лично проследить за лучом замечательного осветительного механизма, нас ждал бы неприятный сюрприз. Потому что в известном нам доме № 119, спрятавшемся в гуще таких же симпатичных построек для механиков и их семей в самом центре Заботинска, проснулись вовсе не наши старые знакомцы.

Если бы луч Светоча мог удивляться, это произошло бы в ту самую секунду.

Потому что из-под одеяла выскользнул пухлый темноволосый мальчишка, а в соседней

комнате недовольно натянула подушку на голову его капризная младшая сестра.

Если бы луч мог удивляться, он бы непременно отпрянул, в недоумении осматривая поселок и пытаясь понять, куда подевались наши герои. И уже через несколько мгновений, одновременно проникая во все строения Заботинска, он бы нашел их. Но отнюдь не на узловых улицах...

Над поселком прокатился перезвон – почти повсюду начали одновременно музицировать будильники, поднимая детей в школу, а взрослых – на работу.

Где-то далеко в центральных кварталах (с окраины было почти не слышно) захлопали двери, когда заботинцы потянулись наружу делать зарядку. Заиграли радиоприемники. Эти звуки, когда-то привычные и родные, больше не казались уютными и домашними. Но винить за это можно было только самих себя...

Массируя постанывающую поясницу, в единственную ванную комнату одноэтажного домика побрел высокий понурый мужчина. Обнаружив знакомого, луч приветливо погладил его по небритой щеке. Почему знакомого? Да потому, что мужчиной был Петр Петрович собственной персоной, отец наших героев и механик второго разряда, больше не имевший доступа к ремонту водоочистительных резервуаров. Наспех умывшись, он дошаркал до конца коридора, одновременно постучав в две детские спальни.

– Пора вставать, – все еще держась за поясницу, пробурчал мужчина. – Не заставляйте меня повторять дважды...

И когда Петр Петрович уже собирался снова опустить костяшки пальцев на тонкие фанерные дверки, те распахнулись. Потирая лица и зевая, из правой комнаты показались двое тощих мальчишек, похожих друг на друга, словно зеркальные отражения. Разница состояла лишь в том, что у одного брата мелкие шрамы (похожие на слезинки) усеивали правую щеку, а у другого – левую, а еще второй носил изящные очки в прямоугольной оправе, которые сейчас пытался сонно надеть.

Из комнаты напротив, прикрывая зевоту ладошкой, вышла девочка, одного взгляда на которую хватало, чтобы понять, что все трое ребят – близнецы. Так Светоч наконец обнаружил Витю, Настю и Диму, уже знакомых нам по предыдущим историям.

– Доброе утро, па, – с надеждой поздоровалась девочка.

Но отец ничего не ответил, устало удаляясь по коридору в родительскую спальню.

– Ну что, иди первой? – предложил сестре Димка, потягиваясь и прислоняясь к косяку. – Мы пока на кухню, чайник поставим...

Да-да, уважаемый читатель, именно так – в ванную комнату по очереди, без традиционных гонок и соревнований. Потому что теперь семья Петра Петровича жила не в просторных двухэтажных хоромах с белоснежным палисадником и красной черепичной крышей, а в скромном домике на самой окраине поселка, откуда открывался «великолепный» вид на Пустырь.

Дело в том, что, когда Гильдия взялась за расследование инцидента на Летней Ярмарке, отцу семейства пришлось потратить немало средств, чтобы отвести угрозу от его непосредственных участников – своих детей. И это помимо официального штрафа, который Петр Петрович внес в городскую казну.

Свою роль в истончении семейного бюджета сыграли и свидетельские показания младшего Смотрителя, в свое время чуть не изловившего нарушителей на Штаповальне, которые шантажист в сером плаще предпочел обменять на звонкую монету. Конечно же, после такого поворота событий родители были вынуждены продать старый дом. Причем очень дешево, потому что быстро. Часть мебели – тоже, как и новенький амбивизор. А еще маме – Юлии Николаевне – пришлось брать на работе кредит, который теперь порциями вычитался из ее зарплаты.

И все же взятки и «подарки», которыми Петр Петрович задабривал следователей, чиновников и рядовых Смотрителей, свое дело сделали – родители заплатили штраф, а дети отделались штампами в личное дело и трехлетним ношением особых браслетов, о которых еще пойдет речь...

Итак, пока сестра умывалась в общей ванной комнате, Димка вскипятит чайник, а Витя заправил постели. Затем пришла очередь мальчиков чистить зубы и тратить свою скудную порцию воды на умывание. Настя, окончательно проснувшаяся, но отнюдь не повеселевшая, отправилась собирать учебники. Отец, переодевшись в рабочий комбинезон, уже просматривал почту.

Дождавшись, пока дети сменят пижамы на комплекты школьной формы, Петр Петрович повел их во двор. Тот, конечно, не мог сравниться с ухоженным садиком их предыдущего жилища, но создать уют заботливые руки родителей постарались и здесь.

Сделав короткую зарядку, все четверо вернулись в дом, стараясь лишний раз не глядеть в сторону унылого голого Пустыря.

Наверное, вы уже заметили, что они почти не разговаривали и не улыбались?

Это правда. Произошедшее с близнецами и их родителями в последний год изгнало смех, так часто звеневший под красной крышей. Оно развесило по углам комнат невидимую паутину уныния, заставило опустить руки и головы, сожалеть о совершенных поступках и даже винить себя.

Нет-нет, не подумайте, что Петр Петрович перестал занимать сторону наших заговорщиков.

Но и выгораживать их, защищая от пристального внимания Смотрителей, он тоже устал. Побег на Ярмарку и схватка с Мгlistым, случившиеся школьную четверть назад, подкосили его, сделали угрюмым и неразговорчивым. А понижение по службе, оформленное зловредным начальником под откровенно глупым и надуманным предлогом, этот процесс усугубило.

Да еще и соседи начали коситься, причем первое время – совсем уж откровенно. Шептались, невесть кого заподозрив в непослушных школьниках и их безответственных родителях. Судачили, сплетничали, хмуро посматривали в магазине и на остановках самокатного транспорта. А иногда папе и вовсе приходилось закрашивать аэрозольные надписи «преступникам не место на Заботинске», по ночам появлявшиеся на заборе или стене их нового дома.

Нет, Петр Петрович не возненавидел своих сослуживцев или соседей!

Он вообще не относился к людям, долго помнящим зло. Но общая усталость, подавленность и необходимость вечно хранить тайну делали свое черное дело, подтачивая его уверенность в себе и вытягивая жизненные силы.

Итак, все четверо вошли в свой одноэтажный дом, где их уже ждала мама, вернувшаяся с ночной смены. В отличие от Петра Петровича, она еще сохраняла душевную бодрость и силу, при малейшей возможности пытаясь растормошить и развеселить семью.

– Привет, любимые! – Она по очереди чмокнула мужа и детей в щеки. Ласково потрепала мальчиков по светлым макушкам. – Ну что, какие будут заказы на ужин?

Это, конечно же, была бравада. Лишенные привычного достатка, отныне они могли позволить себе весьма ограниченное меню. А потому вопрос мамы звучал не только риторически, но и (при пессимистической оценке) даже издевательски.

Петр Петрович криво улыбнулся, неловко благодаря супругу за поддержку и оптимизм. Уселся за стол и налил всем чайного отвара. Радио включать не стал, но, забрав из приемника пневмопочты традиционный утренний газетный листок, углубился в чтение.

Дети расселись напротив, а мама, по мере сил подбадривая семейство, запорхала по крохотной кухоньке, раздавая тарелки с суррогатной кашей. Сама завтракать не стала – все знали, что сейчас Юлия Николаевна уйдет отсыпаться после вахты на фермерских хозяйствах.

– Мария Львовна в благодарность за подмену обещала поделиться премией, – с торжественным видом сообщила она. – Значит, на выходных приготовим что-нибудь вкусное, обещаю!

На лицах детей, ковырявшихся в грязно-желтой каше, наконец промелькнули улыбки. Им ведь, как вы можете понять, тоже приходилось несладко. И пусть за поступками

близнецов, повлекшими столь неприятные последствия, стояли самые чистые и честные намерения – они все равно втянули близких в жуткую историю, выпутаться из которой представлялось весьма непросто...

– Ну, дорогие мои, я баиньки... – Юлия Николаевна собрала пустые тарелки, загружая моечную машину. – На экскурсии не шалите. Пусть берегут вас Лифты! – Она ласково провела пальцами по Настиной щеке, улыбнулась мальчикам и мужу. – Лифт не выдаст, Птица не съест!

– Доброго отдыха, мама, – улыбнулась в ответ Настя. – Алмазы в сон – Птицы вон...

– Спасибо, милая! – И женщина, поцеловав на прощание Петра Петровича, удалилась в спальню.

Папа, допив чай и сложив листок, первым поднялся из-за стола.

– После школы – сразу домой, – ровным тоном произнес он, потирая переносицу. – Сегодня нужно починить крышу, на чердаке жуткий сквозняк...

– Разумеется, домой, куда же еще? – съязвил Димка, многозначительно потирая правую лодыжку.

Но папа или не заметил сарказма, или предпочел проигнорировать. Скупно улыбнувшись близнецам, он забрал пояс и сумки с инструментами, и ушел на остановку, откуда самокаты доставляли механиков к Лифтам.

А язвительным вопрос Дмитрия являлся потому, что на ногах наших героев уже шесть недель как красовались узенькие полоски черного пластика, замкнутого в браслет. И если тюремного заключения или перевоспитания в трудовом лагере тройняшкам удалось избежать, от несъемных приборов слежения, выданных Гильдией, откупиться не получилось.

Расстегнуть браслет так, чтобы не узнали *наверху*, было невозможно. Об этом злорадно сообщала хищная алая искра, раз в пятнадцать секунд пробегавшая по кольцу «украшения».

Теперь Нянечки (так сострил следователь, настраивавший браслеты) всегда болтались на детских лодыжках – круглые сутки, семь дней в неделю, а Смотрители могли с точностью до метра определить месторасположение неумейной троицы. Эти электронные кандалы ощутимо ограничивали свободу, нещадно давя на психику и лишая малейшей возможности провести Озорника или иных старых друзей...

– Зря ты так, Димка, – негромко укорил брата Витя, аккуратно протирая очки кухонной салфеткой. – Папе и без того несладко, а ты еще умничаешь...

Очки, которые он прежде не носил, тоже стали своего рода наследием войны против Мглистого. Конечно, Витька всегда много читал, в том числе и вредным для глаз способом – под одеялом с фонариком в руке, когда родители уже погасили свет и велели спать. Но главной причиной появления очков стала вспышка Светоча, ведь во время сражения со слугами Ризоморфа мальчик взглянул прямо в центр набиравшей накал линзы...

– А чего он дурацкие приказы раздает?! – перешел к своей любимой тактике (оправданиям) Димка. – Знает ведь, что мы никуда с этими Няньками не сунемся, нельзя даже погулять по-человечески. И все равно каждый раз считает своим долгом напомнить – мол, домой обязательно, никаких шалостей!

– Глупый ты, Димочка, – фыркнула сестра, возвращаясь из своей комнаты с портфелем. – Он же о нас заботится, как ты не понимаешь? И любит... Но иногда человеку хочется как-то выразить свою любовь, а слов он подобрать не может. Вот и говорит первое, что в голову придет, даже если это банальность.

– Тоже мне, умная нашлась. – Дима дернул плечом, но было заметно, что слова Насти его задели.

Он нырнул в мальчишечью комнату, тут же вернувшись с двумя школьными ранцами. Сегодня сумки были полупусты, потому что троице предстоял не совсем обычный учебный день. Витя с благодарным кивком забрал у брата портфель, закинул за спину и первым направился к дверям.

Из окрестных домов к центру потекли шумные стайки соседских детей. По большей части периферийный район Заботинска населяли семьи механиков невысокой квалификации.

А потому ни манерами, ни качеством одежды их отпрыски похвастать не могли.

На новеньких местные подростки косились как на диких чужаков – недоверчиво и с откровенным любопытством. Близнецам, не раз успевшим побывать в этой роли, чувствовать себя незваными гостями на родной поляне казалось возмутительным и несправедливым.

Держась поближе друг к другу, они старались смотреть прямо перед собой и шагать как можно шире. И только когда улицы окраин сменились более людными проспектами, дети пошли медленней, переведя дух. Воспоминания о том, как по дороге в школу Димка дважды за одну неделю подрался с местными задирами, были еще свежи.

Сегодня, вместо того чтобы миновать стадион и выйти к школе, все трое свернули на главную улицу. Направились напрямик на центральную площадь, где размещались Ратуша, пруд с механическими карпами и памятник Труженикам, старинный и внушительный. И если вы подумали, что наши герои вновь задумали прогулять уроки ради какого-то увлекательного приключения, то спешу вас успокоить – с Нянями на лодыжках об этом нельзя было и мечтать...

Впереди показался монумент – внушительная скульптурная группа из десятка фигур, сваренных из листового железа в дань памяти предкам: архитекторам, инженерам и строителям. Четырехметровые мужчины и женщины в противогазах и специальных костюмах химической защиты складывали из метафорических валунов стену, чтобы отгородить стоящих за спиной детей от невидимой угрозы. От памятника веяло скрытой силой, самоотверженностью и могучим упорством, которым так славились создатели Спасгорода.

У подножия композиции, как и ожидалось, уже начали собираться школьники в одинаковой двухцветной форме и удобных высоких ботинках (такие в городе носили большинство жителей). Вокруг них, нередко повышая голос и грозя смешливым хулиганам, сновали учителя, словно пастушьи зонды сгоняя детей в кучу и не позволяя разбредаться по площади. Витя, Дима и Настя без промедления влились в толпу сверстников, пестревшую черно-желтыми куртками.

Девочку тут же отнесли к девчачьим классам (в единственной школе Заботинска придерживались системы раздельного обучения), а братья остались здороваться с одноклассниками.

– Так, дети, внимание! – Одна из старших учительниц по имени Римма Александровна (подопечные называли ее Колючкой) отошла на несколько шагов и зорко оглядела гурьбу ребятешек. – Попрошу разделиться по классам и построиться!

Остальные учителя торопливо черкали в планшетах, считая отряды по головам и отмечая прибывавших. Когда последние опоздавшие влились в толпу в тени памятника, Колючка важно поправила массивные очки на длинном носу и приказала всем следовать за ней.

Разбившись на колонны, ученики потянулись за преподавателями.

Несмотря на запрет разговоров, над жизнерадостной процессией летали шепотки, смешки и недовольные возгласы, когда кто-то из мальчишек принимался задираť идущих рядом девочек. Прохожие и муниципальные служащие в окнах улыбались, наблюдая, как сразу шесть классов средней заботинской школы отправляются к Лифтам за центральной площадью поселка.

– Смотри-ка, – стараясь скрыть нервозность, попытался пошутить Димка, дергая брата за рукав. – Хотя и с Няньками, а дикие поляны посмотрим!

– А ну, тихо! – Колючка оказалась рядом с ними совершенно неожиданно. Погрозила крючковатым пальцем, одарила многозначительным взглядом поверх очков. – За вами, шалопаи, я слежу особенно тщательно!

Мальчики потупились, замолчали. Витка покосился на братца, хмыкнул, но остроту комментировать не стал. Плановая экскурсия вряд ли могла оказаться столь же захватывающей, как предыдущие путешествия близнецов. Впрочем, и такого количества

опасностей она тоже не предвещала...

Достигнув площадки за зданием Ратуши, учителя выстроили подопечных вдоль объемной шахты, о назначении которой ребята только догадывались. Убедившись, что никто не отстал, Колючка склонилась над пультом, начиная протокол вызова. По сигналу классных руководителей все достали из ранцев тетради, принявшись конспектировать последовательность ее действий.

Внутри шахты глухо рычали моторы, над входом в здоровенный (как у большинства грузовых Лифтов) дверной проем помигивали бледно-синие диоды. Дети послушно записывали, при этом не забывая незаметно играть в «наступашки», шептаться и хихикать над свежими школьными сплетнями.

Однако когда створки прибывшего Лифта разошлись, неугомонные болтуны замолчали, а над классами прокатилось дружное «ох!».

Кабина оказалась не просто просторной, а огромной (до дрожи напомнив нашим героям Лифт Высокого класса, с которого *все* началось). Вдоль стен размещались мягкие диваны для учеников, в центре находились столы и удобные кресла для преподавательского состава. Стены покрывал приятный светло-синий пластик, под потолком висели четыре люстры – точные копии светильников из школьных рекреаций.

– Что нужно сказать? – Римма Александровна повернулась к подопечным, вопросительно склонив голову.

– Здравствуйте, уважаемый Лифт! – без запинки, хоть и слегка вразнобой, выпалили полторы сотни заботинских ребят.

– Здравствуйте, дети, – важно и басовито ответили динамики Лифта, у которого оказался приятный мужской голос.

– Шестые и седьмые классы отправляются второй очередью, – распорядилась Колючка, обращаясь к учителям. – Четвертые и пятые – поочередно за мной в кабину, шагом марш.

И первой вошла в Лифт, разворачиваясь так, чтобы контролировать загрузку.

Детей рассадили по диванам, и педагоги снова начали делать пометки в планшетах. Витька и Димка, как обычно держащиеся рядом, незаметно помахали сестре, затерявшейся среди девчонок у противоположной стены.

Убедившись, что все на своих местах, Римма Александровна дала Лифту команду, и широкие дверцы сомкнулись. Старшеклассники, оставшиеся на площадке перед шахтой, вытягивали шеи, в предвкушении и нетерпении изучая нехитрое, но уютное убранство кабины.

Та тем временем вздрогнула, начиная плавно снижаться.

– Итак, дети, – пробасили спрятанные в потолке внутренние динамики, – меня зовут Прилежный, и я работаю Специальным Школьным Лифтом для Групповых Поездок...

Школьники зашуршали тетрадями, записывая слова Прилежного. Сидящие в центре кабины преподаватели зорко наблюдали за своими классами.

– Уже много лет я развожу экскурсии по разным полянам Спасгорода, – неторопливо продолжал Лифт, скрашивая поездку. – Тысячи школьников благодарны мне за труд, и я надеюсь, что вы пополните их число. Обещаю, что на Заботинск я верну вас так же аккуратно и быстро, как доставил сюда.

Кабина начала притормаживать, и дети оживились, зашаркали ногами, зашептались.

– Поляна, на которую мы сейчас прибываем, – рассказывал Прилежный, – называется Стратегический Склад Неприкосновенного Запаса, хотя в обиходе спасгородцы называют ее Амбаром. Это, дети, одна из важнейших полей нашего города, созданная на случай непредвиденных обстоятельств. Но гораздо больше вам расскажут учителя, которые и проведут экскурсию.

Лифт остановился, двери раскрылись. Колючка во главе малого преподавательского отряда незамедлительно направилась наружу. Затем классы по одному вышли из Прилежного, выстраиваясь на круглом сумрачном пятаке у шахты. Последними транспорт покинули остальные учителя.

– Увидимся после обеда, – пообещал Прилежный, чинно отправляясь за второй партией школьников.

– Всего наилучшего, уважаемый Лифт, – уже не так слаженно попрощались с ним юные пассажиры.

Димка, стоящий во втором ряду, ткнул брата в спину.

– Смотри!

Тот, ухитрившись глянуть через плечо, только теперь рассмотрел двух незнакомых дедов в одинаковой армейской форме, беседовавших с Колючкой. Римма Александровна что-то объясняла, оживленно жестикулируя и время от времени указывая на учеников. Старики качали лысыми головами, подслеповато шурясь и шамкая.

Пока они болтали, у детей появилась возможность осмотреть поляну, на которую их привез Прилежный. Снова слышались шепотки, смех и шутки, но теперь они казались слегка натянутыми и нервными.

Поляна была погружена в спокойный полумрак, выдающий рачительное использование электроэнергии и полное отсутствие системы Светоча. Под потолком, не покрашенным ни в один из привычных «небесных» цветов, застыли ровные ряды светильников на толстых шнурах. Лампы горели вполсилы, но овальные плафоны умело разбрасывали скудный свет. После яркого салона Школьного Лифта всем показалось, что на Амбаре очень темно, но уже через минуту глаза начали привыкать.

Вокруг площадки, где Прилежный высадил экскурсантов, размещались сотни контейнеров – огромных параллелепипедов из гофрированного железа, окрашенных в желтый, зеленый, бордовый и оранжевый цвета. Большая часть краски почти облезла, осыпавшись на серый пол ломкой разноцветной шелухой, но кое-где ее подновляли свежие мазки.

Двери хранилищ были заперты особыми электронными системами (продублированные механическими задвижками и замками). Повсюду виднелись пломбы, странные трафаретные надписи и сокращения, смысл которых казался интригующим и жутко секретным: «СР.Х.ЗАЩ.УР.3», «ПРО.МЯС.РАЦ.БЕЗ АНТИ.» или вовсе «СР.ИНД.ЛИК.Т.ПОР.ВИР.ЛЮБ.Т».

Закончив беседу со стариками, Колючка вернулась к ученикам. Один дед остался у Лифта, второй последовал за экскурсией. Вытянувшись в длинную колонну, школьники двинулись по поляне.

– В рамках курса основ безопасности жизнедеятельности, – забубнили со всех сторон преподаватели, – мы совершим прогулку по уровню, на котором сосредоточены основные припасы нашего города на случай экстренной ситуации.

– А что за экстренная ситуация? – спросила у бредущего рядом военного девочка из Настиного класса, наивно хлопая ресницами.

– У-у-у, дочка, – усмехнулся старичок, при ближайшем рассмотрении оказавшийся не таким уж и грозным. – Вообще-то поговаривают, что припасы эти хранятся на случай тран...

Договорить ему не позволила Колючка.

– Досужие сплетни интересуют моих учеников в последнюю очередь, уважаемый!

Римма Александровна оказалась рядом с дедком так спешно, будто только и ждала возможности пожуричь охранника. Подхватив его под сухой локоток, она повлекла старожилу в хвост колонны, оставив отвечать на вопрос кого-то из ближайших учителей.

– Ну... это, например, если фабрики по производству продуктов выйдут из строя. Или, скажем, если на фермах опять введут карантин. В окружающих вас контейнерах хранятся огромные запасы провизии, одежды, медикаментов и других полезных вещей, которые позволят спасгородцам выиграть время для ликвидации последствий возможной катастрофы...

Витька и Димка переглянулись. И если первый был неподдельно увлечен рассказом, читая трафаретные заклинания на стенках и пытаясь понять их смысл, то второго гораздо больше заинтересовала оплошность старика, чуть не выболтавшего детям чего-то лишнего.

– А почему здесь работают одни деды? – стараясь казаться беззаботным, спросил он.

Это было правдой – в проходах между контейнерами они уже встретили нескольких охранников в униформе, и всем им было явно за шесть десятков лет.

– Охранять Неприкосновенный Запас, – важно ответил учитель естествознания, обводя рукой огромные железные коробки вокруг, – большая честь и ответственность для любого жителя города. Эти люди, ветераны силовых подразделений – Стражи, службы урядников или сил гражданской гвардии. Не пожелав уходить на пенсию, они переведены на новое место работы, и теперь отвечают за сохранность уровня Стратегический Склад.

Экскурсия медленно продвигалась по поляне, весьма однообразной на вид.

Симметричные «кварталы» из плотных скоплений контейнеров, составленных в два и даже три уровня, отличались лишь цветом окраски рифленых бортов. Кое-кто из школьников все еще вертел головой, слушая комментарии лекторов, но большинство, начав скучать, затевали шутливые потасовки или тихонько болтали о своем.

В проходах притаилась настораживающая тишина, а пустота и уныние хранилища заставляли невольно держаться ближе друг к другу. Время от времени дети замечали то одного, то другого сторожа – старики в армейской форме без погон и знаков отличия блуждали по Амбару, собирая метлами пыль, проверяя целостность замков и пломб (словно кто-то мог посягнуть на стратегические запасы города) и обновляя трафаретные указатели на полу.

Процессия из семидесяти школьников и десятка преподавателей постепенно приближалась к внешней стене, с которой у наших героев были связаны самые яркие воспоминания. Где-то ближе к центру поляны Прилежный высаживал вторую партию пассажиров, в рамках образовательной программы прибывших на Склад Запаса, чтобы проникнуться величием замысла заботливых предков.

Настя вместе с девочками своего класса виднелась где-то во главе ручейка ребятни. Казалось, ей интересно, равно как и Виктору. В то же время Димка откровенно томился, устав от этого непримечательного и унылого места (говоря откровенно, он даже подумывал, не устроить ли ему какую-нибудь невинную шалость, чтобы хоть как-то развлечься).

– Эти склады, – громко, чтобы слышали все участники экскурсии, принялась рассказывать Колючка, медленно прохаживаясь вдоль колонны и зорко наблюдая за дисциплиной, – не только хранилище лекарств или консервированных продуктов. Это, в первую очередь, – и я хочу, мои дорогие, чтобы вы запомнили это на всю жизнь, – предостережение. Всем нам, спасгородцам, от мала до велика.

Не понимая, что интересного брат находит в непонятных аббревиатурах и пиктограммах, украшавших контейнеры, Дима от безделья стал изучать внешнюю стену поляны, вдоль которой сейчас шли школьники и учителя.

Вдруг в его душе не оформившейся догадкой колыхнулось беспокойство. От неожиданности он даже остановился и вздрогнул, вызвав недоумевающий взгляд Виктора. Но тут же замотал головой – мальчик пока не понимал, что именно его насторожило, а потому не хотел пугать брата раньше времени.

– Когда-то спасгородцы были частью великого и славного народа, – продолжала Римма Александровна, искренне упиваясь рассказом и от волнения заламывая пальцы. – Мы жили совсем иначе, населяя не один-единственный город, но сотни и тысячи городов. Из художественных книг и учебников вы знаете, что когда-то над головой наших пращуров сияло чистое синее небо, а поселения были окружены полями, горами и лесами, полными диких зверей.

Большинство школьников слушало Колючку внимательно, кто-то даже исхитрился записывать на ходу. Наиболее впечатлительные и эмоциональные, вдохновившись историей, охнули, когда учительница дошла до описания неохватных просторов, на которых жили далекие предшественники создателей города.

Димка же, слушая вполуха, никак не находил себе места, рассматривая стену и все пытаясь понять, что именно его настораживает. Внешняя граница Амбара не сильно

отличалась от виденных нашими странниками ранее. Разве что двери и проходы в технические лабиринты, пронзавшие ее толщу, здесь были не так основательно замаскированы – под надзором ветеранов необходимость в этом отсутствовала.

– О тех временах сегодня слагают легенды. – Раскрасневшись от переизбытка чувств, Римма Александровна перестала поминутно оглядываться на «главных школьных хулиганов». – И пусть сейчас это кажется невозможным, даже Птица была нашим другом...

Школьники ахнули, теперь почти все.

Воспользовавшись общим оживлением, Настя отстала от своего класса, потихоньку пробираясь к братьям сквозь людское течение. Димка все еще хмурил лоб, Витька с любопытством внимал Колючке.

– А затем другой народ, обитавший далеко-далеко за морем, решил, что наши предки живут лучше и богаче, – продолжала та столь увлеченно, что историей заслушались и другие преподаватели. – Этот народ решил отнять у нас наши горы, небо и поляны. Тогда он призвал Птицу, и она стала врагом...

На строгом, будто высеченном из камня лице Риммы Александровны отразилась боль.

– Борьба между народами длилась не один год, и вскоре не стало богатств, за которые началась схватка. И когда наши соотечественники из прошлого поняли, что им уже не вернуть чистого неба, они приступили к строительству Спасгорода...

Настя почти добралась до братьев, проскользнув под самым носом Колючки, невидящим взглядом смотревшей куда-то вверх детских голов. Учительница рассказывала о трагедии прошлого так, словно пережила ее лично и до сих пор не могла справиться с утратой.

– Это хранилище, – ведя рукой по сторонам, закончила она, – воплощенная в железо и бетон память города. Мы должны хорошо знать древнюю историю и ни за что не повторять ошибок прошлого.

– Настя? – удивился Витька, когда девочка, юркнув в самую гущу их класса, дернула брата за рукав. – Ты чего тут? Иди к своим, а то Колючка нас...

– Да погоди ты! – шикнула на него сестра, прячась среди мальчишек и украдкой поглядывая вперед, где завершала свою лекцию Римма Александровна. – Ребят, а вы ничего необычного на Амбаре не заметили?

Витька пожал плечами (наверняка собираясь поделиться наблюдениями о систематизации контейнеров). А вот Димка приободрился, энергично закивав. Значит, не только ему показалось, что с внешней стеной что-то не так!

– Я сначала думала, что мерещится, – продолжала шептать Настя. – А потом поняла, вовсе не мерещится. Эта поляна намного меньше обычного, вот!

– Точно! – едва не выдал собеседников Димка, подпрыгнув на месте. – А я-то понять не мог, что меня гложет!

– Действительно? – с недоверием протянул Витя.

Спустил очки на кончик носа, потер переносицу и уставился на внешнюю стену так, будто видел впервые.

– К гадалке не ходи! – хлопнул его по плечу Дмитрий, собираясь объяснить.

Но мальчик уже все понял и сам.

Как в нашем с вами мире некоторые люди умеют безошибочно определять стороны света, так и спасгородцы обладали врожденной способностью *чувствовать* свой город. Стоило Виктору сосредоточиться на ощущениях, как он сразу же уловил то, что чуть раньше осознали Димка и Настя.

Обыкновенно диаметр полян, независимо от их расположения, оставался приблизительно одинаковым (это наши герои, посетившие уже немало этажей, знали на собственном опыте), а толщина внешней стены если и варьировалась, то незначительно. Однако же Амбар, и теперь это казалось очевидным, был существенно меньше. Он будто скукожился к центру.

Другие школьники, не имевшие возможностей сравнивать, подвоха не замечали. Но

близнецы теперь смотрели на Стратегический Склад совсем иначе.

– Это так странно. – Когда девочка поняла, что и Витя догадался, ее щеки возбужденно зарделись.

– Так, Настенка, стоп! Какое нам до этого дело? – заметив ее интерес, сразу осадил мальчик. – Пусть эта поляна хоть пронизана секретами, мы в такое больше не ввязываемся!

– Да тебе ничего и не предлагают, – с демонстративным равнодушием протянул Димка, отвечая сразу за обоих.

Во время беседы тройняшки чуть отстали от основной группы, и теперь неспешно плелись в хвосте, почти не слушая рассказ Колючки. Та, продолжая вдохновенно вещать о назначении Амбара, давно потеряла неумных близнецов из виду, но даже не заметила этого.

Расстояние между хвостом колонны и отстающими постепенно увеличивалось. Однако даже Витя, старавшийся казаться рассудительным и строгим, отчего-то не торопился догонять сверстников.

– Ускорим шаг? – предложил он, вопросительно глядя на родных.

– А зачем? – Дима пожал плечами. – Они и так знают, что мы тут. Когда в Прилежного погрузка начнется, всех по головам пересчитают, без нас не уедут. Или ты забыл про Нянек? С ними мы можем вообще сами себе экскурсию провести, все равно далеко не уйдем...

– Ну, я не знаю... – пробубнил Витька.

Покосился на сестру. Но та, казалось, намеренно не замечая его умоляющего взгляда, продолжала изучать стену. Может быть, ее тоже опьянило ощущение хоть какой-то свободы, которого все трое были лишены уже не одну неделю? Поручиться не могу. Но когда последний школьник скрылся впереди за углом очередного нагромождения контейнеров, сердце девочки часто заколотилось в предвкушении чего-то интересного.

– А давайте поищем открытый контейнер! – вдруг предложил Димка. – Наверняка такой есть, да и не один. Собственными глазами увидим, что внутри, а?

Настя нервно ухватила за шнурки на капюшоне куртки. Открыто поддержать брата ей не позволял сердитый прищур Виктора. Но идея хоть на минутку почувствовать себя обычными детьми, а не арестантами, казалась слаще сгущенного молока.

Разумеется, близнецы понимали, что за любую шалость, узнай о ней Колючка или другой преподаватель, им влетит куда крепче, чем любому другому школьному непоседе. Однако на Амбаре, самой унылой и охраняемой поляне на свете, да еще и с браслетами слежения на ногах, они были физически неспособны на глупости.

И потому единодушно решили насладиться коротким, но таким приятным моментом, когда решения принимают не школьный совет, урядники или родители – решения принимают они сами. И пусть троица понимала, что миг свободы будет фальшивым, это обещало хоть как-то разнообразить серые будни, потянувшиеся после переезда на окраину Заботинска.

Невольно стараясь шагать тише (они одновременно вспомнили разные моменты своих прошлых приключений), дети двинулись по одной из боковых «улиц», стараясь держаться внешней стены. Витька проверял замки контейнеров, ему помогала сестра, а Димка смотрел по сторонам, чтобы вовремя заметить кого-то из сторожей или отправленного на поиски учителя. Если это произойдет, решили они чуть раньше, придется приврать, что заплутали...

Однако ни ветераны, ни офицеры Колючкиной армии в поле зрения не показывались. Именно поэтому перед злосчастной дверью ребята очутились в полном одиночестве.

Дверь, уводившая в глубь необычно толстой внешней стены, с первого взгляда была самой что ни на есть обыкновенной. Прямоугольная, с чуть закругленными углами, бледно-зеленая и абсолютно лишенная каких-либо опознавательных знаков или маркировок. Внутри утопленной в створке ручки виднелась пластина, отпиравшая замок. Петли поблескивали конденсатом, пробравшимся к железу через струпья облезающей краски.

– Ой... – вдруг восторженно выдохнул Димка, замирая перед дверью, будто случайно обнаружил утраченный шедевр изобразительного искусства. – Святы-платы...

Витька и Настя, чуть было не прошедшие мимо, заинтересованно повернулись. Первый нахмурился, в то время как его сестра недоверчиво отступила на шаг, теребя «хвостик» светлых волос.

– Знаете, ребятушки, – не отводя взгляда от двери, прошептал Дима. – Я только что вспомнил, что сегодня мне...

– Приснилась точно такая же дверь, – закончил за него Виктор, покусывая губу.

Димка обернулся, приоткрыв рот.

Ресницы его трепетали быстро-быстро, а челюсть все еще отвисала, будто мальчик хотел спросить, откуда близнецу известно про его сон. Но подступившее понимание лишило вопрос смысла, и он снова повернулся к странной (хоть и ничем не примечательной) бледно-зеленой створке.

– Мне тоже приснилось что-то подобное, – повторил Витя. – Если бы мы не увидели дверь, я бы и не вспомнил. А так – словно озарило.

– Ага, точно сказано! – кивнул Дмитрий. – У меня сейчас то же самое чувство... Настенка, а ты сегодня ничего такого не видела во сне?

Но девочка поджала губы и замотала головой.

Обманывать друг друга, безусловно, тройняшкам доводилось лишь считанные разы, и то по глупости. Но сейчас пришел черед осознанного поступка на благо остальным, и Насте было очень стыдно.

Конечно, как только братья привлекли ее внимание, она тоже вспомнила тревожный туманный сон про очень похожую дверь. Но, глядя в сверкающие глаза мальчишек, Анастасия никак не могла допустить, чтобы они трое вновь совершили что-то *неправильное*, ставящее родителей под удар. А потому обманула.

– Странно... – протянул Димка, внимательно наблюдая за сестрой. Казалось, он догадывается о ее неискренности, но прямо обвинять не спешит. – Ну? Что думаете? Могло быть совпадением то, что нам *двоим* приснилась такая вот дверь?

– Конечно, могло, – сглотнув комок, торопливо предположила Настя, теперь заставив присмотреться к себе и Виктора. – Мы знали об экскурсии заранее... Это вызвало стресс. Ожидание, переживания... Возможно, путешествие на чужую поляну всколыхнуло что-то из нашего прошлого. И теперь, увидев эту самую заурядную дверь, обоим кажется, что именно ее вы видели во сне. Шутки подсознания, не иначе...

Она поперхнулась, облизывая пересохшие губы, и Витька многозначительно покачал головой.

– А мне кажется, сестренка, что ты чего-то недоговариваешь. – Он легко ковырнул пальцем облезлую зеленую краску. – А еще мне кажется, что сегодняшний сон очень похож на Димкин двухмесячной давности. Помните, когда ему приснился дядька, который сказал, что Озорник в беде?

– Ага, точно! – Дима согласно хлопнул брата по плечу. Затем спохватился и торопливо посмотрел по сторонам, убеждаясь, что не привлек ненужного внимания этим громким возгласом. – Не верю я в стрессы и совпадения.

– Ладно. Возможно, вы правы. – Настя кивнула, чувствуя, как контроль над ситуацией утекает сквозь пальцы. – Ну что, пойдём дальше? Если уж искать открытый кон...

– Дальше? – Димка сдавленно хохотнул. – Увидев *такое*? Ну уж нет, Настюха... Пока не пойму, в чем тут подвох, с места не двинусь.

– Мальчики, ну вы что? – взмолилась сестра, но Витька смотрел на дверь с такой мрачной сосредоточенностью, что Настя сразу поняла всю безнадежность своего положения. – Да она заперта небось. Или в подсобку ведет. Пойдемте дальше, ладно? Я вас очень прошу...

– Погоди, сестренка, – задумчиво пробормотал Витя, сдвигая очки и потирая переносицу. – Это займет не больше пары минут, а потом мы отправимся искать остальных...

– Точно, Настюха, – приободрил ее Дима. – Чего бояться? Колючка где-то рядом, Няни

на ногах, что с нами сделается? Мы одним глазком глянем, и сразу обратно.

И едва девочка открыла рот, чтобы попытаться еще раз образумить братьев, те уже подступили к двери.

Димка протянул руку, ладонью нажимая на пластину. Потянул створку на себя. И та вдруг распахнулась, тонко зашипев пневматическими доводчиками. Так плавно и быстро, что Настя чуть не вскрикнула от неожиданности. Теребя завязки куртки, она аккуратно, будто за дверью поджидали страшные чудовища, заглянула в проем из-за плеч братьев.

И если вы думаете, что их взорам открылось что-то удивительное, то вы... ошибаетесь. За порогом оказалась небольшая комната, похожая на прихожую или шлюзовую камеру, из которой вело еще две белые двери. Пустая комната. Абсолютно пустая – ни мебели, ни коробок или бочек, ни приборов или точек протокольного доступа. Четыре стены, пол, потолок и тусклая лампочка под ним, зажегшаяся, едва сенсорные датчики уловили движение.

– Уф... – выдохнула Настя, натянуто улыбаясь. – Ничего интересного. Убедились, что это все ваше воображение?

Но мальчишки промолчали. Воровато переглянулись, а затем шустро шагнули внутрь.

– Стойте, дураки, чтоб вас Птица истребила! – зашипела сестра, вцепляясь в качнувшуюся створку и оглядываясь по сторонам. – Хотите по шее получить? А ну, быстро назад!

– Думаешь, пустую комнату увидели и на этом успокоимся? – фыркнул Димка, поочередно прикладывая ухо к одной, а затем другой двери напротив. – Вот пойдем, что там, и сразу назад... Витька, ты туда выгляни, а я здесь посмотрю. Настя, святы-платы, да не стой ты столбом, если нас выдать не хочешь. Либо спрячься где-нибудь неподалеку, либо заходи. Колючка увидит, всем крышка...

И тогда Настя, приняв, с ее точки зрения, единственное верное решение, вошла в пустую комнату следом за братьями. Дверца за ее спиной качнулась на великолепно смазанных петлях, зашептали доводчики. А затем створка тихонечко, с едва различимым щелчком закрылась.

Спохватившись, девочка обернулась – но взгляд уперся в ровную поверхность без ручек или замочных пластин.

– Кажется, у нас неприятности, – испуганно прошептала Настя. – Mamочка родненькая, Всемогушие Лифты, что же теперь будет?

Она нерешительно, будто заранее зная результат, нажала на створку.

Дверь не поддавалась.

Мальчики, молча стоявшие позади сестры, смотрели на захлопнувшийся проход, как на опасное насекомое, готовое в любой миг броситься в атаку.

– Открывайся! – приглушенно воскликнула девочка, стукнув в дверь кулачком.

Бледно-зеленые пластины обшивки проглотили звук, даже не отразив эха.

– Открывайся, мерзавка! – Настя снова ударила в дверь, еще раз и еще.

Димка, оказавшийся рядом, мягко обнял сестру, отстраняя, пока та не разбила себе руки.

Витя, молчаливый и бледный, внимательно осмотрел дверную коробку, кант герметизации, оба дверных доводчика. Помотал головой, отказываясь верить.

– Заперто, – констатировал он. – Ручки нет. Изнутри не открыть, только со стороны Амбара.

– Что же теперь будет? – сражаясь с подступавшими слезами, выдавила Настя.

– А ничего не будет, – пожал плечами Виктор, стараясь казаться невозмутимым. – И паника совсем ни к чему... Нянечки же работают. – Он демонстративно задрал штанину, обнажив лодыжку и черный ободок опостылевшего ножного браслета. – А это значит, что когда нас хватятся, то попробуют отследить по...

Мальчик вдруг осекся, и эта заминка не понравилась не только Насте – даже старавшийся хвастаться Дима вздрогнул. Проследил за взглядом брата. Моргнул, не желая

признавать очевидного.

Опустился на корточки, осторожно и недоверчиво покрутив на Витькиной ноге обод следящего устройства. А затем плюхнулся на пол, закатал собственную штанину и вцепился в Няню над правым ботинком.

— Как же так? — ровным, лишенным эмоций голосом спросил он. — Маяки Нянь молчат... Наглухо молчат. Это значит... Помещение экранировано. Нас тут не найдут!

Глава вторая, в которой состязаются умы и процессоры, а кое-кто следует за секретными путеводными знаками

Настя, тут же проверившая свой браслет, не удержалась и пару раз всхлипнула, торопливо смахнув слезинки рукавом.

— Без паники, говоришь? — Она с плохо скрываемой злостью взглянула на Витю. — Если сигнал Няни не пробивает стен комнаты, как же нас найдут?

Тот, не найдя, что ответить, лишь развел руками и отступил на пару шагов.

— Когда в Гильдии поймут, что сигнал прервался, наверняка начнут расследование, — принялся рассуждать он, наблюдая за братом, сидящим на полу и все еще задумчиво вертящим на ноге потухший браслет. — Проверят Амбар, проверят технические помещения. Нас обязательно найдут, Настена, это лишь вопрос времени!

Но та не слушала, обиженно насупившись и стараясь не разреветься. Отошла в дальний угол, опустилась на корточки, спиной подпирая стену. Димка, продолжавший недоверчиво рассматривать онемевшую Няню, вдруг ойкнул, привлекая всеобщее внимание.

— Я не специально, честное слово, — сразу начал оправдываться он, держа на вытянутой руке разомкнутый браслет слежения. — Я только подцепил... Он щелкнул и снялся. Я клянусь, Витька...

— Вероятно, — с интересом хмыкнул тот, забирая из руки брата заблокированный прибор, — потеря сигнала спровоцировала сбой магнитных замков. Любопытно, но не более. Советую надеть обратно, чтобы не пришлось оправдываться перед Стражей.

— И что? — наконец подала голос Настя, совершенно равнодушная к неполадкам Нянь. — Вы предлагаете сидеть и ждать, когда нас найдет Стража? А если браслеты — всего лишь пугачи, чтобы усмирить непоседливых детишек? Что, если Смотрители заметят потерю сигнала только через сутки? Или через неделю? Сколько человек может обходиться без еды и воды? Да нам через пять дней кранты...

— Во-первых, тебе нужно успокоиться, сестренка. — Вернув расстегнутую Няню брату, Виктор присел рядом с девочкой. — Конечно, мы попробуем сделать все, что в наших силах. Если понадобится, пойдем внутрь стены. Да-да, я знаю, что после этого нас опять привлекут за нарушение закона. Но если выбора не останется, мы попробуем. Хотя бы выйдем за пределы экранирования, чтобы браслеты смогли подать сигнал. Договорились?

Он тепло улыбнулся сестре, заметив, что та и правда постепенно успокаивается.

— Если хочешь ускорить наше освобождение, — продолжил Виктор, ободряюще похлопав ее по руке, — осмотри стены. У меня нет желания бездумно соваться туда... — Он многозначительно мотнул головой. — Но вдруг под краской мы найдем старые обозначения или указатели и сможем понять, что это за помещения?

Открывать двери, ради которых они оказались в комнате-ловушке, в действительности не очень-то и хотелось. Ведь дети прекрасно понимали, *кто именно* может поджидать их в технических коридорах, пронизывающих внешнюю стену и прослойки между полянами. Одно дело — совать любопытный нос в каждую щель, зная, что всегда можешь убежать по Амбару и позвать на помощь сторожей. И совсем другое — делать это, имея за спиной тупик...

Настя поднялась в полный рост, не очень-то охотно, но послушно исполняя просьбу брата. Двигаясь по периметру комнатки, она внимательно изучила каждый квадратный

сантиметр поверхности, стараясь хоть что-то разглядеть под многочисленными слоями серой краски.

Димка и Витя, в свою очередь, осмотрели все три двери.

На бледно-зеленой, через которую попали внутрь, мальчики не обнаружили ничего нового. На двух оставшихся, ведущих в стену Спасгорода, нашли примитивные запорные механизмы, работавшие с обеих сторон. И когда стало казаться, что никаких опознавательных надписей ни стены, ни двери не содержат, Настя вдруг тихонько вскрикнула:

– Смотрите! Кажется, тут что-то есть... Но я никак не могу прочитать!

И точно – на стене рядом с правой дверью виднелись бесцветные, едва различимые полосы прозрачной краски, практически незаметной на сером фоне. Дети пытались смотреть на надпись и так, и эдак – под самыми разными углами, и даже попробовали понять ее смысл, ошупывая кончиками пальцев – все было бесполезно. Надежда расшифровать невидимый текст почти испарилась, но тут Витька вдруг хлопнул в ладоши.

– Это же люминесцентная краска! – провозгласил он. – Ее заметно только в темноте. Так! Встаньте вот тут и не двигайтесь. Если датчик решит, что все ушли, свет погаснет. Как в комнате, через которую мы попали на Шлюз, помните?

Они помнили, хорошо помнили, а потому смирно встали подле брата, стараясь не шевелиться. Прошла минута, затем еще одна. Когда Димка уже начал терять терпение и задумал элементарно разбить или выкрутить лампу, свет наконец погас. Тотчас же, словно по волшебству, на стене напротив тройняшек вспыхнул рисунок, сотканный из ярких изумрудных линий.

Ошарашенные открытием, наши герои стояли не дыша. Они ужасно боялись пошевелиться, невольно активировать свет и тем самым изгнать мираж, заставивший их пульс участиться вдвое.

В нижней части картинки виднелось схематичное изображение троих детей – двух мальчиков и девочки с задорным «хвостиком» волос. Над их головами художник изобразил нечто круглое, с пропеллером в верхней части и множеством лампочек на боках. А рядом разместились ровные строчки текста, написанного уже знакомым почерком:

«Город нуждается в вашей отваге.

Снимайте браслеты и следуйте по стрелкам.

Старый друг ждет вас на Многодворовске».

– Скажите мне, что это не по-настоящему, а? – Димка качнулся, вспыхнул свет. Рисунок исчез, словно его никогда не существовало. – Ну, пожалуйста, скажите, что это нам только почудилось?..

– Нет, не почудилось, – задумчиво потирая ладони и глядя ровно перед собой, совершенно серьезно ответил Виктор. – Это действительно секретное послание, адресованное именно нам. И оставил его, как вы можете догадаться, Облачко.

Они, безусловно, догадались (даже если не хотели верить в происходящее).

Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф Одушевленный, а если сокращенно по первым буквам – Облачко (с которым близнецы когда-то познакомились на поляне Штамповальня), впрямь имел в корпусе встроенный пульверизатор с набором люминесцентных красок. А его почерк дети уже встречали не раз, так что ни о каком совпадении не могло быть и речи.

Все трое заворуженно смотрели на стену, где только что сиял рисунок. Перед глазами все еще плыли яркие зеленые линии и слова, от которых бросало в дрожь. *«Город нуждается в вашей отваге ...»*

– Кто-нибудь понимает, что это значит? – Наконец нарушила молчание девочка, тяжело вздохнув. – Или мой встроенный индикатор неприятностей зашкаливает не зря?

Димка хохотнул над шуткой. Нагнулся, повторно расстегивая отключившуюся Няню.

– Старый друг? – вслух задумался он. От наклона к лицу прилила кровь, и на правой щеке мальчика стали заметны крохотные шрамы. – Это он про кого?

– Про себя, вероятно, – задумчиво ответил Витя, проводя пальцами по незаметным в электрическом свете линиям рисунка. – Все говорит о том, что Облачко старательно маскировал свое послание. Наших имен не назвал, своего – тоже. Объяснил все иносказательно. Рисунок хорошо спрятал, полагаясь на нашу находчивость...

– Выходит, он точно знал, что помещение экранировано и разблокирует кандалы? – спросил Дмитрий, разглядывая зажатый в пальцах ненавистный прибор так, будто хотел шарахнуть его о стену.

– Совершенно верно, – согласился брат, медленно нагибаясь и нащупывая замки своей Нянечки. – Неясным остается только, как Оперативный Бот сумел передать послание через сны, заставив нас запомнить дверь...

– Стой, братик! – Настя поспешно схватила его за руку, с тревогой наблюдая, как он снимает с лодыжки браслет. – Ты что же это? Собрался идти на какой-то Многодворовск, прочитав всего пару слов на стене?

– Сестренка, – выпрямившись, Витя ласково накрыл ее ладонь своей. – Что значит, «пару слов на стене»? Неужели ты думаешь, что Облачко стал бы затевать *такое*, не будь все серьезно? Убежден, он не стал бы обманывать нас или паниковать зря. Значит, мы должны выяснить, что он имел в виду, написав, что город нуждается в нашей храбрости...

Димка ничего не сказал, только согласно кивнул и упрямо сжал губы.

– Всесильные Процессоры! – Выдернув руку из пальцев брата, Настя затравленно отшатнулась. – Вы совсем с ума сошли. Еще раз попадем в беду или привлечем внимание Гильдии, мама с папой этого не перенесут... Вы заметили, что отец уже таблетки пьет? В его-то возрасте!

– Да перестань ты, Настюха, – миролюбиво, но упрямо поддакнул Дима. – Мы же не на сутки уходим. Браслеты оставим, чтобы не нашел никто. Сбегаем быстро до этого Многодворовска, поговорим с Оперативным Ботом и сразу вернемся. Тут Колючка нас как раз искать начнет, а дальше по заготовленной легенде. Не на Свалку же лезем, а на приличную поляну, судя по названию...

– Знаю я твое – «мигом»! – Настя всплеснула руками. – На Интернате чуть навсегда не остался, а ведь тоже на пару часов убежал, ага? А в Червигород как попали?! Одним глазком посмотреть хотели, помните?

– В этот раз, Настя, все будет по-другому, – пообещал ей Виктор, и сквозь линзы очков читалось, что мальчик искренне в это верит. – Мы узнаем, чего хотел Облачко, и сразу вернемся. Пойми, если бы это было не так важно, Ликвидатор Катастроф добрался бы до нас в школе, как тогда – с письмом для Димки.

– А хочешь, оставайся, Настенка! – Тот с вызовом подмигнул. – Чего нервы трепать? А так Нянь покараулишь. Мы в это время *вжик* – и уже обратно, даже не запыхались!

Настя набрала воздуха и надула щеки, словно хотела как следует крикнуть на подстрекателя. Но вдруг задор ее иссяк, она протяжно выдохнула и недобро прищурилась.

– Вот уж нет, без меня не уйдете. – Погрозив Диме пальцем, она напомнила мальчишкам маму. – Либо все вместе, либо никто. Ясно? Сделаем все быстро и без заминок. И когда я скажу, что пора возвращаться, мы дружно поворачиваем обратно. Есть вопросы?

Братья почесали макушки, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– Я спросила, вам все ясно?! – рявкнула на них сестра, и только после этого они торопливо закивали. – Хорошо. Тогда, открывай...

Девочка опустилась на корточки, ловко размыкая на ноге осточертевшую Нянечку. Бросила браслет в угол, где уже лежали два таких же, одернула штанину. Следом за устройствами слежки отправились ранцы с тетрадями и карандашами, которые также решено было подобрать на обратном пути.

Осторожно, будто к створке могла быть привязана бомба, дети открыли дверь, рядом с которой обнаружился потайной рисунок Облачка. Первым в образовавшуюся щель выглянул Димка, остальные боязливо тянули шеи из-за его плеча.

– Ничего не понимаю. – Первопроходец замотал головой, отчего светлые пряди

разметались по лбу. – Как такое может быть? Будто в зеркальном лабиринте...

И чтобы понять, что именно мальчик имел в виду, нам нужно проследить за его взглядом. А тому открылось (и это на самом деле удивляло) уже знакомое зрелище – однообразные цветные контейнеры с рифлеными металлическими стенками, составленные многоэтажными блоками. Над складами горели все те же лампы, на длинных шнурах свисавшие с потолка. Пахло пылью.

– Это же Амбар... – протянула Настя, дыша в ухо Витьке. – Как мы могли выйти туда же, откуда пришли?

– Это не совсем Амбар. – Первым сориентировался тот, поправляя очки. – Это – внешнее кольцо поляны. Секретный уровень, периметр Неприкосновенного Запаса.

– Вот почему нам показалось, что поляна такая маленькая! – Дмитрий присвистнул. – До внешней стены еще топтать и топтать, но архитекторы отгородили особую зону, заставив всех поверить, что ее тут нет!

– Точно так, – кивнул брат. – Потопали помаленьку. Времени мало, а я вижу первую стрелку.

На ближайшем желтом контейнере, указывая вправо, в самом деле виднелась крохотная светящаяся стрелочка, совершенно незаметная случайному взгляду. Наши герои вышли из двери. Убедились, что та не захлопнется, в отличие от бледно-зеленой. И только после этого двинулись вдоль лимонного борта, настороженно прислушиваясь.

Однако когда пришел черед сворачивать в соседнюю улочку, куда звала новая неприметная стрелка, Витька вдруг застыл на месте, читая трафаретные надписи на стенках хранилищ.

– Витька, дурак, ты что залип? – шикнул на него Дима. – Клюв тебе в ухо! Не начитался? Пошли, давай, сам же поторапливал!

– Погоди... – Мальчик нахмурился, и Насте выражение его лица очень не понравилось. – Это не совсем то, что нам показывали учителя... – И он начал негромко читать вслух: – Защитная система «Зонт». Удержание электромагнитных бурь до уровня IV. А тут – набор «Колонизатор», предназначен для создания островных поселений... А вот еще – ультразвуковая изгородь для фермерского хозяйства площадью до 1,5 гектара. Мобильный медицинский блок «Маруся». Цифровая Калибровка, это что же, припасы для обустройства жизни *снаружи* ?

– Витька, ешки-матрешки, не время для экскурсии! – начал злиться Дмитрий, в нетерпении переминаясь под полупрозрачным указателем Облачка. – Или хочешь, чтобы нас местное старичье словило? Сам потом будешь объяснять, куда браслеты дели и как тут оказались...

И Витя послушался брата, хотя ему очень-очень хотелось продолжить изучение удивительных контейнеров. Он не мог точно сказать, чем те отличаются от виденных ранее. Но загадочные надписи (без всяких сокращений или аббревиатур, нужно заметить) очаровали его, заставив забыть обо всем на свете.

Одна стрелка следовала за другой, обнаруживаясь в самых труднодоступных местах. Это напомнило путешественникам о летательном механизме Оперативного Бота, несколько раз заставив тратить драгоценные минуты, чтобы определить, где старый знакомый спрятал очередной путеводный знак.

Будто играя с Облачком в «стражники-разбойники», близнецы продвигались все глубже и глубже в потайной Амбар, стремительно прячась, когда в коридорах мелькал кто-то из охранявших поляну ветеранов. И почти не удивились, когда наткнулись на последнюю стрелку, под которой мерцали несколько слов, написанных мелко-мелко.

«Каким бы заковыристым не был вопрос, вы обязательно найдете ответ!» – сообщал им Облачко, а стрелка метила в здоровенную шахту грузового Лифта, со всех сторон огороженного темно-коричневыми контейнерами. Планшет вызова моргал серебристыми огоньками, двустворчатые двери кабины были покрыты пылью, под которой угадывался полированный хром.

– И что это значит? – недовольно прошептал Димка, возвращаясь за угол, из-за которого оценивал диспозицию. – Этот Лифт нас подвезет?

– Наверное. – Поеживаясь, Настя пожала плечами. – Не стал бы Облачко зазря к шахте приводить, правильно?

– Давайте узнаем, – предложил Витя, выходя из-за контейнера. – Иначе – только время терять.

Мелкими шажками дети приблизились к шахте. Если данные планшета не обманывали, Лифт находился на Амбаре. Не теряя времени, Виктор положил руки на панель, начиная протокол вызова. Когда неспешная скрупулезная процедура была окончена, приборы вспыхнули приятным белым светом. Над дверьми зажглись новые диоды, из спрятанных ниш выдвинулись две амбикамеры, заменявшие Лифтам глаза.

– Здравствуйте, уважаемый Лифт, – поздоровался мальчик. Представился, затем указал на остальных: – Это Настя и Дима, мои брат и сестра.

– И тебе не хворать, мальчик Витя, – весьма дружелюбно ответил Лифт мужским голосом. – Но что-то подсказывает мне, что вы не служите в охране Стратегического Склада. Вот сюрприз! Не ждал, что меня разбудит дитя...

– Знаете, с точки зрения анатомии и психологии, я давно не дитя! – вспыхнул Витька, приготовившись вступить в спор, но Настя придвинулась к микрофонам на пульте.

– Нам нужна ваша помощь, – протараторила она, не давая брату сказать и слова. – Вы можете отвезти нас на Многодворовск? Нас там ждет друг...

– Вот те на! – хмыкнул Лифт. – Циклы напролет сплю-сучаю, словно дряхлый старик-охранник, а тут *такое* ... Будят с нарушением протокола, а потом просят на закрытую поляну доставить!

– Ну, пожалуйста, нам очень нужно, честное слово! – не сдавалась Настя.

– Возможно, барышня, очень даже возможно... – Шахта пожужжала камерами, как человек потягивается после сна. – Но мне-то что? Многодворовск не первый цикл закрыт по приказу Смотрителей. Так что увы – как получите официальный доступ и сопровождающего, буду ждать снова.

– Но мы всего на секундочку, честно-честно, и никому не...

– Пошли, Настена, – недовольно насутился Димка, с обидой глядя на панель вызова. – Видно же сразу, что упертый.

– Но почему Облачко вывел нас именно к нему? – прошептал Витя, наблюдая, как сестра не оставляет попыток уговорить Лифт. – И что означает надпись про отве?..

Его рот вдруг превратился в идеально-круглое «О», а затем он заговорщицки улыбнулся. Глядя на его раздумавшееся от волнения лицо, невольно улыбнулся и Дима.

– Догадался, да? Говори!

Но мальчик, вместо того чтобы ответить брату, шагнул поближе к микрофонам, мягко отстраняя сестру. Та протестующе пискнула, но Виктор подмигнул – мол, у меня есть идея, – и Настя поняла, уступила.

– Уважаемый Лифт, – негромко произнес Витя в паз на панели. – А вы любите задавать каверзные вопросы?

– Каверзные вопросы? – На планшете вспыхнули сразу все серебристые огоньки, отчего дети даже испугались. – Это что, риторический вопрос? Хотя, вероятно... Ты бы не стал задавать его, если бы знал, что мое имя – Шарада, Сверхподъемный Лифт Среднего класса.

Настя и Димка переглянулись, незаметно покосившись на надпись и стрелку, оставленные Облачком перед поворотом к шахте. Витька тем временем важно поправил очки и вежливо осведомился:

– Быть может, тогда я могу предложить вам сыграть? Если выигрываете вы, мы уходим и вы получаете несколько нескучных минут. Если же победа остается за нами, отвезете в нужное место. Что скажете?

Процессоры Шарады обрабатывали предложение. Тишина затянулась, и девочка от

волнения снова стала теребить потертые завязки на куртке. По Витькиной щеке сползла крошечная капля пота, Димка сжал кулаки до впившихся в кожу ногтей.

– Никогда не отказывался от игры в вопрос-ответ! – наконец радостно сообщил Шарада. – Согласен. Возможно, сама Великая Вероятность послала мне вас, чтобы скрасить монотонную службу... Кстати, заходите-ка внутрь, если не хотите попасться трухлявым пням, несущим вахту среди ящиков.

Двери с едва слышным шипением разошлись, со створок вспорхнули облачка пыли. За порогом обнаружилась огромная пустая кабина, способная за один присест увезти сразу два (или даже три) контейнера с припасами.

Дима и Настя нетерпеливо посмотрели на Витьку, доверяя принятие решения именно брату, и тот первым шагнул внутрь. Шарада был прав – прогульщиков, мило болтающих со служебным Лифтом без необходимого допуска, могли задержать патрули ветеранов.

– Итак, вас трое, – ожили динамики в стенах, когда двери сомкнулись, а отсек залил мягкий молочный свет. – Значит, и вопросов будет три!

Получив приглашение к любимой игре, Лифт оживился, уже предвкушая, как разгромит самоуверенных детишек. Из потолка выдвинулась амбикамера, нацелив на гостей свой выпуклый блестящий объектив.

Обнаружив в ближайшем углу откидные сиденья, вероятнее всего, предназначенные для грузчиков и операторов, близнецы уселись рядком. Настя поежилась, и братья мягко поджали ее с обеих сторон, стараясь согреть и морально поддержать.

– Итак, с какой бы из рубрик вступить в игру? Например... – Шарада демонстративно задумался. – Вот, слушайте, начнем с простого. Механик использует для заправки станка ровно литр горючего. Но возле цистерны с припасами стоят лишь две банки: на три и пять литров. Как можно отмерить ровно литр, имея только подручные емкости указанного объема?

– Да что тут сложного-то? – выпалил Димка, едва дождавшись окончания загадки. – Найти банку поменьше, и всех дел!

– Это ваш ответ? – озадаченно осведомился Лифт, недоверчиво повернув амбикамеру к мальчику. – Мне на самом деле его принять?

– Нет-нет! – воскликнул Витька, замахав руками, вскакивая с сиденья и заслоня брата от объектива. – Это вам слышалось, честное слово! – И зашипел на покрасневшего Диму, оборачиваясь через плечо: – Молчи, дурень! Тебя кто просил выступать раньше времени?

– Так он не сказал, что искать нельзя! – шмыгнул носом тот.

– Сказал, – недовольно цыкнула Настя, дергая его за рукав, – ты прослушал.

– Ладно, хватит ругаться. – Виктор вернулся на сиденье. Снял очки, машинально потирая переносицу. – Тут нужно лишь посчитать объемы... и немного подключить логику.

И принялся загибать пальцы, что-то бормоча себе под нос.

– Кажется, я знаю, – произнес он через минуту, стараясь не волноваться под тревожными взглядами остальных.

– Вы готовы озвучить ответ? – любопытствовал Лифт, покачивая камерой.

– Да. – Виктор вздохнул, осознавая всю меру возложенной ответственности, и неторопливо пояснил: – Сначала нужно налить в малую банку три литра, и вылить горючее в пустую пятилитровую емкость. Таким образом, там останутся свободными два литра. Затем снова наполнить трехлитровку доверху и долить горючего в большую банку, пока она совсем не заполнится. В малой банке останется ровно литр. Это верный ответ?

Потолочный свет мигнул.

– Верный... – В голосе Шарады слышалось неприятное удивление. Казалось, он только теперь осознал, что недооценил сидящих под камерой близнецов. – Ладно, тогда вот вам второй вопрос...

– Подождите! – Витя довольно грубо (это произошло от поспешности и азарта) перебил Лифт, и тот недовольно замолчал. – Извините, уважаемый Шарада... но мне казалось, что мы прошли треть испытания. Быть может, вы переместите нас на соответствующую часть

дороги к Многодворовску?

В просторном отсеке наступила гнетущая тишина.

– Законная просьба, юноша, – наконец ответил Шарада. – Но имей в виду, что второй вопрос будет сложнее. – И когда кабина начала грузно подниматься, загудев целой дюжиной двигателей, спросил: – Можно ли вскипятить воду на костре, если котелок сделан из обычной бумаги?

– Конечно, нет! – не задумываясь, брякнул Димка, со знанием дела пожимая плечами. – Бумага сгорит, ясное дело. А вода сразу прольется и потушит огонь...

– Это ваш ответ? – торопливо переспросил Лифт, замедляя скорость и жужжа подвижной амбикамерой.

– Димка, гад, ты что же делаешь?! – Витька перегнулся через сестру, с обидой стукнув брата по плечу (чего обыкновенно себе не позволял). – Поколотить тебя, что ли?

– Ты же нас всех подставляешь! – В то же плечо его мгновенно ущипнула Настя. – Кто тебя за язык тянет? Пусть Витенька отвечает!

– Ладно-ладно, больше не буду... – потирая ушибы, с неохотой смирился мальчик. – Витек, так Витек...

При этом дальнейшие слова Виктора заставили его откровенно удивиться.

– Отвечу сразу, – произнес тот, поднимая голову к потолку. – Вскипятить воду в бумажном котелке можно, как бы дико это ни звучало. Температура кипения воды сильно ниже температуры горения бумаги. Вода заберет жар и бумага не успеет нагреться, чтобы вспыхнуть.

Димка так и остался сидеть с отвисшей челюстью. Настя победно хлопнула в ладоши, а Лифт недоверчиво мигнул серебристыми светодиодами над входом в кабину и продолжил движение вверх.

– Надо же... снова верно. Вода закипает при 100 градусах, а бумага загорается при 233. – Он покачал камерой на выдвижном штативе. – Ты начитанный мальчик, Витя, молодец.

– Еще треть пути до Многодворовска, не так ли?

– Так, так... Но моя следующая загадка будет не на знания, а на логику. Готовы?

Дети переглянулись, ожидая самого трудного.

И даже Дима, чуть не подставивший всех, примолк, втянув голову в плечи.

– Где-то в недрах Спасгорода существуют две похожие поляны, – вкрадчиво начал Шарада. – Одна называется Правдинск, и ее жители говорят только правду. Вторая – Обманово, и населяющие ее люди всегда врут. Между полянами курсирует Лифт, на котором жители Обманово и Правдинска катаются друг к другу в гости. Представьте, что вы вдруг очутились на одной из этих полян... Какой *единственный* вопрос нужно задать первому встречному, чтобы понять, на какой именно?

Выслушав загадку, пассажиры сдвинулись в кружок, почти стукнувшись лбами.

Димка беззвучно зашевелил губами, повторяя непростые условия, а Витька запустил пальцы в шевелюру.

– Задача в самом деле на логику, – тихонько констатировал он. – Давайте попробуем порассуждать... Что можно спросить у прохожего? Который час? Какой-то общеизвестный факт? Нет-нет, это все не то... А может быть?.. Вот, послушайте... Если мы спросим лгуна, в его ли родном поселке находимся, он, конечно же, нам соврет. Если спросим правдолюбца, он ответит правду.

– Ага, придумал тоже! – нахмурился Дмитрий, все же не утерпев и сунувшись в беседу. – Если мы на Обманово встретим приезжего и спросим – это город врунов? Он ответит, что да. А если обмановца? Разумеется, услышим отказ. А как понять, кто из них местный?

– Погодите! Я, кажется, поняла! – вдруг просияла Настя, внимательно следившая за обсуждением. – Нужно посмотреть на задачку совсем с другой стороны! И спрашивать, не на какой поляне находимся мы, а на какой поляне находится наш прохожий!

И она, аккуратно раздвинув братьев и вставая, уверенно кивнула камере, будто готовилась отвечать урок перед всем классом.

– Нужно спросить у прохожего, находится ли он в гостях! – выпалила девочка, зажмуриваясь. И когда Лифт с интересом хмыкнул в ответ, прокомментировала: – Если ответят «да», значит, мы на Обманово. Если «нет», значит, мы на Правдинске, его жители никогда не врут. Ну, или наоборот – спросим, дома ли прохожий в настоящую секунду? Это сути не меняет, «нет» будут отвечать в поселке врунов, а соглашаться – на честной поляне.

– Хм... – повторил Шарада, на этот раз более протяжно. – Это два варианта верного ответа... Ну что ж, вы справились, даже удивительно... – пробурчал он чуть слышно. – Нужно было загадывать задачки для института...

Настя снова захлопала в ладоши и по очереди обняла братьев.

Кабина остановилась, свет опять мигнул.

– Теперь вы высадите нас на Многодворовске? – Виктор старался говорить сдержанно, хотя его и распирало от гордости за выигранное состязание.

– Увы, не имею права, – с прохладцей произнес Шарада, и улыбку смыло с лица девочки. – Поздравляю с победой. Но мы отправляемся обратно на Амбар.

Димка встал и пригнулся, поворачиваясь к протокольным планшетам, будто примеривался двинуть по ним локтем. Витька осунулся, обмяк на сиденье и дрожащими пальцами снял очки, чуть не уронив.

– Как? Но мы же ответили...

– Сколько можно повторять, упрямы! Это запрещенная поляна, Гильдия перекрыла доступ на нее много циклов назад, – словно не заметив их отчаяния, равнодушно ответил Лифт. – И в случае победы я обещал *отвезти* вас туда, но не обещал *высаживать*. Спасибо, что развлекли, это был действительно приятный сюрприз.

– Ты жулик! – вспылила Настя, подскакивая к камере, сжимая кулачки и даже привставая на цыпочках, чтобы заглянуть в объектив. – Хитрый жулик и обманщик! Мы честно выиграли, а ты...

– Что ты сказала?! – крикнул Шарада так громко, что динамики захрипели. Просторная грузовая кабина остановилась настолько неожиданно и резко, что дети чуть не попадали друг на друга. – Да как ты смеешь называть Шараду жуликом? Обвинять в нечестной игре!

Серебристый свет моргнул, погас, включился.

Лифт рванулся вверх с прытью, более подходящей курьерской или медицинской модели. Настя упала на руки братьев, кое-как забралась на сиденье. Новый рывок, заставивший всех троих вскрикнуть, ознаменовал резкую остановку. Затем хромированные двери распахнулись.

– Вот ваш Многодворовск. А теперь вон, негодники! – шумно и хрипло завопили динамики, заставив близнецов зажмуриться и прикрыть уши. – Никто не смеет называть меня обманщиком! Если вам суждено сгинуть на этой забытой Смотрителями поляне, так тому и быть. И помните, что отныне в городе стало меньше на один Лифт, готовый прийти вам на помощь!

В стенах активировались мощные вентиляционные пушки, которыми Шарада продувал салон после транспортировки грузов. Сопла нацелились на пассажиров, ударила тугая струя холодного воздуха.

В прямом смысле слова вытолкав тройняшек из кабины, Лифт с лязгом захлопнул блестящие створки. И, лишив победителей возможности хоть как-то извиниться за свои слова или поступки, ухнул в шахту еще до того, как внешние двери полностью сомкнулись.

– Лихо ты его, Настюха, – споткнувшись перед шахтой и болезненно упав на колени, усмехнулся Димка. Потер ушиб, поморщился, но в сторону Шарады обернулся с затаенным ликованием. – Оскорбился, посмотрите-ка на него! Как припадочный...

– А чего он? – Только сейчас осознав, что именно ее вспышка позволила закрепить победу над Шарадой, девочка перепугалась. – Договорились же, все честно было... а он давай на попятную, я же не хотела...

– Перестань, сестренка. – Витя осторожно взял ее за плечи, разворачивая от массивной шахты. – Ты все сделала правильно...

Свои тревожные мысли о том, что возвращаться на Амбар теперь придется невесть как и уж совершенно точно – другим путем, мальчик решил пока не озвучивать.

Вместо этого он осмотрелся, нахмурившись и поджав губы. Схожее выражение отразилось и на лице его брата. Настя, наконец-то справившаяся с волнением и обидой, проследила за их взглядами и испуганно вцепилась в Витькин рукав.

– И это *здесь* Облачко собирался нас ждать? – пропищала она, но ответом ей стала полная тишина.

Шарада высадил их на одной из периферийных улиц поселка, который назывался Многодворовск. Впрочем, в глаза сразу бросалось полное несоответствие между поляной и ее названием – дворов в окрестностях было не так уж и много.

Несколько двухэтажных построек скопилось вокруг центральной площади (по аналогии с иными жилыми полянами). Несколько административных зданий составляли главную улицу. Да еще то здесь, то там были раскиданы домишки попроще, обнесенные аккуратными заборчиками.

Гораздо больше на Многодворовске виднелось строений незавершенных, причем в самых разных стадиях. Где-то на дом оставалось лишь постелить черепицу, где-то крыша отсутствовала вовсе, а кое-где рабочие только успели заложить пенобетонный лист фундамента.

Домики, как и было принято в Спасгороде, конструировались из легковозводимых модулей, а потому вокруг недоделанных коттеджей громоздились упаковки блоков, стеновых панелей и других материалов. Вероятно, именно так мог выглядеть, скажем, Заботинск, когда на него только-только заезжали молодые строители – предки Петра Петровича и Юлии Николаевны.

Однако (при всем своем начально-строящемся виде) впечатления энергично развивавшейся поляны Многодворовск не производил. Людей вокруг не было вовсе. Светоч работал еле-еле, уже давно прекратив менять режимы дня и ночи, а шарниры половины зеркал напрочь заело.

Здания, улицы, фонарные столбы и стены шахт густо покрывала пыль, отливавшая матовыми оранжевыми оттенками. Когда Димка притопнул ногой, выяснилось, что она давно слежалась в плотный пружинистый слой, бесшумно разламывавшийся цветными кусками.

Этот бледно-оранжевый ковер укутывал крыши, полиэтиленовую упаковку строительных модулей, грузовые самокаты на стоянке, палисады и бельевые веревки. Когда дети продвинулись по улице в глубь поселка, стало заметно, что внутри домов все тоже покрыто тонким пористым налетом. Стоял неприятный сладковатый запах, от которого во рту невольно начинала скапливаться слюна.

Чуть слышно скрипела ставня, где-то бряцала незакрепленная железная цепь.

– Ох, не нравится мне все это, – проворчала Настя, через ближайшее окно указывая на накрытый к обеду стол. – Причем чем дальше, тем больше...

Картина и вправду выглядела безрадостной, унылой и необъяснимо тревожной. Складывалось впечатление, что стол накрыли на четыре персоны, уже разложили по тарелкам какую-то еду (угадать блюда было невозможно из-за оранжевого пепла), а затем вдруг поспешно покинули дом, никогда в него не вернувшись...

– Зброшенная поляна... – сказал Витя, невольно понижая голос. – Выходит, они существуют...

– И как же мы станем искать Облачко? – спросил Димка.

Он присел на корточки, с интересом рассматривая слой цветного налета на черном резино-асфальте. И даже протянул палец, чтобы потыкать, но отчего-то не решился и в последний момент спешно отдернул руку.

– А меня искать не нужно! – вдруг объявил знакомый голос, после чего наши герои

услышали жужжание моторчиков, и из соседнего переулка на них спикировала сфера Оперативного Бота. – Благочестивые клеммы! Да гневные вопли Шарады было слышно с другого конца поляны.

Для тех, кто подзабыл, как выглядит бот, поясню, что больше всего он напоминает летающий футбольный мяч, собранный из металлических пластин. Также разумный механизм густо усеян изумрудными диодами, динамиками, объективами амбикамер и скрытыми лючками, за которыми прячутся пульверизатор, телескопический манипулятор и много других полезных штук. В верхней части Ликвидатора Катастроф размещается сложный «двухэтажный» выдвижной винт, с помощью которого Облачко перемещается по воздуху, причем весьма ловко...

– Облачко! – непроизвольно воскликнул Дима, и эхо от его радостного крика тревожно раскатилось над пустынным поселком. – Привет, дружище, – уже значительно тише добавил он, когда бот завис на уровне лица, помигивая зелеными огоньками. – Что ты тут делаешь?

– Жду вас, конечно. Здравствуйте, друзья! – У Облачка был приятный голос молодого и очень уверенного в себе человека. – Простите, что пришлось назначать встречу в столь невеселом месте.

– Облачко, зачем ты так? – грозя пальцем, попрекнула его Настя. – А если бы мы не заметили зеленую дверь? Если бы не смогли увидеть твой рисунок? Если бы не догадались, что с Шарадой нужно было сыграть в загадки? Ты предполагал, что мы можем элементарно засыпаться на его вопросах?

– Я верил в вас, и вот вы здесь, папенька мой конденсатор! – как ни в чем не бывало, негромко, но торжественно ответил бот. Сделал полный круг, обдавая волной воздуха от пропеллеров. – А вы возмужали, друзья. Как же я рад вас видеть!

– Мы тебя тоже, – рассматривая исцарапанные бока летающего мяча, признался Виктор. – Но ответь, ради Стоядерных Процессоров, зачем ты притащил нас в этот брошенный поселок?

– Сожалею. Но это верхняя точка, куда Шарада мог доставить пассажиров, не попавшись наблюдателям Гильдии. Так сказать, отправная точка в вашем новом путешествии.

– Новом путешествии?! – Брови Димки полезли на лоб, а Настя прикрыла распахнутый рот ладошкой. – О чем это ты? Мы же с урока только что...

– Терпение, друзья, и я все объясню. – По орбите Облачка пробежала зеленая искра, выдававшая переполнявшие бота эмоции. – Но пока прошу придерживаться двух простых правил. От меня не отходите – это первое. И второе – ни за что не прикасайтесь к оранжевой пыли, которую видите под ногами.

Дима побледнел и сглотнул комок, но этого никто не заметил.

– Не хочешь рассказать про Многодворовск? – припуская очки и потирая переносицу, вежливо, но твердо осведомился Виктор. – Почему тут так много незавершенных домов, но улицы размечены под дальнейшее строительство? Почему люди ушли, побросав пищу, любимые игрушки, книги, бытовую технику и даже белье на веревках?

– Да плевать на Многодворовск! – порывисто перебил его Дмитрий. – Важно, зачем мы пошли по твоим таинственным указателям? Зачем ты, Облачко, нас позвал?

– Он предположил, что вы сможете выкрутиться из любой, даже самой непростой ситуации, – безмятежно, словно они в школьном коридоре обсуждали новости, а не вели беседу на мертвой поляне, покрытой опасным налетом, ответил летающий механизм. – И не ошибся. А мне поручено лишь встретить вас и указать дальнейший путь.

– Кто это – он? – с тревогой в голосе вступила в разговор Настя, теребя завязки.

– Его личность пока останется секретом, – сдержанно произнес бот. – Об этом он меня попросил отдельно, чтобы в случае... непредвиденных обстоятельств, так сказать, сохранить инкогнито.

– Что за глупости? – изумилась девочка. – Облачко, мы приказываем тебе ответить!

Ликвидатор Аварий сделал короткий вираж, мигнув лампами на теле.

– Дело в том, Настя, что теперь я не подчиняюсь приказам, – радостно сообщил он, отчего челюсти наших героев удивленно отвисли. – Ни вашим, ни Смотрителей. Но это, безусловно, не отменяет нашей дружбы! – поспешно добавил Облачко. – Я вовсе не забыл, кто разбудил меня после многолетнего сна, подарив свободу!

– Как это так? – Витька недоверчиво покосился на подвижную сферу.

– Тот, о ком я пока не могу рассказать, – охотно поделился бот, – кое-что модернизировал в моей конструкции. Вынул, скажем так, лишние модули.

Димка присвистнул, сунув руки в карманы и задумчиво качнувшись на пятках.

– Так зачем же тебя послали к нам? – недоверчиво спросил он.

– Чтобы передать послание, – приступил к делу Облачко. – Вам нужно добраться до Сонника, одной из верхних полян. И я сделаю все возможное, чтобы помочь вам туда попасть.

– К Соннику? – нахмурился Виктор. – Что это такое? Закрытая поляна?

– Верно, Витя. Там вы поймете, зачем я увел вас с Амбара, почему во сне вы видели бледно-зеленую дверь и что все это означает.

– Но мы не можем! – в отчаянии воскликнула Настя, обернувшись к братьям в поисках поддержки. – У нас урок-экскурсия, и если мы не вернемся в течение часа, нас хватятся и объявят тревогу!

– Возможно, – мягко согласился бот. – Но я вижу, что от приборов слежения вы избавились, а это значит, что перехватить экспедицию Смотрители не смогут.

– Нет-нет! – не унималась Настя, испуганно замахав руками. – Сбежать – значит подвести маму и папу! Ты хоть представляешь, что начнется, когда мы вернемся домой?!

– Представляю. Лучше, чем вы сами. – Парящий перед детьми шар покачался в воздухе, мазнув по лицам упругой волной сладковатого воздуха. – Но мой новый друг считает, что спасти город можете только вы.

– Спасти город? – Лицо Виктора вытянулось, очки сползли на кончик носа. – Что ты такое говоришь? Городу не может угрожать опасность...

– Увы, друзья мои, – ответил бот, – может. И тот, кто послал меня передать сообщение, считает, что без вашей помощи с ней не справиться. Он думает, для этого вас избрала судьба...

Глава третья, в которой цветная пыль скрывает следы чудовищного преступления, а кое-кто седлает Лифт и знакомится со странными людьми

Близнецы принялись играть в «ты-моргнешь-первым». По горящим глазам Димки было заметно, что неожиданная авантюра, предложенная Облачком, ему очень даже по душе. Витька заметно колебался, не очень-то веря проникновенной речи бота. А Настя откровенно перепугалась, представив себе ужасные последствия их очередного побега.

Волшебная связь, возникавшая между троицей в минуты душевных переживаний или опасности, сейчас снова проявилась, заставляя их тонко чувствовать друг друга и почти читать мысли.

Некто таинственный, но следящий за приключениями братьев и сестры, затеял непростую комбинацию, избавив детей от Нянечек, приведя на Многодворовск и устроив встречу с Облачком. Этот кто-то мог рассказать куда больше, но для этого требовалось снова подниматься по стволу Спасгорода, разыскивая поляну со странным названием Сонник. А еще *он* доподлинно представлял, чем рискуют наши герои в случае поимки, и все равно звал, утверждая, что городу грозит опасность...

Конечно, они волновались.

В памяти сразу всплыли предыдущие приключения, возвращение домой после поездки на Лифте Высокого класса, Смотритель Карл, Мглистый Механик и оборотень, цирковая

трупна на Летней Ярмарке, полумеханические вояки, крысы, червяки и люди-грибы...

Снова преступив законы Гильдии и сняв браслеты слежения, они словно оказались на невидимом пороге. За ним лежала влекущая неопределенность, новые тайны и опасности. Позади – спокойное однообразное существование под присмотром урядников, истончающиеся от переживаний родители и пожизненное клеймо беглецов.

– Если... если у нас не выйдет... – начал Витька, кусая губы. – Твой новый друг сможет как-то прикрыть нас от гнева Смотрителей?

– Он сделает все, что в его силах, – искренне ответил Облачко, но энтузиазма в его голосе было совсем чуть-чуть. – Но поверьте мне, друзья. Все, что я знаю, говорит о приближении решающей схватки. И если мы проиграем, то не будет никакого *потом*. Прямо сейчас вы еще можете вернуться и постараться забыть о нашей встрече. Или последовать за мной и тогда – будь, что будет.

Настя все еще смотрела на мальчиков, умоляя не делать глупостей.

Но Димка, было заметно, уже решился.

– Я участвую, – просто сказал он. – Если мне дают шанс вписать свое имя в число спасителей города, я согласен. Даже если это опасно.

– Я тоже, – ответил Виктор, протирая очки краем школьной рубашки. – Если наши действия смогут хоть немного изменить существующий уклад городской жизни, стоит рискнуть. Настя?

Та молчала, не веря собственным ушам. И пусть девочка чувствовала сомнения и страх, она храбро кивнула, подтверждая, что не покинет братьев. Настя, пожалуй, точнее всех понимала, на что соглашается троица и какое наказание ждет их в будущем. Но бросить Витю и Диму (плечом к плечу с которыми так много прошла) не могла никак...

– Я с вами, братики... – Несмотря на нахлынувшее уныние, она решительно тряхнула челкой и даже чуть-чуть улыбнулась. – Облачко, мы согласны. Как нам попасть на Сонник?

– Хорошо, – без промедления ответил бот, наблюдавший за терзаниями близнецов с затаенным опасением. – Это первая победа – *он* в вас не ошибся. Идите за мной.

Шар описал короткий круг, направляясь в одну из ближайших улиц.

– Как вы понимаете, воспользоваться Лифтами напрямую мы не можем. Их все чаще вынуждают занять сторону Гильдии.

Дети зашагали за летающим железным мячом, крепко держась за руки, чтобы в последний момент не отказаться от принятого решения. Под ногами неприятно хрустывал оранжевый наст.

– Однако я знаю расписание одного из местных Лифтов, – продолжал Облачко, стараясь плыть по воздуху со скоростью идущих под ним тройняшек. – Он проезжает Многодворовск несколько раз в день, а в шахту есть доступ, оставленный вашим старым недругом...

Дмитрий остановился как вкопанный, машинально потирая левое предплечье, рассеченное ножом супруги Мглистого Механика. Брат и сестра озабоченно взглянули в его побледневшее лицо.

– Мглистый был здесь? – спросил Дима.

– Да, был. Он безуспешно пытался добраться до жертвы, проломив шахту. Дыру с тех пор никто не заделал, ведь доступ на поляну закрыт. Через нее мы и попадем внутрь. На этот раз вы отправитесь в путь не в кабине Лифта, а на его крыше!

Настя покачала головой, молча подтверждая опасения – я заранее знала, говорил этот жест, что мы ввязываемся в форменное безумие. Но Витька сжал ее ладонь, и девочка вымученно улыбнулась.

– Скоро Лифт остановится на жилой поляне, расположенной под Многодворовском, – продолжал инструктировать Облачко, жужжа пропеллером. – Спуститесь на крышу кабины по технической лестнице, камер там нет, а ваш небольшой вес не позволит почувствовать нагрузку. Когда Лифт достигнет верхней точки маршрута, я ненадолго задержу его, пока вы через коммуникационные тоннели выберетесь на следующую поляну.

– Это будет Сонник? – с надеждой спросил Витя, когда они продолжили движение.

– Нет, – последовал честный ответ. – Увы, на Сонник из этой части города не ходит никто. Но я предусмотрел все возможные варианты, провел подготовительную работу и отметил потенциальные маршруты специальными стрелками, вам уже знакомыми...

И потом, вы ведь не раз путешествовали по Спасгороду, не имея ни кодов протокольного доступа, ни карт – последняя мысль осталась невысказанной, но дети поняли ее и без слов. *Попав на незнакомую поляну, вы обязательно разыщите путь наверх и доберетесь до цели, именно поэтому он вас и выбрал.*

Незаметно для всех Виктор повернулся напоследок взглянуть на шахту азартного Шарады, оставшуюся далеко за спиной. У него было чувство, что на этот раз они окончательно уходят от спокойной жизни, школьных будней и беззаботного детства, уничтожить которое не смогли ни Мглистый, ни Красимира...

– Вот, – объявил Ликвидатор Катастроф, выводя троицу на пятак перед новой шахтой. – Это здесь. Теперь нужно подождать...

Площадка, это было сразу заметно, оказалась заранее подготовлена к их приходу. Включив винты на полную мощность, Облачко разогнал вездесущую оранжевую пыль, расчистив место, где дети могли присесть на пол, давая отдых ногам.

В пенобетонной трубе шахты виднелся основательный пролом, давным-давно оставленный руками Александра Дрейфуса. Из дыры, обрамленной обрубками арматуры, бил прохладный ветерок, негромко выдувавший две монотонные ноты.

Усаживаясь на скрещенные ноги, Димка со злостью посмотрел в бесформенный лаз, играя желваками. Даже сейчас, после исчезновения Мглистого Механика, его «щедрое» наследие встречалось на самых разных полянах по всему городу...

Витька и Настя сели рядом, брезгливо проверив, нет ли на полу оранжевой отравы. Бот, отключив винты, с металлическим стуком опустил ся напротив.

– Может, теперь расскажешь, что это за поляна? – чтобы отвлечься от неприятных воспоминаний, спросил Дима, обводя рукой недостроенные домики вокруг.

– Знаешь, Дмитрий, это очень грустная история, – Облачко мигнул светодиодами, – к тому же строго засекреченная Гильдией.

– Серьезно? – фыркнул мальчик, презрительно скривившись. – А я-то было подумал, что твой новый друг подарил тебе полную свободу воли...

– Эх, Дима-Дима, – мягко укорил его мяч. – Сарказм тут совершенно излишен. И от того, что я перестал подчиняться тиранам, история Многодворовска веселее не стала...

– Правда, расскажи, – тихонечко попросила Настя, придвигаясь к брату. – В тишине сидеть еще грустнее.

– Когда-то здесь начинали обустраивать одну из жилых полян, – без особенной охоты начал Облачко. – Бывший складской этаж был отведен для строительства поселка инженеров, которому присвоили название Многодворовск. Однако гниль уже успела просочиться в Гильдию и затея не кончилась ничем хорошим.

Бот выдвинул пропеллеры, будто собирался взлететь, но спрятал винты обратно, передумав.

– Смотрители обеспечили поселенцев транспортом и материалами, стали прибывать первые колонизаторы. Приехало почти двести семей, многие с детьми. Но вскоре выяснилось, что услуги Лифтов и материалы предоставляются будущим жителям Многодворовска не бесплатно. Инженеры обнаружили, что на их имена открыты кредитные линии, откуда вычитаются средства за строительство поселка, а также немалые налоги. Несмотря на то что места в городе хватало, как и запасов модульных домиков.

Витька, внезапно разгадавший финал истории, скорбно покачал головой, совсем по-новому взглянув на безжизненную поляну. Мертвые дома палились на детей слепыми окнами, покрытыми оранжевой пленкой.

– Многочисленные выплаты на счета Гильдии привели к взрыву недовольства, – продолжал Облачко. – Поселковый совет взбунтовался, начались демонстрации протеста.

В один печальный день все население поляны собралось на центральной площади – митинг был спонтанным, внезапным, многие пришли на него с детьми, бросив стройку, обед или домашние хлопоты. Люди хотели отмены налогов или собирались покинуть поляну, вернувшись на прежние места проживания. И тогда Смотрители согласились выслушать поселенцев. Якобы согласились.

Облачко вздохнул, помигивая темно-зелеными огоньками.

– «Собирайте всех», сказали они... Но сами представители Гильдии на демонстрацию не пришли. Они и не собирались встречаться с недовольными строителями Многодворовска, вместо переговоров пустив газ. – Настя вскрикнула, вцепляясь в плечо брата. Но бот закончил историю, покачиваясь на месте, словно беспокойный шарик ртути. – *Все они* до сих пор там, на центральной площади, возле скопления шахт. Газ распространился по поляне и был активен еще почти месяц. Официально Гильдия обставила произошедшее как локальную техногенную катастрофу, признав «утечку вредных веществ» и спешно изолировав этаж. Сейчас газ безвреден, но умоляю, ради Сверхточных Процессоров, не ходите туда...

Слушатели подавленно молчали, представив себе полную печали картину. Где-то на главной площади поселка, совсем рядом, покрытые слоем спрессовавшейся оранжевой пыли лежали несколько сотен человек, осмелившихся восстать против Смотрителей.

Настя затравленно осмотрелась, с ужасом заметив, что к подошвам ботинок прилипло немного яркой пористой корки. Теперь стало понятно, почему бот предостерегал друзей прикасаться к ней. Даже по прошествии многих лет осадки газа могли оказаться весьма опасны.

– Отличное место ты выбрал для встречи, – пробурчал Димка, сунув руки в карманы куртки.

– У нас не было другого выхода, – сочувственно мигнув лампочками, ответил бот.

Ах, сколько раз за свою короткую жизнь дети слышали это выражение – нет другого выхода. Ах, сколько раз отваживались на самые смелые (и даже безрассудные) поступки только потому, что не могли выбрать!

Сейчас, ожидая безымянный Лифт с нижних полей, они вновь почувствовали эту горькую отчаянную храбрость, ощутив тревогу и безысходность. О том, что дома остались мама и папа, даже не подозревавшие об очередной выходке близнецов, думать не хотелось...

– Они... эти люди, которые пытались строить новые дома... – тихонечко спросила Настя. – Они стали психолептонами, так?

– Если бы, – протянул Облачко, с гулом моторов поднимаясь на пару метров. – Увы, поляна не оборудована машинами, подобными установке на Усыпальнице-СХП...

– Но это же чудовищно... – прошептала девочка. – Обладая безграничной властью, Гильдия расправилась с целым поселком недовольных, а об этом никто ничего не знает...

– Увы, это правда, – тихо, почти неслышно сквозь жужжание лопастей, вздохнул бот. – И нам всем остается только надеяться, что когда-нибудь справедливость восторжествует, а злодеи будут наказаны. Не унывайте, друзья! Вы смогли справиться с самим Мглистым Механиком. Я верю, что однажды возмездие настигнет и Конклав Смотрителей.

Он взлетел чуть выше, осматриваясь.

– Посидите тут, до прибытия Лифта еще есть время. Я отлучусь, чтобы разведать обстановку. Милосердные микросхемы, допускать просчеты нам нынче никак нельзя...

И Облачко исчез прежде, чем наши герои успели ему что-то ответить.

Им тут же стало одиноко, холодно и грустно. Все трое невольно вспомнили, что в школе наступает время полдника. На Амбар наверняка привезли передвижные кухни, с которых учителя сейчас раздавали ученикам скромные пайки, способные утолить голод.

– Есть охота... – капризно проворчал Дима. – Вот бы на Амбаре пару банок тушенки стащить, сейчас бы подкрепились.

– Нашел время о желудке думать, – одернула его сестра, оглядываясь так, словно из-за окрестных домов могли показаться навсегда уснувшие жители Многодворовска. – И как бы

ты банку из армейских запасов открывал? На них колечек специальных нет.

– Тоже мне, трудность, – фыркнул тот. – Если дно банки долго тереть о бетон, жесть истончится и торец отлетит без проблем. Я слышал, как старшеклассники спорили, можно ли открыть консерву без ножа.

– Да хватит вам... – устало вмешался Виктор. – От таких разговоров я тоже есть захотел... Давайте лучше подумаем, можем ли мы доверять Облачку и его новому другу?

– Витенька, да ты что? – удивилась Настя. – Это же Облачко, он столько раз нас выручал!

– Однако его механизм модернизирован. – Мальчик поднял указательный палец. – Кто знает, что там изменено?

– Эх, Витька, – пожал плечами Дмитрий, вставая и разминая ноги. – Если бы бота запрограммировали на вред, он не стал бы заманивать нас в такую сложную ловушку. Сдал бы Гильдии или на Реакторную Станцию снова завел, и дело с концом.

– Звучит логично, – согласился брат. – А что думаете про общий сон?

– Не верится даже. – Девочка замотала головой, поправила светлую прядку, упавшую на лоб. – Как троим может сниться одно и то же?

– Ага! – Димка хлопнул в ладоши и показал сестре язык. – Значит, обманула? Тебе ведь тоже дверь приснилась? Ну, скажи!

– Отстань, дурак, не до этого! – хмуро отмахнулась Настя, коря себя за то, что проболталась. – Вы хоть понимаете, что будет, когда мы вернемся на Заботинск? В третий раз нам точно не поверят, что бы мы ни выдумали.

– Поживем – увидим, – рассудительно прервал их спор Витя. – Хотя, конечно, сладко нам не будет... Но мне отчего-то кажется, что в этот раз все намного серьезней, чем обычный побег из дома. Серьезней даже, чем спасение Лифта из лап Механика. Отступить сейчас – значит все равно подставить шею под тумачи. Подписать приговор и себе, и родителям. Значит, остается лишь доверять Облачку и идти вперед...

Он замолчал, задумавшись, и сумрачное настроение передалось всем членам отряда.

В очередной раз они бросали вызов чему-то неизведанному, пугавшему и опасному. И началось их новое путешествие вовсе не гладко – с прогула экскурсии и визита на поляну, где Смотрители расправились с двумя сотнями спасгородских семей, отказавшихся подчиниться произволу.

Гул в воздухе сообщил, что Облачко возвращается. Заложив вокруг шахты лихой вираж, он опустился ниже, зависнув перед Димой. Остальные тоже поднялись на ноги.

– Время подходит, друзья, – сказал бот, разворачивая камеры шарообразного корпуса к пролomu. – Механический конь, в седле которого вы помчитесь наверх, уже близко.

– Ты пойдешь с нами? – Витька застегнул куртку, чтобы ничего не мешало спускаться по лестнице на внутренней поверхности шахты.

– Нет, Витя. – Облачко покачался на месте, подлетел ближе, и вдруг стало заметно, как тускло светят его изумрудные диоды. – Дальше я пойти не могу. Когда Лифт поднимет вас, я пристроюсь к его днищу, в нужный момент задержав на несколько минут. А потом отправлюсь на подзарядку. Долгую подзарядку, ибо мои батареи уже не те, что раньше...

– Облачко, – дрогнувшим голосом спросила Настя, – мы же еще увидимся?

– Возможно, друзья. – Умей боты улыбаться, Облачко бы сделал это, постаравшись приободрить ребят. – И если этому суждено случиться, я буду очень рад видеть вас вновь!

– Спасибо тебе за все! – в который раз поблагодарил летающую сферу Виктор, уже слыша гул приближавшегося Лифта.

– Полноте, друзья! – воскликнул Облачко. – Еще кто кого благодарить будет?! Вперед, ваш скакун подан!

И Ликвидатор Аварий завис возле раскученного отверстия, нацелив вниз яркие узкие лучи встроенных прожекторов. Заскрежетали старенькие тормозные системы – кабина Лифта, которую они намеревались оседлать, останавливалась где-то в темном провале под ними.

Димка осторожно выглянул в дыру. Брат и сестра переминались за его спиной – никто не решался первым дотронуться до вмонтированной в стену лестницы. В подсветке Облачка стала видна макушка Лифта, остановившегося в десятке метров внизу.

– Mamочка, – выдохнула Настя, у которой закружилась голова. – А это необходимо?

– Быстрее! – прикрикнул на них бот, подсчитывая утекающие секунды. – Не время мешкать, друзья!

– Ай, была не была! – вздрогнув от его окрика, выпалил Димка и протянул руку.

Схватился за ржавый П-образный прут, утопленный в узкой нише, и перебросил вес на старенькую лестницу. Ступени скрипнули, из-под пальцев посыпалась ржа, но конструкция выдержала, и мальчик начал прытко спускаться на Лифт.

Облачко, влетевший в шахту, подсвечивал ему путь.

– Ну же! – взмолился он, заметив сомнения Витьки и Насти. – Следующего раза придется ждать до завтра!

– Иди за мной, Настенка! – махнул рукой Витя, и девочка заметила, как тот бледен. – Если что, мы подстрахуем снизу.

И тоже вцепился в лестницу, да так, что побелели костяшки пальцев.

– Mamочка, мамочка, мамочка, – пропищала Настя, но к пролому в стене шахты подступила еще на шагок.

Димка достиг кабины, спрыгивая на ее крышу. Перемазался в машинном масле, задел горячий элемент мотора и зашипел, тряся обожженной рукой. Виктор, старательно проверяя ногой каждую новую ступень, спускался медленно и неловко. Настя продолжала бессвязно бормотать, но преодолела страх и дотянулась до лестницы.

– Быстрее, он отправляется! – вдруг всполошился Облачко, и все трое поняли, что упустили момент.

Витька, от неожиданности чуть не сорвавшийся в шахту, судорожно вцепился в ступень. Повернул голову, умоляюще глядя на бота. Затравленно обернулся на начавший движение Лифт. И прыгнул, с высоты два-три метра падая на руки Димке. Оба повалились на крышу, ругаясь и пытаясь. Вскочили.

Лифт начал разгон, медленно наползая на повисшую на лестнице Настью.

– Прыгай, сестренка! – завопил Витька, поправляя слетевшую дужку очков. – Прыгай, или он тебя раздавит!

Но девочка, оцепенев, лишь смотрела на приближающуюся машину Лифта, не в силах разжать руки.

И тогда Облачко, подлетев к ней близко-близко, выдвинул манипулятор и слегка ударил током в плечо. Та вскрикнула, мышцы обмякли, и когда до крыши и стоящих на ней мальчиков оставалось чуть больше трех метров, упала.

– Ловим! – выпалил Димка, бросаясь к краю, и брат последовал за ним.

Настя упала им на руки, все трое повалились друг на друга, набивая синяки и шишки. А кабина все набирала темп, на большой скорости проскочив оставленный Мглистым пролом. Последнее, что увидели дети, покидая Многодворовск, была летающая сфера Облачка, в самый последний миг успевшего выпорхнуть из шахты.

– Удачи!.. – донесся до них его звонкий голос, а после все звуки заглушили рычание моторов и гудение железных тросов.

Сверху придавила студеная перина воздушного потока, не давая ни встать, ни нормально вздохнуть, и Лифт понес их вверх, в черный тоннель без конца и края.

Нужно отметить, им было очень-очень не по себе. И пусть наши ребята прошли через множество испытаний, этот полет – сквозь непроглядную мглу, изредка пробитую крошечными аварийными маяками, навстречу морозной неизвестности, – стал одним из самых нелегких переживаний. Низ поменялся местами с верхом, чувство ориентации в пространстве испарилось, головы кружились, подкатывала тошнота.

Настя баюкала отбитую при падении руку. Витька потирал бок, пытаясь восстановить дыхание. Димка до боли в кистях вцепился в одну из железных рам внешней обшивки

кабины.

Говорить между собой «наездники» не могли. Они и видели-то друг друга весьма смутно, а любые слова тут же тонули в гуле ветра и рокоте двигателей.

Но вот в конце (точнее сказать, в потолке) тоннеля вдруг зажегся свет, выхватив из сумрака переплетение лебедок, тросовых бухт, подъемных моторов и сложную, пугающую конструкцию системы страховочного торможения.

Капсула вздрогнула, отчего сидящие на ее крыше подскочили, и стала замедляться. На путешественников нацелились гибкие и острые иглы из специальных сплавов, а также обрезиненные металлические штанги, установленные в потолке шахты.

Взвизгнув, Настя распласталась на ледяной крыше, а братья постарались самоотверженно прикрыть ее собой. Но Лифт не терял управления, и никакой необходимости в экстренной остановке не возникло. «Железный скакун» замер, не доезжая до аварийной конструкции двух запротоколированных метров.

Димка выругался, и сейчас его никто не стал за это корить. В короткой эмоциональной вспышке мальчик выплеснул весь страх, накопленный за бесконечные минуты езды верхом.

– Глядите! – Витька, успевший осмотреться первым, вытянул руку.

Остальные, проследив за его жестом, заметили сбоку от тормозной установки тускло-светящийся знак – трех схематичных человечков и парящую над ними винтовую сферу.

– Быстрее! – поторопил Дима, вскакивая на ноги и помогая встать ударившейся Насте. – Облачко обещал задержать Лифт, но, если замешкаемся, кабина пойдет обратно.

Помогая друг другу, они стали карабкаться в переплетения сложных подъемных механизмов – одной из важных составляющих системы жизнеобеспечения любого Лифта. Тусклые аварийные лампы горели едва-едва, но после темноты подъема и лихорадочно пролетавших мимо маяков этот свет казался приветливым, теплым и даже ярким.

Забравшись в глубь конструкции, наши герои обнаружили люк, рядом с которым и виднелся оставленный Облачком рисунок. И не успели они обсудить, как быть дальше, кабина под их ногами дрогнула, качнулась. Вокруг все загудело, и безымянный Лифт неспешно пополз вниз.

Седлая лебедочные балки и стараясь не задевать плечами за колючие железные тросы, в своем монотонном скольжении способные отрезать палец, близнецы оказались фактически сидящими над пропастью.

От неожиданности Настя вскрикнула, покачнулась. Виктору вдруг отчетливо представилось, что сестра сейчас сорвется и упадет прямо за убегающим Лифтом. Но вот девочка вернула равновесие и крепко ухватилась за ближайшую ферму.

Махнув друзьям рукой, Дмитрий первым нырнул в обозначенный Облачком лаз. Когда следом протиснулись остальные, он неловко обернулся, с горечью взглянув в темную шахту, куда они уже не могли вернуться.

– Облачко справился, – прошептал он, заставив эхо звуковыми тенями загулять по жестяному коробу. – Он задержал Лифт, чтобы мы успели...

И стремительно пополз вперед, уже не оборачиваясь.

Стараясь не отставать, Витя и Настя последовали за братом.

Лаз, как выяснилось, совсем недолго оставался железной кишкой, в которой и вздохнуть-то в полную грудь было затруднительно. Вентиляционный канал (а это был, вероятнее всего, он) принял новую форму, потолок приподнялся, места стало больше, и дети поднялись на четвереньки.

Пыхтя и наступая друг другу на пятки, они выбрались в коллектор, куда сходились сразу девять одинаковых тоннелей. Над головами виднелся круглый люк, какие на Заботинске вели в инженерные коммуникации под поселком.

Здесь пространство позволяло встать в полный рост, хоть близнецам и пришлось потесниться. Со всех сторон по вентиляционным каналам гуляло дыхание Потока, заставляя ежиться и надевать капюшоны курток.

– Как думаете, что там? – спросила Настя, с недоверием рассматривая люк.

– Вряд ли что-то хорошее... – буркнул Димка, оттирая перепачканные ладони прямо о штаны. – Если бы у Облачка и его неизвестного друга была возможность провести нас на Сонник законными путями, мы бы не рисковали жизнью, карабкаясь на крыши Лифтов...

– С другой стороны, в ловушку или смертельно-опасную поляну Ликвидатор Катастроф нас бы тоже не отправил, – рассудительно ответил ему Витя. – Значит, что бы ни находилось за данным люком, мы в состоянии с этим справиться.

– Ох, легко тебе говорить. – Девочка покачала головой. – У меня до сих пор поджилки трясутся... А как вспомню, что мы «одним глазком взглянуть», пока Колючка не засекала, так и вовсе в обморок упасть хочется...

– Да, отсутствуем мы уже долго, – прикинул Витька, одновременно задирая голову и изучая запорные механизмы потолочного люка. – Наверняка уже объявили тревогу. Хотя... пока они не найдут Нянечек, на наш след выйти не смогут.

– И все равно на сончас я бы тут оставаться не стал. – Дима мягко оттеснил его в сторону, решительно (хоть и аккуратно, стараясь не лязгать проволочными зажимами) отщелкивая замки. – Ну что, все готовы?

Виктор и Настя так дружно замотали головами (показывая, что к *такому* подготовиться все равно невозможно), что он невольно улыбнулся. Разблокировал последнюю задвижку, приподнял крышку. Та оказалась сделанной из легкого сплава и без труда поддавалась даже мальчишечьей силе. Осторожно, стараясь не скрипеть и не бряцать, Дмитрий сместил металлический диск в сторону.

– Витька, ну-ка, подсади!

И когда тот, послушно обхватив брата вокруг талии, рывком приподнял его, ухватился руками за край. Подтянулся и высунулся наружу.

– Ну? – поторопила Настя, теребя завязки куртки. – Что там?

– Поляна как поляна, – прошептал Димка, поглядывая на них сверху вниз. – С виду – фермерские хозяйства, только поселок небольшой совсем. Мы где-то на окраине. Людей вижу, шахты Лифтов...

– А указатели? – сопя от натуги, спросил Витя, все еще удерживавший брата. – Вывески или информационные табло? Стрелки Облачка?

– Ничегошеньки, – отчитался Дима, весьма комфортно чувствуя себя в руках близнеца и не спеша спрыгивать. – А вот законсервированные дома поселка, за которыми можно спрятаться, я вижу. И если мы не хотим ночевать в этом коллекторе, то предлагаю...

И он, не договорив, рывком забросил себя на край люка, чуть не засадив Витьке ботинком по голове.

– Аккуратнее, дубина! – выдохнул тот, отшатываясь и поправляя съехавшие очки. – Дай руку, потом Настю поднимем.

Димка нагнулся в проем, помогая ему выбраться. Затем они вдвоем вытянули на поверхность сестру. Торопливо вернули крышку люка на место, даже не запирая замков, и нырнули за ближайший нежилой дом (впрямь обтянутый консервационной полиэтиленовой пленкой). Огляделись.

Поляна действительно имела весьма обжитой вид. И пусть на перекрестках не было установлено мачт дополнительного освещения, а резино-асфальт тротуаров давно не ремонтировали, впечатления заброшенной или запретной поляны не производила. Оставленных жителями и запечатанных домов хватало в избытке, но после Многодворовска и эта картина упаднической не казалась.

По улицам бродили люди, взрослые и дети. Единственное, что выдавало в них не совсем обычных обитателей жилых уровней Спасгорода, это одинаковая серая одежда устаревшего покроя, похожая на униформу. У Дмитрия от ее вида сразу заныло сердце – в памяти шелохнулись воспоминания об Интернате. А Витька задумчиво пожевал верхнюю губу, пытаясь сообразить, куда нелегкая занесла их на этот раз.

– Что делать будем? – спросил Дима. – Искать указатели Ликвидатора Катастроф? Или Лифт, способный доставить нас на Сонник? Или пойдем к внешней стене и пытаемся

добраться сами?

– Ой, нет! – охнула Настя. – Только не во внешнюю стену. Даже если Облачко выбрал для нас именно такой маршрут.

Друзья хорошо помнили, что где-то внутри коммуникационных лабиринтов и вспомогательных отсеков, обеспечивавших защиту города от внешнего мира, живет *нечто*. Нечто, когда-то едва не сожравшее всех троих, имело две личины – миловидной бабушки с приятным старинным именем Красимира, и чудовищного насекомого, с острыми жвалами, мохнатыми лапками и бронированной хитиновой спиной.

Уже трижды детям удавалось избежать ее когтей. В первый раз они даже смогли ранить оборотня, оставив на ее лице неизлечимый ожог. Второй раз их выручил самоотверженный Лифт по имени Великосветский Гранд, в итоге брошенный Смотрителями на произвол судьбы и раскуроченный старухой изнутри. А в третий – спасла банда вооруженных крыс под предводительством старого знакомого Подметки, которому благодарный Витька подарил одно из самых ценных своих сокровищ.

Но вновь рисковать жизнями, искушая судьбу и погружаясь в прохладный мрак внешней стены, больше не хотелось никому. Димка понимающе покачал головой.

– Не кипятись, сеструха. Поищем маркеры, а там решим. В резерве останется поиск сговорчивого Лифта, – объявил он, беря на себя функции командира. – Будем следить за местными, слушать разговоры с Лифтами. Если поймем, что кто-то из них способен на сочувствие, вступим в переговоры...

– Разумно, – согласился его брат. – А еще у меня появилась одна идея...

И он вкратце, но красочно рассказал остальным о своей задумке.

Близнецы выглянули из укрытия. Убедились, что на улицах неизвестного поселка на самом деле немало их сверстников, а затем единогласно одобрили Витькин план.

Держась в стороне от центральных улиц и прячась от редких прохожих, странники направились на окраину поселка, где раскинулся местный Пустырь. Там, пытаясь построить из досок и жестяных щитов некое подобие игрушечного Лифта, сонно возились трое мальчишек и девочка, года на три младше наших героев.

В чистеньких, с иголочки, одинаковых комбинезонах серо-металлического цвета, они казались увлеченными игрой лишь наполовину, участвуя в затее с какой-то неуловимой отстраненностью на лицах.

Убедившись, что взрослых поблизости не наблюдается, Витя, Настя и Дима вышли из переулка, направляясь прямо к ребятишкам. Сердца тревожно колотились, всем троим казалось, что местные сейчас бросятся наутек. Но, даже заметив чужаков в странных черно-желтых куртках, те совершенно не проявили к ним интереса. Просто стояли и смотрели, изучая пришлых с ощутимым безразличием.

– Привет, малышня! Чего не в школе? – как можно мягче и беззаботнее спросил Дима, весело подмигнув ближайшему пареньку.

Продолжая молча разглядывать незнакомцев, дети безымянной поляны замерли в прежних позах, словно разучились двигаться. В руках они по-прежнему сжимали палки и какие-то жестянки, из которых, по-видимому, собирались изготовить муляж протокольного планшета. Но примитивные игрушки сейчас казались забытыми, и Витька не удивился бы, если в следующую секунду кто-то из «строителей» вообще не вспомнил, чем они занимались на Пустыре.

– Вы что, языки проглотили? – хохотнул Димка, еще не теряя надежды расшевелить сонную малышню. – Как поляна называется? А то мы не местные, на экскурсию приехали, да от класса отстали.

– В день прихода Апокалифтиса в школе объявляют выходной, – неуверенно и с ощутимым опозданием сказала девочка, держащая в руке кусок черной пахучей резины. – А наша поляна называется Благодать.

– Благодать? – Дмитрий присвистнул (Настя заметила, как нервно дернулась при этом щека одного мальчишка, будто чужак сделал что-то запретное). – Красивое название.

– Нет, не проглотили, – вдруг произнес второй мальчишка, стоящий слева на куче строительного мусора.

Складывалось впечатление, что дети не беседуют, а ведут экстренную переписку по пневмопочте, где каждого ответа приходится ждать в зависимости от скорости передающего канала. Настя и Витка за спиной брата переглянулись, ощутив тревожную тяжесть.

– Вы новенькие, да? – спросил тот же мальчик. – Вы Трое Предвестников, верно?

Спросил вроде бы с любопытством, но лицо ничего не выражало, отчего все поведение малыша вызывало гамму самых странных чувств. Димка бросил быстрый взгляд через плечо, хмурясь. Ему тоже не нравилось, как прошло знакомство с местными обитателями. Да и упоминание каких-то Предвестников оптимизма не добавило. Но отступать было поздно, и он вернулся к беседе.

– Нет, мы не новенькие и не Предвестники, – с натянутой улыбкой ответил заботинец малышу. – Мы обычные гости, скоро отправимся домой.

– Так не бывает, что мы вас не знаем, а вы не новенькие... – упрямо поджав губы, вдруг сказала маленькая девочка, роняя шмат резины. – Значит, вы уже дома. Или вы все-таки Предвестники.

И было в ее словах что-то обреченное, гнетущее, мрачное. Что-то остро резанувшее по сердцу и заставившее дыхание сбиться.

После дерзкого побега со школьной экскурсии, пугающего визита на мертвую поляну и рискованного подъема верхом на Лифте встреча с малолетними жителями Благодати вовсе не улучшила настроение тройняшек. Более того – она заставила встревожиться еще сильнее, будто со спины подступали не улочки уютного поселка, а опасные холмы Свалки или прошитые пулями чащобы Казармы.

– Димка, – негромко позвал Витя. – Пойдем-ка, а? Мне кажется, нужно побыстрее уходить...

– погоди ты, – шикнул на него брат. И добавил, снова поворачиваясь к странной малышне: – А Лифт ближайший тут у вас где?

Чумазные лица мальчиков вытянулись, а девочка назидательно процитировала, задумчиво поднимая указательный палец.

– Слушай, Благодать: добрейший Апокалифтис наш един есть. – Она довольно улыбнулась, и от внезапной эмоции, искрой сверкнувшей в остекленевших глазах, близнецам стало не по себе. – Благодетелю же нетленному, невидимому и едино-премудрому честь и слава во веки веков. Говорить о существовании других Лифтов – значит усомниться в величии Апокалифтиса и заслужить наказание...

– Ого... – только и прошептала Настя, придвигаясь поближе к Виктору. – Кажется, с этой поляной не все в порядке.

– Наверное, поэтому мы про нее и не слышали... – согласился тот, делая шагжок назад. И еще раз позвал, надеясь, что голос не дрожит: – Димка? Пойдем, а?

Но брат возбужденного блеска во взгляде девчушки не заметил. Ноги расставил пошире, руки в бока упер, голову недовольно склонил набок. И хмыкнул, вызываясь вздернув подбородок:

– Ты что такое лопочешь-то, глупышка? Лифт всего один? Вот насмешила!

– Это ты глупый, – смиренно и терпеливо повторила малявка, по-прежнему улыбаясь. – Если не знаешь самых главных вещей, значит, плохо учишься. Или Предвестники в школу не ходят?

– Это я-то плохо учусь? – Дима рассмеялся, но брат и сестра почувствовали его досаду и закипающую злость. – Да ты на себя посмотри! Как можно думать, что Лифт на свете один, а?!

– Димка, Птичий потрох, хватит! – Витя зашипел чайником, хватая свою неугомонную копию за локоть. – Видишь, они же не в себе?!

И уже потянул в сторону, как вдруг заметил мужчину, неспешно шагающего к ним через близлежащие дворы.

Взрослый носил длинные темные волосы, перехваченные на лбу тонкой белой тесемкой. Над губой топорщились усики, причем о том, что их иногда следует подстригать, дядька будто бы и не знал. Как и странные дети, он был одет в стального цвета комбинезон, новехонький, словно только вчера вынутый из упаковки.

Витька дернулся, силой разворачивая Диму в сторону новой угрозы. Настя вскрикнула и прикусила кулак, посчитав, что их секретному путешествию пришел конец и разоблачение неминуемо.

Впрочем, приближавшийся мужчина агрессии не проявлял, посматривая на чужаков с отстраненной улыбкой.

– Машенька, сестренка, все ли у вас в порядке? – негромким вкрадчивым голосом осведомился он, останавливаясь на границе Пустыря и бесстрастно разглядывая черно-желтые куртки незнакомцев. – Кто эти славные дети? Твои новые друзья?

– Да, братец Антон, – кивнула девочка, вытирая грязную ладошку о рукав комбинезона. – Я думаю, это Предвестники.

– Ох, как интересно... – В глазах взрослого зажглись азартные огоньки.

– Ты пришел забрать нас на праздник Снисхождения, верно?

– Да, – кивнул тот, кого девчушка назвала братцем Антоном. – Начало уже скоро, поэтому Голос послал меня собрать младших братьев и сестер. Твои новые друзья пойдут с нами?

– Конечно! – Машенька взглянула на Димку, и ее улыбка сверкнула искрой неподдельного счастья. – Идемте на праздник, – предложила она, махнув рукой. – Папа проводит. Там всем рады, даже несущим дурные вести. А еще вы убедитесь, как глубоко погрязли в своем невежестве...

– Папа? – искренне изумилась Настя, переводя взгляд с девочки на мужчину, а затем обратно. – Ты же только что назвала его братом!

– Все жители Благодати являются друг другу братьями и сестрами, – терпеливо и старательно, будто разговаривала с трехлетней, объяснила ей Машенька. – Равенство объединяет и искореняет вражду...

После всего, что близнецы узнали о Гильдии Смотрителей, эти слова немало заинтересовали всех троих. Однако отчужденность и прохлада, с которой держались юные благодатинцы, заставляли усомниться в безупречности такой замечательной идеи.

– Спасибо за приглашение, – Виктор вежливо склонил голову, но отступил еще на шаг, чуть не запнувшись о гору досок. – Но мы, пожалуй, в другой раз. Сейчас нам пора возвращаться...

– Восславим Апокалифтиса, братья и сестры! Вы должны знать, что невозможно пропустить Снисхождение Его, – растягивая губы в ничего не выражающей улыбке, ответил братец Антон. – Следуйте за мной.

Теперь стало заметно, что длинными волосами мужчина прикрывает расплзающуюся по макушке лысину. Малыши, бросив строительство игрушечного Лифта, собрались возле Антона, выжидающе глядя на чужаков.

– Думаю, нужно тикать... – прошептал Витя.

– Рванем сейчас, поднимут тревогу, – не разжимая губ, пробубнил брат. – Пошли на праздник, только осторожно. Выбирайте момент для побега...

– Вообще-то мы с поляны Сонник. – Настя попробовала переубедить длинноволосого Антона, примерив самую ласковую и обаятельную улыбку. – А здесь очутились совершенно случайно. Вы можете нам вернуться, ведь так?

Детишки, стоящие вокруг старшего братца, озадаченно нахмурились. Покосились на взрослого в ожидании пояснений. А тот вдруг кивнул, словно что-то понял, и легонько подтолкнул малышей к центру поляны.

– Идите к площадке Снисхождения, братья и сестра, – ласково попросил он. – Я позабочусь о новеньких...

Детвора послушно затопала в поселок, изредка оборачиваясь, чтобы еще раз

посмотреть на странных и невежественных незнакомцев.

– А вы, уважаемые, – теперь обратился Антон к близнецам, – должны знать, что подобные разговоры в Благодати запрещены... Идите за мной.

На этот раз в его просьбе просквозило что-то властное, не терпящее возражений.

Переглянувшись и стиснув зубы, наши герои последовали за ним, с тоской осматривая Пустырь, по которому и бежать-то было некуда.

Они понимали, что снова стали заложниками какой-то неприятной (возможно, даже опасной) ситуации, но сейчас были не в состоянии повлиять на происходящие события. А потому подчинялись обстоятельствам, хоть и с откровенным недовольством...

– Что вы имеете в виду? – как можно осторожнее поинтересовался Виктор. – Какие разговоры запрещены?

– Нет иных полей, кроме Благодати и царствия Апокалифтиса, – невозмутимо ответил карикатурно благочинный и неспешный Антон, ведя их по безлюдной улице поселка. – Все другие – лишь плод вашего воображения.

– Вы шутите, наверное? – не удержался Димка, хмурясь.

Настя и Витя шли тихо, уже начиная догадываться о масштабах катастрофы, в которую угодили на этот раз. На соседних улицах виднелись люди, целыми семьями неспешно бредущие куда-то в центр. Под крышей ближайшего здания вдруг мелькнула знакомая стрелочка, нарисованная люминесцентной краской. Но увы, у наших героев не было ни малейшего шанса проверить, куда она указывает, не вызвав недовольства Антона...

– Нисколько, юный братец, – тот улыбнулся мальчику. – И ты должен знать, что признание несуществующих и ложных сущностей оскорбляет не только общину, но и самого Апокалифтиса. Поклонение пустоте – бессмысленно. Впрочем, вскоре вы все увидите сами...

– А что имела в виду ваша дочка... сестра, я хотел сказать, когда назвала нас Предвестниками?

– Ну... – Взрослый с сомнением почесал лысину на макушке. – На Предвестников вы, конечно, не похожи. А вообще Машенька вспомнила старинное пророчество, в котором сказано, что на Благодать из Опасного Ниоткуда снизойдут трое всадников верхом на Птицах и начнут Измерение Душ всех праведных, после которого последует Конец Света...

– Ужас какой... – Анастасию пробрала дрожь, и она даже обхватила себя за плечи. – Принять нас за каких-то кошмарных наездников на Птицах?..

И они продолжили путь, в молчании наблюдая, как жители Благодати покидают свои жилища, чинно и неторопливо направляясь на праздник Снисхождения. Но вдруг Настя заметила такое, отчего остановилась как вкопанная, заставив длинноволосого мужчину недовольно нахмуриться и покачать головой.

– Что случилось на этот раз, юная сестра?.. – с чувством, похожим на раздражение, спросил он.

– Она вам не сестра! – упрямо вставил Димка, играя желваками.

Но Антон не расслышал, потому что девочка испуганно протянула руку, указывая куда-то между домами.

– Там... человек!..

И это было сущей правдой. В полутемном переулке Благодати, опираясь на массивную Т-образную конструкцию из железных балок, сидел человек в стандартном сером комбинезоне.

И все бы ничего, но от его ноги к конструкции тянулась прочная блестящая цепь. А еще каждый проходящий мимо считал своим долгом запустить руку в специальную банку (по такому случаю заботливо стоявшую рядом), вынуть увесистую гайку и швырнуть в прикованного.

Вокруг него посверкивало – это усеивали дно переулка десятки рассыпанных гаек. По изможденному лицу бедняги змеились подтеки засохшей крови, комбинезон протерся и был перепачкан бурыми пятнами.

– Ах, это... – Братец Антон равнодушно пожал плечами, словно не замечая ничего интересного. – Это братец Василий. Он грешник. Седьмицу назад Василий осмелился пересечь запретное Пустынное Кольцо и дойти до края поляны. Теперь он несет заслуженное наказание, и каждый может напомнить ему о нарушенном законе Апокалифтиса.

– Законе? – воскликнул Витька, уже не надеясь, что равенство Благодати хоть чем-то лучше алчной и бесчеловечной иерархии Гильдии. – Но это же чудовишно, мучить человека за такой невинный проступок!

– Сразу видна ваша избалованность, юные братья и сестрица, – терпеливо покачал головой Антон, складывая руки на животе. – Но суть *настоящей* дисциплины состоит в том, что жесточайшее наказание следует назначать за провинность любого уровня. Это сразу отучает людей от заблуждения, что у них есть возможность выбирать преступление по его стоимости.

– Кто мог придумать такую жестокость?.. – выдохнула Настя, прикрывая рот ладонью.

– Наши законы многие годы назад были принесены на Благодать великим Апокалифтисом. А затем – из поколения в поколение, – расшифровываются и трактуются наследниками Голоса Его.

Антон был полон обстоятельного терпения, вдумчиво пересказывая чужакам законы родного поселка:

– Правила эти созданы в стародавние времена, они не могут лгать или ошибаться. И ведут к тому, что даже младенцы Благодати знают – малейшее нарушение карается физической болью.

– Я не могу на это смотреть... – Настя отвернулась, утыкаясь в плечо Димки. – Какие же вы жестокие!

– Это не так, сестра... – Антон машинально протянул руку, чтобы погладить девочку по голове.

Но Дима развернулся и *так* взглянул на длинноволосого, что тот разом передумал.

– Хм... идемте, дети. Теперь вы знаете, что будет, если пропустите Снисхождение...

– Значит, доступные Лифты вы нам не покажете? – поддерживая сестру и не давая ей смотреть в переулок с пленником, спросил мужчину Дмитрий.

– Я уже сказал, их не существует, – раздраженно, хоть и не повышая голоса, ответил взрослый. – И скоро вы это поймете...

– Ха... а как вы объясните шахты? – прищурился мальчик, не помышляя об отступлении.

Вокруг, как и на любой жилой поляне, и в самом деле виднелось множество самых разнокалиберных шахт. Одни возвышались посреди транспортных колец, по которым полагалось ходить самокатам, другие торчали за жилыми районами. Тянулись к потолку обитатели Лифтов и за фермерскими хозяйствами, где в обычные дни трудилось все население Благодати.

– Ты спрашиваешь про колонны, удерживающие небеса от падения? – с неприятной улыбкой (такая бывает у взрослых, пытающихся продемонстрировать, что они умнее ребенка) переспросил братец Антон. – Как можно быть настолько невежественными и не знать замысла Апокалифтиса?..

– Глупости! – подскочив к ближайшей шахте, Дима резво обежал ее в поисках двери или пульта протокольного доступа.

Антон ждал, не спеша с комментариями.

– Как вы объясните этот вхо?..

Мальчишка удивленно осекся, потому что никакого входа (который он так рассчитывал найти) не было и в помине. Как и пульта. От пола до самых сводов поляны шахту покрывал ровный и толстый слой старого, успевшего потрескаться цемента.

– Они их замуровали! – одним взглядом прокричал брат Витьке.

– Мы в поселке безумцев! – так же беззвучно ответил ему тот.

– Так было испокон веков, юный братец, – молвил Антон, с тающей мягкостью

подталкивая их в спины и заставляя продолжить движение. – Скоро вы поймете, как глубоко заблуждались, веря в существование других полей или Лифтов...

Глава четвертая, в которой дурманят головы и стреляют из звуковых пушек, а кое-кто разоблачает мошенника и предателя

Чем ближе подходили они к центру поселка, тем гуще становилась толпа жителей, покинувших свои дома и рабочие места ради загадочного Снисхождения. Многие шли не с пустыми руками – несли миски, сковородки и кастрюли, в которых благоухало заранее приготовленное угощение: пироги, салаты или горячие похлебки. Несмотря на некоторую странность, поляна вообще производила впечатление крайне благополучной – это было заметно по чистой одежде жителей и уютной обстановке в домах, изобилию еды и дорогим игрушкам, которыми взрослые баловали малышей.

Принесенная снедь выставлялась на длинные столы на краю площади, где несколько женщин в комбинезонах со стальным отливом раскладывали пищу по тарелкам, немногословно готовясь к праздничному обеду. Вокруг, с жадностью поглядывая на кушанья, кружила дюжина детей с одинаковыми куклами Алисами в руках. Но ни детского смеха, ни топота непослушной ребятни слышно не было. Это сразу заставило близнецов вспомнить, с каким отрешенным видом Машенька и ее друзья строили свой игрушечный Лифт.

А еще от обилия аппетитных ароматов у наших героев сразу закружились головы. Но (памятуя о прикованном пленнике) они не позволили своему длинноволосому спутнику даже заподозрить, что голодны, и с удовольствием набили бы животики, только предложи...

Толпа тем временем прибывала, собираясь в полукруг перед одной из самых неохватных «колонн, не дающих небесам рухнуть». На новеньких и их необычную яркую одежду смотрели со сдержанным любопытством, однако никто не задал им ни единого вопроса. Благодатинцы лишь изредка улыбались гостям, демонстрируя спокойное добродушие.

А когда братец Антон подвел тройняшек к стоящим перед шахтой людям, те даже расступились, великодушно позволяя заботинцам занять места в первом ряду.

– Святы-платы... – выдал Димка, едва они пробрались через толпу и встали на самом краю площадки.

Сзади напирали взрослые в одинаковой униформе и с одинаковыми улыбками, но это сейчас волновало мальчика меньше всего. Он во все глаза смотрел на пульт протокольного доступа, размещившийся рядом со входом в Лифт. На Благодати все же нашлась не обмазанная цементом шахта! И именно перед ней жители поселка готовились отметить свой странный праздник...

– Восторг, маленький братец, – горячо прошептал какой-то старичок за его правым плечом. – Именно это чувствуют люди, впервые узрев Апокалифтиса!

Но в тот момент ни Дима, ни Витя или Настя не сообразили, что имел в виду пожилой благодатинец. Потому что сборище колыхнулось да и исторгло на пятак перед Лифтом здорового толстяка. Захлопало ему, закачалось в единодушном порыве, приветствуя аплодисментами и дружескими криками.

– Мира вам, братья и сестры! – воскликнул жирдяй, а его хорошо поставленный голос прокатился по центральной площади поселка. – Мира и процветания во имя Апокалифтиса!

Мужчина был не просто толстым – он был необъятным, как шахта, перед которой стоял. Мешковатый балахон (сшитый все из той же неизменной ткани серо-стального цвета) был надет на него плотно-плотно – в обличку, как говаривала Юлия Николаевна, когда надшивала детям одежду, из которой те вырастали. Все три подбородка толстяка сверкали от гладкого бритья, свисая на грудь складками свежесмешанного теста. Длинные черные волосы перехватывал белый ремешок, какие на Благодати носили все взрослые.

– Верим ли мы в Апокалифтиста?! – вскричала туша, вскидывая пухлые пальцы и потрясая ими.

– Верим! – дружным ревом ответила ему толпа, качнувшись.

Близнецы, стараясь не разделяться, схватились за руки. Со всех сторон их теснили взбудораженные взрослые, чутко ловящие каждое слово пузана. Казалось, они вообще забыли про неожиданных гостей в черно-желтых куртках, не отводя влюбленных взглядов от своего кумира.

– Что все это значит?.. – пискнула Настя, но ее голос утонул в восторженном гуле.

– Сегодня день Снисхождения, братья и сестры! – закричал толстяк, приплясывая на месте.

– Да! – отвечала ему вскипающая людская масса. – Сегодня такой день! День праздника и даров!

Витька, свободной рукой потирая переносицу, внимательно изучал тип протокола Лифта, перед которым бесновался оратор. Приборы выглядели исправными и одним своим видом говорили о ежедневном уходе за ними.

По-отечески осмотрев толпу, толстый мужчина прошелся вдоль живой стены, остановившись сбоку от шахты.

– Придет ли Апокалифтист, ответив на наши мольбы? – тяжело дыша, воскликнул он, тыча мясистым пальцем в двери кабины.

– Да, мы призываем его! – дружно прокричали жители Благодати, сверкая белками закатившихся глаз.

Ранее наши герои видели подобное лишь по амбивизору, когда там транслировались матчи чемпионата полян по хоккею. Болельщики на спортивных трибунах были охвачены столь же неистовым порывом, фанатично уставившись на ледовое поле и не думая ни о чем больше. Но одно дело – наблюдать за экстазом толпы через каркас куба, и совсем другое – впитывать ее эмоции кожей, став частичкой чего-то шумного и надрывного.

– Какие дары он принесет нам? – прищурившись, спросил толстяк. – Узнает ли о наших надеждах?

– Да, пусть будет так! – все сильнее распалялась живая стена благодатинцев.

Люди хлопали друг друга по плечам, улыбались и искренне ждали чего-то чудесного, волшебного, готового произойти с минуты на минуту.

– Узрим же величие его! – завопил толстяк, напрягая все силы. По его пухлым щекам катился пот, но он был охвачен иступлением и не обращал внимания на усталость. – Узрим милосердие и добросердечие! Ведь у нас нет оснований не верить?!

– Нет, у нас нет оснований! – загудел народ. – Мы верим!

– Существование удивительно сложных механизмов, окружающих нас, доказывает, что все они созданы самым бескорыстным и могущественным разумом! – продолжал ведущий праздника. – Как дела наши отражают людские качества и характеры, так и дары Апокалифтиста свидетельствуют о любви его к нам!

– Да, он любит нас! – завопила толпа.

Кто-то покачнулся, чуть не упав в обморок от упоения. Многие принялись целоваться, не в силах сдержать эмоции. Кто-то хлопал в ладоши, кто-то качался на пятках, будто в трансе.

Толстяк подошел к пульта, склонился над ним. Широченная спина не позволяла рассмотреть порядок его действий. Но наши герои переглянулись, уже начиная понимать, что именно происходит на этой странной поляне.

– Пусть он придет! – Одна рука пузана лежала на планшете, вторая взметнулась над головой, призывая остальных невольно повторить жест. – Пусть свершится Снисхождение!

– Да, мы ждем! – в унисон умоляли несколько сотен странных спасгородцев.

Близнецы, тревожно осмотревшись и не обнаружив возможности улизнуть, были вынуждены стоять в этой жаркой, громкой и волнующейся массе, пытавшейся заразить их своим безумием. Братец Антон, приведший гостей на праздник, замер в нескольких шагах

слева, закатив зрачки и покачиваясь из стороны в сторону, будто решил уснуть стоя.

– Он близится! – закричала какая-то женщина.

– Приди, Апокалифтис! – с отчаяньем в голосе вторил ей мужчина.

– Я люблю тебя, Апокалифтис! – закричал незнакомый мальчик с горящим взором, трясясь всем телом и заламывая руки.

А затем сквозь крики, смех и счастливые всхлипы тройняшки расслышали, как внутри шахты заработали двигатели. Столбики ламп над входом вспыхнули ярко-малиновым светом, рев моторов стал громче. Еще через несколько секунд лязг тормозных колодок возвестил, что кабина прибыла на поляну.

Толпа, будто только этого и ждала, со стоном повалилась на колени. Заботинцы, нерешительно озираясь, не спешили падать вместе со всеми. На ногах остались лишь трое детей да задыхающийся толстяк, завершавший протокол вызова.

Сложносоставные двери, трансформировавшись на десятки мелких фрагментов, раздвинулись и спрятались в стены. Люди охнули, не решаясь поднимать голов...

Внутри шахты обнаружился элегантный и уютный Лифт, наверняка принадлежащий к Экстра-классу или классу Особенных Поручений. Виднелись аккуратные диванчики, аппаратура для развлечений, многочисленные светильники и амбикамеры.

– Узрите! – срываясь на визг, прокричал тучный оратор. – Он Снизол!

– Славься, Апокалифтис! – уткнувшись в резино-асфальтовый пол площади, промычала толпа. – Славься во веки веков!

– Что же привез ты нам, о, мудрейший?! – воскликнул пузан, умоляюще складывая мясистые ладони перед лицом. – Я, Голос Твой, вопрошаю смиренно и с горящим сердцем! Ответил ли ты на наши мольбы?!

Витька, хмурый и бледный, потер переносицу. Димка лишился дара речи, а Настя тихонечко охнула, не в силах поверить в происходящее. Внутри виднелись коробки с медикаментами и одеждой, маркированные поляной, известной им как Штаповальня.

– Ваши мольбы услышаны! – Из динамиков Лифта раскатился могучий бас, заставивший затрепетать даже сердца наших героев, не охваченных коллективной лихорадкой. – Все, о чем вы молили меня, здесь! Я забочусь о своих подопечных, а потому вручаю вам дары! Радуйтесь празднику Снисхождения!

Толстяк (и это не укрылось от близнецов – они-то стояли в полный рост, а не склонились перед Апокалифтисом!) сделал знак троим мужчинам, посматривавшим на старшего из-за шахты. Те мгновенно бросились в Лифт, вытаскивая коробки и складывая их на площади во внушительную пирамиду.

– Съестные припасы! – громко читал Голос Апокалифтиса, пересчитывая упаковки. – Лекарства! Игрушки! Посуда! Инструменты! Защитная одежда для работы на ферме! Новые семена! Воистину, щедрость твоя не имеет границ, великий Апокалифтис! Хвала тебе!

– Хвала! – не вставая с колен, взревела толпа, умиляясь «дарам». – Славься!

– Мамочка родненькая... – прошептала Настя, вытирая покрывшееся испариной лицо. – Да это же обыкновенные жулики... Они обманывают людей, утверждая, что Лифт – один на весь город и только молитвами можно выпросить себе еду и медикаменты...

– Нужно бежать! – зашипел Димка. – Пусть даже в технические лабиринты, но тут оставаться нельзя! Помните, где видели стрелку?

И они начали осторожно пробираться мимо коленопреклоненных людей, стараясь двигаться аккуратно, но быстро. Те не замечали их, заывая праздничные гимны или погрузившись в молчаливый транс. Но толстяк – Голос Апокалифтиса – оказался менее увлечен совершающимся «чудом».

– Стоять, нечестивцы! – рявкнул он так, что один из грузчиков даже выронил коробку. Внутри что-то хрустнуло, зазвенело. – Как смее вы вставать, пока длится Снисхождение?!

Его грозный рык вырвал из сладкого оцепенения сразу нескольких жителей Благодати, заставив поднять головы и украдкой оценить происходящее. На нарушителей ритуала со всех сторон посыпались гневные выкрики и угрозы.

– Простите, но нам нужно срочно уйти! – Виктор постарался сказать это убедительно и спокойно, но в горле от волнения пересохло, и с губ сорвалось лишь нечленораздельное сипение: – Пстите... нам жно чно йти...

– Встаньте, братья и сестры! – побагровев от гнева, возопил толстяк. – Встаньте и объясните мне, кто эти нечестивые дети?

Толпа запульсировала, как один большой живой организм. Поднялась, обступила наглецов плотным душным кольцом. Настя застонала от бессилия, Димка схватил ее за руку, пытаясь заслонить, а Витька поправил на носу очки (он еще не до конца приучил себя убирать их в карман во время драки).

– Кто эти дети? – требовательно произнес Голос.

Диоды над входом в кабину Лифта тревожно замерцали. Амбикамеры выдвинулись на максимум, с любопытством рассматривая школьную форму – ее желто-черные пятна ярко выделялись на фоне серых комбинезонов жителей поляны.

– Это новенькие, – вдруг пискнули откуда-то слева. – Они пришли из Пустынного Кольца. Я думаю, это Предвестники...

Сотни голов повернулись одновременно, сотни взглядов жадно впились в маленькую Машеньку, первой познакомившуюся с близнецами. Малявка тыкала пальцем, так рьяно кивая в подтверждение своих слов, что болезненно-худющая шея грозила переломиться.

– Новенькие? Предвестники? – с сомнением протянул Голос, приближаясь. – Или это дары Апокалифтиса?

– Никакие мы не дары! – огрызнулся Дима. – Отпустите нас немедленно!

В глубоко посаженных глазах толстяка какое-то время продолжалась ожесточенная борьба.

Удивившись появлению на Благодати новых детей, он лихорадочно придумывал, как обернуть ситуацию в свою пользу. Но Голос и его предки не зря управляли легионами жителей поляны на протяжении нескольких поколений – вот пузан растянул губы в гадкой улыбке, наконец сообразив, как можно использовать чужаков.

– Это новая кровь для нашего народа! – вскричал он, радостно потрясая кулаками. – Самый ценный подарок на праздник Снисхождения! Мы примем Предвестников в семью и спасем мир от Конца Света!

Толпа, сообразив, к чему клонит вождь, ликующе взвыла, перешептываясь и жадно разглядывая «подарок».

– Много лет не было такого славного дара! – продолжал толстяк. – Милосердный Апокалифтис, услышав наши молитвы, прислал свежую безгрешную кровь! И позволил нам сокрушить пророчество! Больше не будет детских болезней, не будет страдающих мам – в Благодать явились новые дети, которым предстоит основать чистые семьи! Кто желает усыновить этих милых близняшек и воспитывать их до тех пор, пока они не войдут в возраст взрослого человека и не откажутся от своих кощунственных планов по разрушению всего сущего?

– Я! Отдайте их мне! Мы! Нет, я! Отдай их нам, Голос! – тут же раздалось со всех сторон, а к тройняшкам потянулись десятки жадных рук. – Ах, какой славный подарок! Мы обманем пророчество! Слава Апокалифтису! Они станут нашими!..

– Стойте! – закричал Витька, яростно отбиваясь от жителей Благодати.

Куртка затрещала по швам, рукав почти оторвался.

– Никто нас не заберет! Никакие мы не Предвестники. Ваше пророчество не имеет к нам никакого отношения. У нас есть семья, есть родители! Мы обязательно к ним вернемся!

Рядом отбивался Димка, но его ругательства тонули в восторженном гуле неуправляемой толпы.

Нашим героям стало очень страшно – так не было даже в Червигороде, когда им собирались ввести радиоактивную вакцину, готовя к жизни червей. Потому что сейчас их окружали не чудовища – их окружали самые обычные (если так можно сказать

о благодатинцах) люди, улыбочивые и приветливые. Но их поведение не укладывалось в рамки логики и здравого смысла. А потому происходящее на светлой площади перед Лифтом пугало близнецов сильнее встречи с жуткой плотоядной Красимирой...

– Мы научим вас смирению и уважению! – голосили вокруг. – Научим любить и почитать Апокалифтиса, как отца своего! Вы станете частью Благодати!

Стена рук, ног и голов наконец отшатнулась, выпустив измученных чужестранцев в мятой и порванной одежде. Толстяк, словно нож мягкое масло, разрезал человеческую массу, отесняя ее прочь.

Лидеру повиновались без слов, покорно отступая на несколько шагов.

– Добро пожаловать на Благодать, – с приторной лаской в голосе произнес он, продолжая неправдоподобно улыбаться. – Вскоре вы узнаете, как легка и безмятежна местная жизнь. Без суеты и лишних обязанностей, жизнь ради своих близких, великого Апокалифтиса и Голоса Его. Жизнь размеренная и предсказуемая от первого до последнего дня. Вы привыкнете и полюбите ее. Ибо попавший на нашу поляну способен покинуть Благодать только одним способом – окрепнув верой и в отведенный час вознесясь в кабине Его высоко на небесные пустоши...

– Что вы сделали с этими людьми? – потирая ушибленное бедро, спросил Дима, злобно глядя Голосу прямо в глаза. – Зачем вы их дурачите?!

– Тише, маленький братец, – прошептал тот, украдкой осматриваясь и убеждаясь, что их беседа не слышна рядовым жителям поляны. – На наших овощных фермах очень жарко... Работники потеют по сто раз в день. Знаешь, малыш, а ведь мы собираем их пот. Храним в особенных банках, как доказательство трудолюбия... А еще! – Он сделал шаг вперед, и его рыхлое лицо исказила гримаса ярости. – Еще мы бьем бунтовщиков гайками и втираем этот пот в раны! Представляешь, как это больно? И если не хочешь сейчас же испытать эту боль, заткни свой нечестивый ротик!

Он облизнул пугающе-сочные губы, отчего Настю чуть не стошнило.

Витька дрожал, стараясь не подавать виду, Димку же трясло от гнева и бессилия.

– Вот и умничка, маленький братец, – миролюбиво кивнул Голос, когда установилась тишина. – И больше бунтовать не советую! Мои предшественники не для того запечатывали ходы и изгоняли с Благодати падших слуг Апокалифтиса, чтобы какие-то недомерки вдруг пришли из-за Пустынного Кольца и пошатнули наш уклад жизни!..

Он хотел еще что-то добавить, но тут над площадью прокатился громогласный бас, которым Апокалифтис говорил со своими безумными почитателями. Толстяк побледнел, вздрогнул, отчего тройной подбородок колыхнулся и опал каскадом волн.

– Что происходит, Голос Мой? – зычно поинтересовался Лифт, заставив сотни людей снова упасть на колени в едином бессознательном порыве. – Я вижу новых членов общины?

– Да, владыка! – склонился в тяжелом (с одышкой и кряхтением) поклоне Голос, внимательно посматривая по сторонам и вытирая потные ладони о полу балахона. – Новые заблудшие овечки, нашедшие приют в царствии твоём.

– Они уже вкусили *благодравия*, делающего жизнь легче? – строго уточнил Лифт.

Из его кабины вынесли все коробки с «дарами», и в пустом полумраке посверкивали хрусталь светильников и настенные зеркала.

Толстяк скривился, будто съел жука.

– Нет, владыка, не успели...

– Так чего же ты ждешь? – грозно спросил Апокалифтис, а из его стенок выдвинулись четыре установки, одновременно напоминавшие реактивные турбины или чересчур хитрые динамики направленного действия. – Заканчивай быстрее и войди в кабину Мою! Заповеди новые и ответы на вопросы дать Я готов, чтобы легче сделать жизнь вашу, верный слуга!

Главный прислужник Лифта обернулся к помощникам, что таскали коробки со Штамповальни. Его тарелкообразная рожа, похожая на кусок подтаявшего масла, скривилась, покрывшись гибкими морщинами.

– Чего встали, бездельники? – глухо рявкнул он. – Быстро несите *благодравие*!

От этих слов «заблудшим овечкам» стало совсем уж не по себе. Но сбежать не давало плотное кольцо людей. Жители поселка продолжали зорко следить за чужаками, даже стоя на коленях.

Слуги Голоса метнулись в сторону, к щедро накрытым столам (аппетит у близнецов, разумеется, уже отшибло), что-то выискивая в недрах грузового самоката, на котором были доставлены продукты и скамейки. В звонкой тишине, внезапно повисшей над поляной, было слышно мерное жужжание моторов Апокалифтиса и напряженное дыхание толпы.

– Что же мы натворили?! – уже не сдерживаясь, воскликнула Настя, ее щеки запылали багрянцем гнева, а затем по ним покатились неконтролируемые слезы. – Как же мы ошиблись... Ну скажите, какая Птица заставила нас потащиться в эту дурацкую дверь?

И не нужно думать, будто Анастасия плакала только потому, что была девочкой. В особенно страшных или экстремальных ситуациях плакать не зазорно даже мальчикам (и даже самым мужественным из них). Сейчас же наступила именно такая ситуация – происходящее воистину пугало своей непредсказуемостью.

Трое путешественников, прошедших через самые опасные поляны Спасгорода, в свое время избежали когтей, самозатягивающихся ошейников, шприцов, клыков, пуль и штыков, охладительных реагентов, зубов, токсичных ферментов, кладбищенских машин эмоционального подавления и ножей сумасшедшей циркачки. И только для того, чтобы безвольно сгинуть на забытой поляне, где безумцы поклонялись Лифту и его жирному приспешнику...

– Тише, родная, тише, – попробовал успокоить ее Виктор, очень по-взрослому обнимая за плечо и ласково поглаживая по голове. – Еще не все потеряно... Главное, мы вместе, а это значит...

Мальчик не договорил – стоящие на коленях посторонились, неуклюже отползая в сторону, и пропустили на площадку перед шахтой одного из помощников Голоса. Прислужник, скромно потупившись, нес в руках узкую высокую бутылку из непрозрачного бурого материала, напоминавшего глинопластик. В другой руке была зажата пиала такого же цвета.

– Наконец-то! – просиял толстяк, хищно улыбнувшись. – Владыка Апокалифтис, все почти готово! Сейчас чужаки изопьют благодравия и навсегда станут частью нашей общины, славя тебя день за днем!

– Ничего мы пить не станем! – закричал Дима, сжимая кулаки. – Только попробуй, подойди – дам в нос!

По рядам коленопреклоненных благодатинцев прокатился ропот: как этот наглец смеет так дерзко говорить с великим Лифтом и Голосом Его? Люди шептались, испепеляя нахалов взглядами. Как один, они недовольно кривили губы, только и ожидая приказа схватить и проучить чужестранцев.

– Станете-станете! – жизнерадостно потер ладони-беляши Голос Апокалифтиса. – Один маленький глоточек, братья и сестры, всего один маленький глоточек. И вам будет безразлично происходящее за пределами Благодати. Сердца наполнит любовь и чувство бесконечного преклонения перед величием Его.

Он выхватил у помощника пиалу, подставил под наклоненное бутылочное горлышко. Наполнил темной мутной жидкостью, от которой исходил слабый запах меда, и шагнул к детям.

– Получай! – вдруг просипел Димка, бросаясь вперед еще до того, как брат успел остановить его.

Неожиданный пинок мальчика, пришедшийся точно в руку Голоса, выбил пиалу, отшвырнув куда-то в толпу. Позеленев от злости, толстяк шумно всасывал воздух, хлопал мясистыми губами и с отвращением рассматривал забрызганную благодравием одежду.

А через миг, когда община поняла, что именно сотворил пришелец в черно-желтой куртке, толпа всколыхнулась. Подползла ближе, еще не решаясь встать с колен, но уже готовая хватать и дубасить. И едва не сомкнулась вокруг заботинцев – но от Лифта вдруг

ударил что-то оглушительное, упругое, опрокидывающее.

Мощный рев, издаваемый четырьмя звуковыми пушками Апокалифтиса, прокатился поверх голов. В считанные мгновения он наполнил воздух таким невыносимо-протяжным стоном, что от него заломило зубы и заболели ребра. Десятки благодатенцев повалились ничком, выкрикивая мольбы и вразнобой распевая гимны, а наши герои потеряли равновесие, упав друг на друга.

– Вы идете против воли Голоса Моего?! – прорычал Лифт, вращая амбикамерами. – Негодники! Грешники! Грязные души, требующие очищения!

Жирдяй, хлопнувшийся на спину, пытался встать, беспомощно суча ногами. Прислужники тут же кинулись к нему, помогая перевернуться на живот. Дима, Витя и Настя тоже вскочили, сбиваясь в кучу и готовясь продолжать сопротивление.

– Это акустическая пушка, – прошептал Витька остальным. – Отключим ее – лишим мошенников оружия!

– Но как? – Настя все вертела головой, выискивая хоть малейшую лазейку для побега.

– У меня есть план... – Мальчик поправил слетевшие очки, прищурился и повернулся к толстяку.

Тому в это время уже принесли новую чашку, которую он сейчас спешно наполнял дурманом из бурой непрозрачной бутылки. Руки Голоса подрагивали, ноги подкашивались. Вероятно, даже прислуживая Лифту-тирану, толстобрюх не мог быть точно уверен в собственной безопасности...

– Пейте мое благонравие, гадкие грешные дети! – возопили динамики Лифта так громко, что эхо еще долго металось под блеклыми сводами поляны.

– Нет! Мы не станем! – выступил вперед Витька, рубанув по воздуху рукой.

– Глупцы! – рявкнул Апокалифтис еще до того, как охваченный гневом Голос успел вмешаться и приказать своим слугам схватить непокорных. – Я сокрошу и вас, и всю Благодать! Противление воле Моей не имеет права на существование! Подчинитесь или умрите, погубив всю поляну!

Община взвыла от ужаса. Теперь религиозные фанатики не пытались схватить близнецов, а медленно отползали от шахты, почуяв скорую расправу. Дети плакали, женщины подвывали, мужчины стонали и скрипели зубами.

Толстяк повалился на колени, простирая руки, и начал умолять своего владыку сменить гнев на милость. В этой суете и хаосе крик мальчика услышал только Лифт, оборудованный высокочувствительными микрофонами.

– Убеди нас принять слово Твое, великий Апокалифтис! – стараясь перекричать окружившую их какофонию страха, выпалил Витя. – Порази нас мудростью, позволь выйти из кабины Твоей обновленными! И тогда мы примем благонравие, став частью семьи, которую Ты хранишь и оберегаешь!

Малиновые светодиоды над кабиной мигнули, внутри с перезвоном качнулись подвески дорогих люстр. Пушки втянулись в корпус Лифта, амбикамеры с жужжанием выдвинулись вперед, изучая покрасневшее от волнения лицо мальчишки.

– Витька, стой, ты что задумал? – прошипел тому на ухо брат, хватая за плечо.

– Тсс... – только и ответил Виктор, нарочито глупо улыбаясь Лифту и умоляюще протягивая к его дверям открытые ладони.

– Приведите непокорных! – распорядился Апокалифтис, включая в кабине свет – засверкав, та предстала во всем великолепии. – Я лично направлю их на путь истинный и заставлю отринуть греховные убеждения.

Толпа, успокоившись (все уже догадались, что расстреливать из звуковой пушки их пока не будут), снова затянула песнопения во славу Лифта. Люди вытирали слезы облегчения, обнимались и жарко обсуждали раскаяние упрямых чужаков.

Конечно, отчасти их стремление войти в богато обставленный Лифт казалось кощунственным. Но одновременно и отважным. А великодушное желание Апокалифтиса лично принять детей в общину обещало стать лучшим завершением праздника

Снисхождения. Такое событие, поговаривали благодатинцы, будут обсуждать еще не одну седмицу. А новообращенные, которых лично отметил владыка, станут почитаться пуще других, и уж тогда страшному пророчеству точно не суждено сбыться...

Помощники Голоса Его боязливо внесли в Лифт бутылку с мутным медовым благонаравием и три пластмассовые чашки. Оставили все на ближайшем столике, а затем без промедления, но с поклоном, спинами вперед вышли вон.

Толстяк, нетерпеливо наблюдавший за приготовлениями, все еще мелко тряся, не находя себе места.

– Схватить их и бросить в кабину владыки Апокалифтиса! – прохрипел он, задыхаясь.

– Не трогайте меня! – предупредил Дима, когда к нему потянулись двое приспешников. – Пойду сам! – И добавил совсем тихо, обернувшись к брату: – Витька, балбес... надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

И трое чужестранцев, провожаемые восторженными возгласами, медленно вошли в сиявшую роскошью кабину. Сложносоставные двери, собирающиеся из целого десятка хромированных сегментов, с приятным механическим шелестом сомкнулись за их спинами.

Утихло шипение пневматических приводов, гул голосов тоже стих. Последнее, что увидела Настя за порогом, было рыхлое и болезненное лицо Голоса, с ненавистью глядящего вслед близнецам.

– Узрите мощь Апокалифтиса! – пробасили динамики под потолком. Из стен, задевая позвякивающие светильники, на «нечестивцев» нацелились миниатюрные копии звуковых пушек, которыми Лифт пугал одураченную общину. – Падите ниц перед могуществом Моим и признайте Меня владыкой сущего!

Витька, будто бы вовсе не замечая происходящих с кабиной трансформаций, уверенно зашагал к дальней стене.

– Вы сами выбрали такой вариант познания Моего могущества! – Свет мигнул и вдруг стал нестерпимо ярким, проникающим даже сквозь сомкнутые веки. – Узнайте же гнев труб Моих, звук возмездия Моего!

Настя боязливо отшатнулась от ближайшей пушки.

Димка затравленно оглядывался в поисках спасения, но не видел ни одного варианта. Мысленно он жарко ругал брата за новую авантюру, в которую Витька втянул их, даже не посоветовавшись.

– Испейте благонаравия, обретите покой душевный, – продолжал Лифт, окончательно войдя в образ повелителя людей. – Отриньте грешные помыслы и мирскую суету, восславьте... эй, что ты делаешь, несносный мальчишка?

Прервав на полуслове торжественную речь, Лифт взвизгнул, вдруг осознав, что именно задумал Виктор. А тот, быстро опустившись на колени перед внутренним пультом протокольного доступа, ловко открутил крышку, заглядывая в начинку кабины.

– Попробуешь активировать звуковое оружие, – холодно произнес мальчик, вынимая целый моток растянутых шлейфов и проводов, – и я подключу тебя обратно в сеть Спасгорода!

Динамики Апокалифтиса замолчали так резко, как обычно замолкает человек, когда его бьют в «солнышко». Кабину наполняло тревожное шуршание пустого эфира, аналогичное тяжелому человеческому дыханию.

– Наш папа – механик высшего разряда, – предупредил Витька, с усмешкой взглянув в объектив ближайшей амбикамеры. – Поэтому кое-что в устройстве Лифтов я понимаю. Это ведь шлейфы акустической системы?..

Он с хрустом выдернул из пазов сразу три штекера.

– Что ты делаешь? – испуганно заскулил Апокалифтис. – Не смей, маленькое чудовище!

– Ага, они самые... – удовлетворенно покивал Витя, наблюдая, как плавно втягиваются в стены звуковые орудия. – А это, стало быть, канал связи с сетью Гильдии...

Он взвесил на ладони разомкнутый разъем, обозначенный маркерами повышенной

важности.

– Значит, вы действительно Предвестники Конца?

– Перестань молотить чушь, спятившая железяка!

– Стоит мне открыть двери и приказать Голосу, – неуверенно пригрозил Лифт, с ужасом наблюдая за действиями мальчика, – и вас порвут на куски!

– Попробуй, – равнодушно повел плечом тот, заставив сестру испуганно вскрикнуть, а брата побледнеть. – И я тут же запущу протокол соединения с сетью Смотрителей. Ведь именно из-за отключенного штекера ты пропал с их устройств слежения, сойдя за *уснувшего* ?

– Что? Нет! Ты не посмеешь! – Теперь в голосе Апокалифтиса не было ни величия, ни самонадеянности.

Кабина затряслась, отчего хрустальные подвески люстр мелко забренчали, словно зубы трусишки.

– Отойди, наглец, или вас всех ждет страшная кара! Люди снаружи выполняют любой мой приказ, даже если им придется казнить детей!

– Валяй, приказывай! – продолжал хладнокровно парировать Виктор, поднося штекер к разъему. – В ту же минуту операторы Конклава узнают, что один из Лифтов предал Гильдию. И не просто предал – он отнял у нее часть власти, решив сыграть во всемогущего владыку!

И мальчик почти вложил многожильный кабель в распахнутый зажим второго провода, вызвав сдавленный стон динамиков.

– Вам все равно придет конец! – Лифт попробовал воззвать к здравому смыслу пленников.

– Как и тебе, гад! – вспыхнул Витя. – Тебе и всей вашей секте, подлый обманщик! Через пару часов тут будут батальоны Стражников! Тебя разберут на запчасти, Голос бросят в тюрьму, а остальных отправят в психиатрические клиники на реабилитацию! Хочешь этого?

Настя и Дима молчали, с трепетом наблюдая за словесной дуэлью, которую их отважный брат вел с тираном. Конечно, они сразу вспомнили давний торг со слугами Ризоморфа и блеф, на который пришлось пойти Виктору, чтобы спасти их жизни...

Девочка теребила завязки на куртке, Димка хрустел костяшками пальцев.

Почти минуту Апокалифтис молчал, размышляя и мигая малиновыми огоньками планшета.

– Мерзавцы... – наконец выдохнул он. – Чего вы хотите?..

И только тогда Витькины плечи опустились, выдав напряжение, в котором мальчик пребывал последние минуты. Он съежился, как воздушный шарик, из которого откачали воздух. Тяжело осел на пол перед открытым пультом. Пальцы его подрагивали.

– Кто ты такой?

– А это важно? – утомленно спросил в ответ Лифт. – Я один из тех, кто воспользовался медленным крушением Спасгорода... Хотя вы и мелюзга, но уже можете знать: в любом обществе найдутся те, кому *все равно*. Люди, которыми легко управлять. Которых легко вести. Причем неважно, куда именно...

В голосе Апокалифтиса слышались усталость и печаль. Он внимательно следил за руками Витьки, но открыть двери или страдать расправой больше не пытался. Дима и Настя, не в силах и дальше выдерживать давящий на плечи стресс, кулями повалились на диван. Бутылка с дурманом, которым Голос опаивал членов общины, все еще стояла перед ними.

Где-то снаружи их по-прежнему ждали толстяк и сотни жителей Благодати, с восторгом и нетерпением взиравшие на запертые двери кабины. Люди славили Лифт, восхищались привезенными дарами. В который раз они объясняли детям, откуда на поляне берутся все мыслимые блага, вроде вкусной еды, лекарств, одинаковых комбинезонов устаревшего образца или инструментов...

– Их не волнует, что происходит на других этажах, причем уже очень давно, –

продолжал свою речь Апокалифтис. – Со дня моего открытия сменилось три поколения, о чем тут еще говорить? Да многие из них вообще не верят, что существуют другие поляны!

– А ты возишь вещи со Штамповальни, где их целые горы? – со злостью спросил Витя.

– Ба... – искренне удивился Лифт. – Знаете про Фабрику-БАП?.. Вы очень интересные малявки, нужно отметить. Если сможем договориться, вы станете моими новыми Голосами, а толстяка я отправлю в отставку. Только подумайте, как легко и богато мы тогда заживем!

– Замолчи! – крикнула Настя, опередив братьев. – Не смей предлагать нам такое, ты – сумасшедший предатель!

– Ладно, ладно, не горячитесь... – поспешно произнес Лифт. – Я должен был попробовать, разве нет?.. Проехали, не берите в голову. Итак, вот уже много лет я одеваю, кормлю, пою и лечу общину. Стал ее благодетелем, если вы не заметили. Опекаю и желаю добра в соответствии с заложенными в меня гуманитарными программами. Кстати, они неплохо научились и кое-что делать сами. Построили фермы, выращивают овощи и скот, растят и учат детей.

– Чему учат? – фыркнул Димка. – Что поляна одна на свете? Что всадники на Птицах уничтожат мир? Что провинившихся нужно закидывать гайками? А замурованные шахты – это всего лишь колонны, подпирающие потолок? Толстяк, управляющий поселком, ничем не лучше Смотрителей!

– Знаешь, мальчик, – вздохнул Лифт, – в жизни встречаются неприятные открытия. Если стадом не управлять, оно либо передохнет, либо сломает заборы и вытопчет урожай...

– Ты отвратителен! – сквозь зубы процедила Настя, хватая бутылку и швыряя ее через всю кабину.

Сосуд разбился, ударившись о стену, и на ковровые дорожки Лифта хлынула пахнущая медом темная жидкость. Апокалифтис молча пронаблюдал за ее поступком, потом из стен выдвинулись примитивные механизмы для уборки, сметая осколки в совок и пылесоса ковер.

– Я отвратителен? – задумчиво переспросили динамики. – А вы? Так много знающие дети... Уверен, вы тоже успели обмануть немало народу, например учителей и родителей. Ведь так? Что вы вообще делаете тут, на закрытой поляне, которой и на картах-то нет? Сбежали из дома? Захотели вольной жизни, наплевав на все правила? Чем вы лучше меня?

На последний вопрос, заданный с горечью и сарказмом, не ответил никто.

Наши герои переглянулись, чувствуя жгучую вину (ведь, если задуматься, Апокалифтис был кое в чем прав), и потупились, вспоминая все предыдущие побеги из дома.

– Ладно, мелкие шантажисты... – убедившись, что попал в точку, Лифт осмелел чуть больше. – Чего нужно?

– Ты отвезешь нас наверх, – уверенно сказал Витя, снова беря нить управления разговором в свои руки. – На поляну под названием Сонник. Прямо сейчас. Никому не расскажешь об этом, и тогда мы сохраним твою тайну. Это ясно?

– Сонник? – хохотнул Апокалифтис. – Вы явно не жалеете собственных голов, раз взялись посещать такие интересные поляны. Хоть представляете, что Гильдия сделает с вами, если узнает?

– А с тобой? – грозно поинтересовался Виктор. – Хватит болтовни! Вези.

– Хорошо, хорошо, не кипятись. – Кабина пожужжала амбикамерами, мигнула диодами на пульте. – Но на Сонник я не ходил даже в лучшие времена. Могу доставить только на пару полян ниже, а дальше пойдете сами. Устроит?

– Устроит, – важно кивнул мальчик, не отпуская проводов.

И посмотрел на брата и сестру, согласно кивнувших в ответ.

– Ну что ж... – Апокалифтис завел моторы, и близнецы воочию представили себе, как шарахнулась от шахты ожидавшая снаружи толпа. – Праздник Снисхождения окончен. Пусть все думают, что вы оказались не Предвестниками, а самыми настоящими избранными и вознеслись ...

Все трое в тот же миг представили себе, как во время следующего праздника кабина Апокалифтиса приходит на Благодать пустой и внутри нет ни следа чужаков. Какую легенду

придумают Лифт и Голос Его, чтобы упрочнить пошатнувшееся могущество? Поверят ли в нее жители поляны? Этого беглецы знать уже не могли...

В полнейшем молчании Апокалифтис начал подъем, покачивая хрустальными подвесками и тихонько скрипя обивкой диванчиков. Было тепло, уютно, перегрузка почти не чувствовалась, но тройняшки и не думали расслабляться – Витька все еще держал руки на штекерах и клеммах, продолжая угрожать безопасности Лифта-обманщика.

Время снова превратилось в подтаявшую карамель, плавное движение кабины навевало дрему. Лишенные возможности засечь часы и минуты, братья и сестра не знали, как долго длился мягкий безмятежный подъем (Лифт и вправду оказался Экстра-класса). Несколько раз их начинала морить дрема, но они щипали и пихали друг друга, чтобы не потерять контроль над ситуацией.

Когда Витя устал, возле пульта его подменил брат. Запомнив, какие разъемы и куда именно следует воткнуть, если Апокалифтис откажется подчиняться, он уселся на ковер под планшетами, поигрывая проводами.

Наконец включились тормозные моторы и кабина начала замедляться.

– Прибываем, маленькие шантажисты, – невесело отчитался пленный Лифт-мошенник.

– И где мы сейчас? – тут же встрепенулся Виктор, отгоняя сон.

– Техническая поляна для внутреннего пользования, соподчинена центральной администрации Спасгорода, – послушно ответил Апокалифтис. – Простой люд ее Библиотекой называл, а по официальным протоколам она проходит как Банк Данных-1-НЗУ. Говорит о чем-то?

Вместо ответа Витька нервно дернул плечом. Признать, что про такую поляну они слышали впервые (и хоть как-то продемонстрировать противнику свою слабость) не хотел никто.

– До Сонника далеко?

– Две поляны вверх.

– Ну, гад! – Димка демонстративно потряс шлейфами. – Если обманул!..

– Да не обманывал я, – вздохнул Апокалифтис. – Смысла нет. Рано или поздно Гильдия головок-то вам все равно поотрывает...

– Ты о своей башке позаботься, вун! – Мальчик нырнул в открытый пульт, что-то там изучая. – А свои головы мы уж сами побережем.

– Да как скажете, мелюзга, – равнодушно протянул Лифт. Если бы он мог пожимать плечами, как мы с вами, обязательно добавил бы к своим словам этот жест. – С прибытием, так сказать...

Кабина окончательно остановилась, качнувшись в последний раз. Двери начали трансформироваться, расплзаясь на сложносоставные фрагменты. Внутрь ворвалась легкая прохлада и стерильный запах (едва-едва уловимый аромат медикаментов), какой мама иногда приносила домой после дезинфекции на рабочем месте.

– Доброго пути не пожелаю, должны меня понять, – напоследок съязвил Апокалифтис, когда дети уже переступали порог. – Но если передумаете, всегда буду рад сотрудничеству, вы толковые...

– И не надейся! – процедил Дима, едва удержавшись, чтобы злобно не плюнуть на ковер.

Но когда сегментарная дверь собралась в непроницаемый щит, а внешние створки плавно отсекали сверкающие поверхности, выдвинувшись из стенок шахты, он все же пнул по ним, выплескивая гнев.

– Посмотрим, гаденыш, как тебе понравится, когда Гильдия придет посмотреть на общину!

– Димка? – испуганно охнул его брат, вдруг догадавшись. – Что ты сделал, пока сидел под планшетом?

– Незаметно установил связь с сетью города, – прищурившись, подтвердил тот. – Не хочу даже думать, что эта сволочь и дальше будет мучить жителей Благодати...

– Молодец, братик! – захлопала в ладоши Настя, вдруг ощутив прилив сил – только теперь ей показалось, что справедливость восторжествовала. – Так его!

– Зачем ты это сделал? – тут же возмутился Витя, озабоченно качая головой. – Он же теперь точно выдаст нас Страже! Пойдет на дно шахты, но и нас попытается утащить...

В ответ Димка хмыкнул, словно говоря этим – ты, братец, меня явно недооцениваешь.

– Может, ты забыл, но мой папа тоже механик высшего разряда, и я тоже кое-что умею, – горделиво подбоченился он. – Я нашел в пульте реле, позволяющее начать соединение только через пару часов. Так что этого гада скоро ждет крайне неприятный сюрприз! Ну а мы к тому времени будем уже далеко...

И он хищно улыбнулся, потирая руки. Настя, которую происходящее на Благодати потрясло сильнее всех, согласно кивнула и ободряюще похлопала брата по плечу. Витка же, более сдержанно оценив подобный способ решения конфликта, только потер переносицу.

– Пусть будет так. Но задерживаться теперь тем более не стоит. – Он поправил очки и отвернулся от шахты. – Давайте-ка пойдем, куда попали на этот раз. Может, нам повезет, и здесь мы найдем хоть один путеводный знак Облачка?..

Глава пятая, в которой становится известна истинная цена знаний, а кое-кто из одной беды попадает в другую

Технический этаж, который Апокалифтис почему-то назвал Библиотекой, был не похож на обычные ярусы Спасгорода. Но и псевдополяны или лабиринты внешней стены он не напоминал тоже. Потолки оказались вовсе не давящими, метров десять высотой, но все равно не могли сравниться с искусственными небосклонами любого из жилых уровней (например, печального Многодворовска).

Труб, решеток радиаторов, паровых котлов и поршней, вентилях, шестеренок или пучков высоковольтных проводов – неизменных атрибутов коммуникационных помещений – тут не было и в помине. Правда, не было и книг, как это принято в библиотеках, к каким дети привыкли в школе или Доме культуры.

Зато были огромные, поднимавшиеся почти под потолок шкафы, очень напоминавшие книжные. Только вот заполнены эти шкафы оказались железными коробками, сплошь напичканными электроникой и сияющими ярко-голубыми диодами. Эти стеллажи (с виду совершенно одинаковые) занимали, казалось, все пространство поляны. Образовывали проходы, коридоры, целые комнаты, холлы, дворики, переулки, улицы, площади и даже проспекты.

За такими «библиотечными шкафами», совершенно не содержащими книг, змеясь и переплетаясь, вились сотни и тысячи проводов, убегавших в потолочные отверстия. Сперва они напомнили путешественникам искрометы, с которыми им когда-то пришлось столкнуться, но почти сразу стало ясно, что местные провода собственной жизнью не обладают.

За время доставки на Банк Данных-1-НЗУ наши герои успели немного перевести дух и успокоиться, однако о покинутой поляне все равно вспоминали с содроганием. Неужели Облачко и его таинственный друг знали, через *что* там придется пройти близнецам? Отчего были уверены, что тройняшки смогут сбежать от сектантов, поклоняющихся Лифту?..

Впрочем, визит на Благодать (как и все плохое) дети, поглощенные исследованием новой поляны, забыли довольно быстро.

– Ух ты, – выдохнул Виктор, едва прошло первое ошеломляющее впечатление от зрелища сотен огоньков на информационных блоках, – вот это да... Хранилище информации, настоящая сокровищница... Да тут, наверное, все знания о городе, вы только взгляните!

И он призывно, будто бы брат и сестра не любовались стеллажами вместе с ним, протянул руку.

– Даже если каждый модуль памяти содержит всего один терабайт... или даже неполный терабайт... тут все равно очень, очень, очень много информации...

Глаза мальчика загорелись, словно сейчас он снова принимал участие в увлекательной школьной экскурсии, а вовсе не продолжал опасное путешествие, едва вырвавшись из лап безумных поклонников Апокалифтиса.

– Витька, ну-ка угомонись, чтоб тебя Птицы заклевали! – возмутилась Настя, недовольная таким неуместным энтузиазмом. – И вообще, в них, скорее всего, сухая и неинтересная статистика. Я уверена, эта поляна – обычная буферная зона, где обрабатываются данные о действующих в Спасгороде машинах или Лифтах. Апокалифтис же сказал, что она для административного пользования – ну какой тут может быть интерес?

– Нет, сестренка, – мечтательно произнес Витя, продолжая разглядывать шкафы, заполненные модулями. – Лифт-жулик сказал, что это как раз банк данных.

– Банк это или буфер, – отрезал Димка, шагая вперед и увлекая за собой остальных, – значения не имеет. Потому что для нас это место – всего лишь еще одна ступенька к таинственному Соннику, ясно? И давайте не будем об этом забывать. Чем быстрее найдем возможность подняться к вышестоящей поляне, тем меньше шансов наткнуться на тех, кто захочет вернуть нас на Заботинск.

– Ой, а ведь верно... – неуверенно поддержала его девочка, озираясь. – Наверняка тут дежурит кто-то из операторов или чиновников, как старики на Амбаре.

– Сомневаюсь, – помотал головой Дмитрий, продолжая шагать по одной из пустынных «улиц» и тем самым заставляя остальных ускориться. – Если бы на ярусе была зафиксирована биологическая активность, Апокалифтис не стал бы нас здесь высаживать, чтобы не рисковать самому. Я уверен, поляна полностью автоматизирована.

И Настя, вздохнув, замолчала.

Во-первых, потому что брат, скорее всего, был прав. А во-вторых, потому что сейчас Дима говорил так похоже на отца, что Анастасии стало не по себе – словно за один день ее брат лишился частички чего-то детского, беззаботного и легкого, как это часто бывает при взрослении...

Как бы то ни было, все трое продолжали двигаться вперед (говоря точнее, они куда-то шли, не имея ни малейшего представления о направлении движения). Температура на Библиотеке поддерживалась невысокая, что обеспечивало большую работоспособность машин, а потому через какое-то время дети начали зябнуть.

Они до горла застегнули рваные школьные куртки (вновь помянув одичавших благодатинцев недобрым словом) и подпоясались найденными на полу обрывками проводов, стремясь сохранить быстро убегающее тепло.

А лабиринт между тем затягивал все глубже и глубже, оставаясь удручающе однообразным. Конечно, в нем было даже отчасти уютно – повсюду мерцали светодиоды разных оттенков синего, да и пыли на полах почти не наблюдалось. Но схожесть коридоров и почти полное отсутствие открытых пространств все же угнетали. А через какое-то время странникам стало казаться, что они и вовсе ходят по кругу.

– Стойте! – в какой-то момент вдруг скомандовал Димка, и близнецы устало опустили на пол, вытягивая гудящие ноги. – Так дело не пойдет. Сидите тут, я залезу вот на этот шкаф и посмотрю, что видно сверху.

– Только будь, пожалуйста, осторожнее, – заботливо попросила Настя, сжимая кулачки. – И смотри, чтобы тебя не ударило током.

– И еще постарайся не повредить модули памяти. Если что-то выскочит из пазов, немедленно вставь обратно... – наставительно добавил Витька, и брат как-то странно посмотрел на него в ответ.

Затем, старательно примерившись к ближайшему стеллажу (похожему на остальные, как сам Дима был похож на Витю), мальчик полез вверх, цепляясь пальцами за железные края полок и размеренно подтягиваясь. Ноги его вставали на самые краешки, упираясь в хрупкие диоды на модулях, но он не обращал на это никакого внимания. Даже когда

несколько раз ботинок соскальзывал, с хрустом разбивая крохотные лампочки, разведчик продолжал карабкаться, ни разу не обернувшись.

Виктор, снизу наблюдавший за повреждениями уникальной электроники, морщился, будто от боли, но молчал.

Забравшись на самый верх шкафа и устроившись на его пыльной крыше, Димка улегся на живот, давая отдых нившим от натуги рукам.

– Ну, что там?! – нетерпеливо спросила Настя, привставая от любопытства.

– Темно тут, – донеслось до них сверху. – Внизу модули свет дают, а потолочных светильников нет. Поэтому темно. Но я вижу проходы, да. Они словно бы подсвечены... кстати, это и правда напоминает лабиринт. Витька, ты был прав, когда сравнивал это место с тем островом из греческих мифов... Как он назывался, Крот?

– Крит, это был Крит... А шахту? – Витя поднялся на ноги, задирая голову. – Ты видишь хоть одну шахту?

– К сожалению, нет, – честно сознался наблюдатель, вглядываясь в густой сумрак, царивший над поляной. – Я вижу, как что-то темнеет вдаль, но это может оказаться и шахта Апокалиптиса, от которой мы шли. Большого разобрать не могу. Отсюда даже не видно, в каком направлении ближайшая внешняя стена...

– Пожалуйста, Димочка, спускайся аккуратнее! – попросила Настя, тяжело и устало вставая.

– Ладно-ладно, не будь занудой...

Передохнув, Димка полез обратно, при этом возвращение заняло у него гораздо меньше времени. Когда до пола оставалась пара метров, он и вовсе разжал ладони, ловко спрыгнув и приземлившись точно между братом и сестрой.

– И все равно, я кое-что заметил, – не без гордости сообщил шкафолаз, подбочиваясь.

– А почему сразу не сказал? – насупился Виктор.

– Хотел видеть ваши лица. – Дима хохотнул. – Ладно, не обижайтесь. В общем, вон в той стороне, – он махнул куда-то налево и за спину, – свет, выбивающийся снизу, вроде как ярче. Подозреваю, что там находится что-то вроде центра управления. Может быть, там мы найдем планшет внутренней связи или карту.

– Bravo, – кивнул Витя, хлопнув брата по плечу, – теперь у нас есть курс. Без него мы и правда могли бы неделями блуждать в этом лабиринте знаний. И еще неизвестно, не водятся ли тут минотавры...

– Кто? – испуганно и торопливо поинтересовалась Настя.

Но Витька лишь покачал головой, продолжая через запыленные очки щуриться на однообразные стеллажи, заставленные столь же однообразными информационными модулями.

Они двинулись в направлении, указанном Димкой. От наличия хоть какого-то плана всем троим показалось, что идти стало легче, а воздух немножко потеплел. Звуки шагов таяли в равномерном электрическом гудении, окружавшем со всех сторон, разговаривать не хотелось.

Разбитые, потерянные и одинокие, они брели вперед в самое сердце огромного, занимавшего всю поляну лабиринта. Брели, опасаясь столкнуться с чем-то, что Виктор небрежно назвал «минотавром». Брели в надежде целыми и невредимыми выбраться из этого страшного и непредсказуемого приключения, достигнуть указанной ботом цели и поскорее вернуться домой. Но приключение заканчиваться отнюдь не собиралось...

Вдруг Дима остановился, вытягивая руку и призывая остальных тоже застыть на месте.

– Тихо, – попросил он, хотя они и так вели себя, словно пугливые лабораторные мышки. – Вы что-нибудь слышали?

Настя и Витя отрицательно покачали головами, но теперь насторожились.

– Мне показалось, вон там что-то мелькнуло, – прошептал Дмитрий, указывая на один из проходов впереди. – Что-то вроде человека, но только совершенно бесшумное, клянусь...

– Может, тебе все-таки показалось? – неуверенно предположил Виктор, чувствуя, как

спина покрывается мурашками.

– Может. Но все же я...

– Мама! – пронзительно вскрикнула Настя, вцепляясь в братьев и дрожа всем телом.

Она смотрела направо в ближайший проход, наполненный приятным приглушенным мерцанием разноцветных ламп и индикаторов.

– Я тоже что-то видела. Там... Похожее на человека... Но прозрачное.

– Что? – Витька усиленно всматривался в полумрак, но не видел ничего, кроме коридора, его ответвлений, ровных рядов модулей памяти и россыпи ярких ламп. – Прозрачный человек?

– Мамочка, – повторила Настя, клацая зубами. – Кажется, здесь тоже живут психолептоны...

– Дуреха, – нервно огрызнулся Димка, потому что и сам был напуган. – Усыпальница на весь город одна!

– Но я же видела! – с обидой всхлипнула сестра. – Давайте быстрее уйдем отсюда, пожалуйста! Если тут стоит установка по подавлению эмоций... я не хочу, чтобы повторилось, как в прошлый раз...

Этого не хотел никто – все трое хорошо помнили, в какую стремительную и глубокую депрессию скатилась девочка, увязнув в атмосфере Усыпальницы. И когда они уже приготовились продолжить свой путь к центру управления поляной (разумеется, предположительно, потому что никто из них не мог точно знать, что именно находится в центре лабиринта), странное прозрачное существо заметил и Виктор.

От испуга и удивления он даже невольно выругался, чего практически никогда не позволял ни себе, ни брату (когда, конечно же, уличал его в этом). Остолбенев, Витя разглядывал странный образ, парящий в полуметре над полом в одном из боковых коридоров.

С одной стороны, тот в самом деле напоминал психолептона Усыпальницы. Но с другой – был на него совсем не похож.

– Витька, что это? – шепотом поинтересовался Дима, словно брат мог сразу сообразить, что за необычное существо предстало перед путешественниками. – Психолептон? Оно опасное?

– Я не всезнайка, – таким же шепотом ответил Виктор, на всякий случай отодвигаясь. – Но на жителей Усыпальницы вроде похож, опасным не выглядит...

И правда – светящийся полупрозрачный силуэт, парящий в воздухе, не демонстрировал никаких враждебных намерений. Высокий, одетый в ниспадающий до пят плащ с капюшоном, скрывавшим лицо (как у старших Смотрителей, с которыми когда-то работал их папа), – призрак напоминал персонажа из амбивизора. Выглядел незнакомец спокойным и умиротворенным.

Словно голографическое изображение, образ пульсировал и переливался, становясь то четче, то практически растворяясь в полумраке. Парил, чуть поджав колени (этим он в самом деле походил на психолептона), и чуть заметно перебирал длинными тонкими пальцами.

– Ой, а вон еще один! – Настя резко повернулась в другую сторону, тыча пальцем. Они увидели новое привидение, похожее на первое, как распечатки из копировальной машины. – А вон еще!

Затем из соседних коридоров выплыло третье, четвертое, пятое и даже шестое существо. Укутанные в одинаковые накидки, прячущие лица, они выглядели загадочно, но вовсе не казались врагами. Однако стоящие в их кольце тройняшки все равно чувствовали себя неуютно.

Окутанные ровным голубоватым светом, привидения мерцали и меняли яркость, плавая в воздухе вокруг наших героев.

– Здравствуйте, дети, – мягким, преисполненным заботы женским голосом произнесла одна из фигур, но близнецы так и не смогли сообразить, какая именно.

Казалось, звук льется со всех сторон, словно говорят все шесть призраков разом.

Впрочем, пугающего впечатления такой хор не производил – напротив, от кружащего стереоэффекта по необъяснимой причине становилось тепло и уютно.

– Рады приветствовать гостей нашей Библиотеки, хотя это и не частое явление. Что привело вас сюда? Необходимость, беда или жажда новых знаний?

Сбившись в кучку и не решаясь расцепить крепко сплетенных рук, Димка, Витька и Настя вертели головами, озираясь.

– Здравствуйте, – неуверенно произнес Виктор, в очередной раз исполняя роль того, кто первым вступает в переговоры. – Мы тут по стечению обстоятельств, если так можно сказать.

– И из-за беды, – пискнула Настя, не сдержавшись. – А вы – психолептоны, так?

– Удивительно, – изумилось существо (или одновременно все шестеро?), вполне человеческим жестом разводя руки. – Нечасто встретишь человека, осведомленного о природе визуально-эмоциональных матриц Специфического Хранилища Памяти. Но нет, дети, мы не психолептоны. Мы – существа иного порядка, хоть и имеем определенное сходство.

– А мы можем попросить вас о помощи? – продолжила Настя (вероятно, девочка хотела хоть как-то загладить свой эмоциональный срыв на Усыпальнице, которым чуть не поставила под угрозу их предыдущее путешествие).

– О помощи? – переглянулись прозрачные фигуры, сотканые из светло-голубого света.

– Бедные, бедные дети, – сказала мужским голосом одна из них.

– Они попали в беду, – сказала вторая женским.

– Мы постараемся помочь, если это в наших силах, – добавила третья, и все шестеро одновременно кивнули. – Но мы лишь хранители знаний, Библиотекари, и не сможем защитить вас от угрозы.

– Явной угрозы нет... пока нет. – Димка неуверенно оглядывался, не зная точно, к какому из существ обращаться. – Понимаете, нам нужно наверх, на определенную поляну. На Сонник. Или хотя бы поближе к нему...

Прозрачные люди по-прежнему парили вокруг них, внимательно ловя каждое слово.

Вам кажется, любой на месте наших героев испугался бы? Или как минимум онемел и оцепенел от удивления? Но не будем забывать, что путешественники испытали слишком многое, чтобы реагировать так, как мы с вами. К тому же ребята знали о природе психолептонов, обитавших на Усыпальнице. А еще – звуки приятных, чуть механических голосов Библиотекарей прогоняли тревожные мысли.

– Мы поможем. – Бархатно шелестящие слова заставляли чувствовать себя в безопасности. – Мы покажем вам путь наверх, хоть он ведет и не на Сонник.

– И вы сможете покинуть Библиотеку, – добавила фигура слева.

– Если, конечно, не захотите воспользоваться ее богатствами, – подтвердила фигура справа.

– Мы будем вам очень-очень благодарны. – Настя выступила вперед, складывая ладони, будто умоляла парящих перед ней привидений. – Вы бы только знали, как нам нужно добраться до Сонника и вернуться домой...

– Если это все, чем мы можем помочь вам, то ступайте следом, – мягким женским голосом молвил один из мерцающих образов, выплывая из правого коридора и направляясь в соседний. – Это меньшее, что Возвышенные могут сделать для детей Спасгорода.

– Возвышенные? – заинтересованно вскинул голову Витька, наблюдая, как остальные призраки тянутся по воздуху следом за ними. – Что вы имеете в виду?

– Я говорю о нас, Библиотекарях, молодой человек, – произнесла женская фигура впереди, но звук опять полился со всех сторон. – О самых могущественных и авторитетных обитателях города. Я говорю о тех, кто владеет бесценными сокровищами информации, а значит – возвышен над остальными!

Сейчас в мягком голосе Библиотекарши звучала гордость, какую заботинцы не раз

слышали на школьной линейке в речах Колючки (да еще от Компетенции – всезнающего Лифта, когда-то помогавшего отважным странникам).

– А ваша сила может доставить нас на Сонник? – не без ехидства поинтересовался Димка, почесывая нос, чтобы скрыть ухмылку. – Вы ведь сказали, что всего лишь храните знания.

– Доставить не в силах, – хладнокровно ответили ему из-за спины. – Но мы располагаем теоретической информацией о том, как именно вы сможете туда попасть. С минимальными затратами сил и времени. Если бы наши голографические оболочки обладали функцией перемещения между полянами, мы бы непременно сопроводили вас до конечной точки путешествия, оберегая в пути своими знаниями.

Коридоры шкафов с модулями памяти сменялись новыми коридорами. Гости и хозяева яруса все поворачивали и поворачивали, не прибавляя шага, но и не замедляясь. Это была странная процессия – трое детей в рваной школьной одежде и светящиеся призраки, парящие вокруг них.

– О какого рода знаниях вы говорите, уважаемая Библиотекарь? – осторожно поинтересовался Витя, и брат с сестрой тут же переглянулись, уловив что-то странное в его голосе.

– Это сложно описать словами, мальчик, – ответила ему одна из женских фигур сбоку. – Мы говорим об информации в целом. О Знаниях с большой буквы. О бесконечных объемах данных, накопленных человечеством во времена Спасгорода и до его создания...

– До строительства города?! – Витька, шедший последним из троих, чуть не подпрыгнул на месте. – О временах до Большой Болезни?

Остальные сразу вспомнили лекцию на Амбаре, которую, увы, слушали самым краешком уха.

– И о временах до Большой Болезни, – снисходительно согласилось привидение. – Мы знаем все и обо всем. Мы знаем о зарождении человеческих цивилизаций и об их падении; знаем об империях и республиках, о войнах и искусстве, о науке и философских течениях. Мы знаем, как рушился старый мир и как создавался Спасгород. Мы знаем о Птицах. Мы знаем все.

– Этого не может быть, – ошеломленно прошептал Виктор, и родные вновь взглянули на него с тревогой. – Столько знаний... Но как вам это удалось? Ни один человек не может столько знать! И Лифт не может!

– Мы не совсем люди, малыш, – мягко поправил его мужской силуэт слева. – Мы – Возвышенные Библиотекари. Мы впитываем знания, как губка впитывает воду. Мы множим их, мы сохраняем их. Мы сами часть этих знаний.

– Как бы я хотел узнать хотя бы сотую часть того, что известно вам... – мечтательно прошептал Витя, не обращая внимания на предостерегающие Димкины взгляды. – Узнать о том, что такое океаны. Или о временах, когда Человек не воевал с Птицей. Чем на самом деле являются космос и звезды, о которых рассказывают в сказках... Как бы я хотел изучить все это... Но, увы, школьная программа суха и однообразна, в нее входит далеко не все...

Он грустно уставился себе под ноги.

– Особенно мало наши учителя рассказывают об эпохе до рождения Спасгорода...

– Нет ничего проще, чем познать истину.

Все шесть фигур разом кивнули, остановившись.

Замерли на своих местах и дети, недоуменно оглядываясь. И лишь Витькины глаза за линзами поцарапанных очков горели странным и шальным огоньком азарта.

– Библиотека открыта для тех, кто находит ее на своем пути, – произнесла первая фигура. – Открыта для тех, кто выбирает ее своей судьбой, кто желает познать. О нашем ярусе известно немногим. Но те, кому уготовано попасть в Библиотеку, обретают здесь счастье. Они обретают могущество, сравниться с которым могут лишь Смотрители!

– Ага, потрясно. Но, пожалуй, нам пора дальше! – Дима бесцеремонно прервал торжественный монолог Библиотекарши, схватив брата за край куртки и решительно

потянув за собой. Хрустнули нитки. – Время уходит, есть охота, а нам еще предстоит долгий путь...

Сотканые из света силуэты словно бы замешкались, переглянулись. Но затем устремились следом за детьми. Один из них снова выплыл вперед, указывая путь.

– Да не тяни ты меня. – Витька недовольно вырвался из хватки, но продолжил шагать. Повернулся к Возвышенным: – И вы хотите сказать, что готовы поделиться информацией с любым желающим?

– С любым, – подтвердили призраки со всех сторон, – кому судьбой уготовано найти Библиотеку.

– И со мной? – с замиранием сердца спросил мальчик, не обращая внимания на испуганный взгляд сестры.

– Разумеется, дитя, – ответили ему.

– И я всегда смогу прийти сюда, чтобы воспользоваться знаниями Библиотеки? – воскликнул Витя, а щеки его загорелись лихорадочным румянцем.

От волнения он сорвал очки, потирая переносицу, чем еще сильнее обеспокоил спутников.

– Не совсем. – По рядам призрачных существ прошла заметная рябь. – Чтобы стать частью Библиотеки, искатель знаний должен остаться здесь. Надолго.

– Надолго, – словно заклинание, прошептал Виктор.

– Мама, наверное, уже места себе не находит, – вдруг четко, почти по слогам, произнесла Настя, обращаясь лично к нему, словно вокруг больше никого не было. – Папу, наверное, уже допрашивают урядники...

– Только ищут нас пока на том же Амбаре, – подхватил Дмитрий, исподлобья и уже не очень-то дружелюбно разглядывая светящиеся фигуры. – Всю поляну небось перевернули, Нянь, возможно, уже нашли.

– Возможно, – согласилась девочка. – А если нет, то совсем скоро найдут. Значит, нужно спешить, правда ведь, Витенька? Мы же не зря решились на побег, рискнув *вообще* всем? Сейчас дорогу на Сонник разыщем, а затем к маме с папой вернемся. Ведь так?

Но ее брат кивнул в ответ как-то неуверенно, неубедительно, словно сомневался в сказанных словах, и у Насти тревожно защемило сердце. Димка, чувствовавший то же, что и сестра, смотрел в сторону, сжав зубы и играя желваками...

А затем Библиотекари вывели их к внешней стене, изгибающейся плавной дугой.

– Лестница вверх находится сразу за этой дверью, – прошелестели светящиеся существа.

Переместившись, они выстроились в линию вдоль стены. Теперь дети увидели, что в ней и правда утоплена дверь – овальный герметичный люк, очень похожий на те, через которые они уже не раз проникали во внешние коммуникации.

– Сейчас мы откроем замки и простимся с вами навсегда.

– Навсегда? – Лицо Витьки исказила мучительная гримаса. – Вы хотите сказать, что не позволите мне вернуться?

– Нет, мальчик, прости, – мягким женским голосом ответил силуэт в центре. – Таковы правила. Великие шансы, способные изменить все, даются только один раз.

– Откройте, пожалуйста, – попросил Дима, украдкой наблюдая за сомнениями брата. – Спасибо большое за помощь, но нам пора.

– Конечно, дети, – до ужаса синхронно кивнули шесть Библиотекарей, и в этот самый момент невидимая дверца с шипением отползла в сторону. – Доброй дороги!

За дверью виднелся уже привычный путешественникам сумрак технических площадок, в сердце которого мерно работали моторы, шипели котлы и крутились огромные железные шестеренки.

– Пошли, братик, – неуверенно улыбнулась Настя, первой шагая через высокий обрезиненный порог. – До свиданья, уважаемые Библиотекари!

– Прощайте, дети, – кивнула фигура в центре, но с места не сдвинулся ни один из

силуэтов.

– Пошли, Витька, – Дмитрий мотнул головой, следом за сестрой исчезая в проеме.

В этот самый момент его брат сделал шаг назад.

– Я остаюсь, – вдруг сказал он твердо и решительно, и у Анастасии болезненно перехватило дыхание. – Прошу вас, идите без меня. Расскажите все маме и папе, они поймут.

– Ты что несешь-то, дурень? – прошипел Димка, но Витька его будто не слышал.

– Я понимаю, на что иду. Не нужно, пожалуйста, меня уговаривать. Облачко, спасение города, наше бегство и судьба города – я обо всем помню, но... Такой шанс и правда дается только раз в жизни. Теперь я понимаю, что все это путешествие, все эти опасности и путеводные знаки – все вело меня именно сюда. В место, о котором можно только мечтать...

Виктор сжал губы, и было видно, как непросто даются ему произнесенные слова.

– Братик, ты что? – только и смогла вымолвить Настя.

А затем заплакала, бесшумно и горько, стараясь незаметно стирать со щек блестящие ручейки.

– Настена, Димка, вы уж простите. – Витька сделал еще один шаг назад, словно боялся, что люк затянет его наружу и закроется, навсегда отрезав от океана знаний. – Если вы меня любите и понимаете, дальше идите одни. Помните, что говорила нам Компетенция? Помните состязание с Шарадой? Только представьте, сколько всего мы не знаем и не узнаем никогда! Такой шанс я упустить не могу. Только представьте, каким умным я стану, если все это выучу! Сколько всего смогу сделать, когда вернусь! Смогу рассказать всему городу секреты Гильдии и привести доказательства!

Он резко обернулся к Возвышенным Библиотекарям, кивнув:

– Я принял решение остаться. Я смогу воспользоваться ресурсами Библиотеки?

– Несомненно, мой мальчик, – ласково прошептала женская фигура справа. – Несомненно.

– Тогда прошу у вас несколько минут, хорошо? – преодолевая дрожь в губах, попросил Виктор, стараясь не глядеть на брата и сестру. – Мне нужно попрощаться с родными.

– Мы понимаем, Виктор, – разом кивнули все шестеро, сдвигаясь с места и мягко уплывая в ближайший коридор. – Мы будем ждать тебя неподалеку. А вы, дети, – один силуэт повернулся к ним, замершим в темном проеме люка, – когда покинете Библиотеку, нажмите желтую кнопку слева от двери, она автоматически закроется. Следуйте за указателями под потолком, старайтесь держаться правых коридоров. Через какое-то время найдете лестницу, и та выведет вас на поляну выше этой.

И Библиотекарь уплыла, оставив юных спасгородцев наедине.

– Ты совсем спятил, Витька? – зарычал его брат, едва призраки скрылись из виду. – Думаешь, мы в зеленую дверь полезли ради этого? Да что я родителям скажу? Быстро в люк! Или мне придется тебя в него силой затолкать!

– Ты мной не командуй. – Виктор прищурился, поправляя очки, и подступившие слезы спрятались. – Ты мне не старший брат, я вообще на несколько минут раньше родился. И силой меня не удержишь... Неужели не понимаешь, какое счастье я тут обретаю? Какие возможности? Петабайты информации, и никакого чтения по ночам!

– Витенька, братик... – всхлипывая, Настя продолжала смахивать с ресниц непослушные соленые капли. – Пожалуйста, пойдем с нами, а? Мы так много перенесли, мы так много прошли... Идем, я тебя умоляю... На Сонник, а потом сразу-сразу домой. Нас же мама с папой ждут! Ты же обещал меня слушаться!

– Нет, сестренка, прости. – Витька сделал очередной шаг от двери. – Я вернусь, обязательно вернусь. Они ведь сказали *надолго*, но не навсегда. Я узнаю все, о чем мечтал, и вернусь к вам. А теперь – уходите. Пожалуйста, уходите!

И он все же заплакал, этот отчаянный мальчик в пыльных очках, решивший узнать все-все-все на свете. Резко развернулся на каблуках, закусив губу, и побежал, в один миг скрывшись за ближайшим поворотом.

Тут уж Настя разрыдалась по-настоящему, взхлеб, не пытаясь сдерживаться.

Упав на колени, она ревела и всхлипывала, пока Дмитрий не присел рядом, обняв сестру и успокаивающе поглаживая по спине. Он тоже хотел плакать – от бессилия перед дурацким (с его, конечно же, точки зрения) поступком брата, от неспособности хоть что-то изменить. Но он держался, как и подобает настоящему мужчине, получившему от жизни болезненный и в чем-то даже предательский удар.

Так они и сидели в полумраке короткого коридора-прихожей, за границами которой открывался густой лес из проводов, тяжеловесных агрегатов и распределительных щитов. Все произошло быстро, куда быстрее сражения на Радиаторе или водоворотного безумия сектантов Благодати, и бойцы раздробленного отряда даже не успели подобрать нужных слов...

– Как же так? – спросила девочка, когда наконец слезы иссякли. – Неужели он променял нас – маму и папу, всю свою жизнь, – на дурацкие знания, которыми хвастаются эти светящиеся умники? Неужели они ему дороже, чем мы?

– Тише-тише, сестренка. – Димка все смотрел через открытый люк в сторону, куда убежал Витька, будто надеясь, что брат сейчас одумается и вернется. – Наверное, мы упустили момент, когда он *изменился*. А еще Витек банально сглупил. Задурили ему голову Библиотекари, точно тебе говорю. И подвох чую...

– Но что же нам теперь делать? – Настя перестала всхлипывать, отодвинувшись и заглядывая Дмитрию в лицо. – Как мы сможем его переубедить?

– Пока не знаю, – мотнул светлыми вихрами тот, поднимаясь на ноги и вылезая из люка обратно на техническую поляну. – Но кое-что знаю точно – одного мы его тут не бросим! И сдаваться тоже не будем!

Он помог сестре заново перебраться через высокий порог, придерживав за руку. Повертел головой, пытаясь угадать направление, в котором увели Витьку. А затем пошел вперед, стараясь ступать как можно тише.

– Ты со мной, Настена?

– Конечно!

И они направились обратно, старательно высматривая отпечатки Витькиных ботинок в тонком-тонком слое пыли, покрывавшем пол поляны. Как бы ни было тут стерильно по сравнению, например, с Реакторной Станцией или Амбаром, пыль все равно копилась у основания забитых модулями стеллажей, а потому следы были видны. Может быть, не очень хорошо, но все же видны, и сейчас дети шли по ним, как по указателям.

Через какое-то время обнаружилось место, где Витька останавливался.

Может быть, чтобы успокоиться, протереть очки и высушить слезы. А может быть, чтобы встретиться со своими новыми «друзьями», которые тут же окружили мальчика и повели в нужную сторону.

Сворачивая с одной улицы на другую, Настя и Дима старательно прислушивались. Но, как ни пытались, не могли уловить ни разговора, ни скрипа подошв. Их окружало лишь мерное гудение встроенных в стеллажи вентиляторов, охлаждавших информационные модули, и от этого становилось не по себе.

А еще через какое-то время Димка вычислил, что следы брата ведут в том же направлении, в котором путники двигались до того, как встретили призрачных Библиотекарей. Свет, летящий к потолку из-за шкафов, теперь был различим и снизу. Остановившись передохнуть, брат и сестра молча переглянулись, понимая, что, скорее всего, приближаются к самому сердцу поляны.

Украдкой, стараясь даже дышать как можно тише, они подкрались к углу широкой «улицы», выводящей к центру Библиотеки. Выглянули, готовые в случае опасности броситься наутек.

Картина, открывшаяся их взглядам, казалась захватывающей и яркой. Но в тоже время было в ней что-то тревожное и мрачное...

В центре поляны (как и предполагал Дима, это был почти ее центр) разместился

огромный круглый постамент, всю площадь которого занимали стационарные амбивизионные проекторы и здоровенный специальный шар-экран. Метров пятнадцать в диаметре, не меньше, а может быть – и того больше.

Сейчас экран был включен и со своего наблюдательного пункта дети могли видеть, что тот поделен на сотни крохотных объемных сегментов. В каждом из них показывали что-то свое – спорт, передачи об агрономии или химии, документальное и художественное кино и так далее. На главный экран сейчас транслировалась старинная передача, состоящая из новостных нарезок.

Разноцветный шарик (в котором мы с вами, без сомнения, узнали бы родную планету) перечеркивали сероватые следы от атакующих континенты ракет. Их было много, этих следов, очень много – они исполосовали Землю, словно опутали ее паутиной. Там, где ракеты касались поверхности, нарывами вспыхивали багровые пятна взрывов. Моделирование первых ударов сменилось съемками разрушенных городов и тысяч беженцев; им на смену пришли помпезные выступления генералов прошлого, яростно стучащих кулаками по трибунам. Следом показали ученых, колдующих в своих подземных лабораториях над новыми штаммами биологического оружия. Мужчины и женщины в белых халатах оправдывались, доказывая зрителям, что создают лишь средство защиты – волшебный рычаг, способный остановить мировую войну. Передача снова сконцентрировалась на толпах беженцев, по большей части изнуренных тяжелой болезнью. Затем – на руинах, кладбищах и танках. Показала дисковидный бетонный фундамент титанического здания, строители которого при взгляде сверху казались жалкими букашками. Кадры далекого прошлого, доподлинно известного Библиотекарям, были такими реалистичными и пугающими, что досматривать выпуск до конца не оставалось ни сил, ни желания...

Именно мерцание, исходящее от гигантского шарообразного экрана, образовывало столб таинственного света, поднимавшийся к потолку из колодца стеллажей и шкафов.

Вокруг впечатляющего амбивизора, который при желании смогли бы смотреть сто детей разом, располагались пульта управления. Похожие на дирижерские пюпитры (такие высокие подставки для нот), они производили впечатление планшетов, которыми уже давно никто не пользовался. От них, переплетаясь и струясь по полу, бежали многочисленные провода. Бежали как к великанскому экрану, так и к странным приборам, вторым кольцом окружавшим амбивизор и постамент.

В первое мгновение эти приборы напомнили детям гробы (Настя даже вздрогнула, вцепившись в плечо брата), хоть впечатление и оказалось мимолетным – больше они были похожи на кабины для ультрафиолетового облучения, стоявшие в косметическом салоне заботинского Дома Быта. Двухметровой длины, приподнятые на невысоких телескопических опорах, они чуть наклонялись вперед, будто салонные лежаки для загара, в которых приятно отдыхать полулежа. Всего Димка насчитал аж двадцать четыре странных аппарата, покрытых густейшим слоем пыли. С пюпитрами для управления экраном их соединяли толстые кабели.

Встав на четвереньки и поманив за собой сестру, мальчик осторожно пополз вперед, прячась за этими диковинными пеналами. А когда оба добрались до ближайшего, то наконец смогли увидеть непутевого брата и призраков, паривших вокруг него.

Отсюда был слышен и разговор, что Виктор вел с мерцающими жителями Библиотеки.

– И тогда мы отказались от услуг своих ненадежных и слабых тел... – услышали Дима и Настя окончание речи, произнесенной женским силуэтом в глухом капюшоне. – Поместив их на хранение в криогенные камеры, мы стали частью Библиотеки. Частью великого знания, отличающего человека от зверя. Отныне мы – импульсы чистой энергии, сплетенные между собой и с этим великим местом.

– Мне тоже предстоит лечь в такую камеру? – с опаской глядя на установленные на опорах капсулы, поинтересовался Витя, и жажда знаний уже не звучала в его голосе столь отчетливо.

– Да, предстоит, мой мальчик, – к нему плавно подплыла мужская фигура. – Поверь, это самый эффективный и безопасный способ стать частью единого информационного поля. У нас еще есть свободные камеры, тебе будет уютно в любой из них.

– Это правда, – разом подтвердили остальные, склонив головы. – Когда твое сознание освободится, ты обрешь настоящую свободу и могущество. Забудешь о физическом несовершенстве. Забудешь о плохом зрении, болезнях, усталости и боли.

Отодвинувшись поглубже за капсулу-лежак, Димка и Настя в ужасе переглянулись. Чудом избежав вечного плена в лапах грибов или червей, победив Мглистого и его жену, избежав опасностей Казармы и перехитрив коварного Апокалифтиса, их брат стоял на пороге того, чтобы добровольно обречь себя на электронный плен Библиотеки.

Настя сложила ладони, умоляя придумать хоть что-то.

И тут взгляд Димы упал на обтекаемый край капсулы, нависавшей над ними.

Приподнявшись, мальчик разглядел, что нижняя половина этого странного кресла была сделана из металла и пластика. Верхняя, словно колпаком прикрывавшая все остальное – из толстого стекла. Обманчивое впечатление дряхлости создавал многосантиметровый слой пыли, превращавший сложный и в чем-то изящный аппарат в жутковатый мохнатый кокон.

Морщась от отвращения, Димка рукавом смахнул пыль с краешка купола, заглядывая внутрь. Отшатнулся, зажимая себе рот, чтобы не закричать, и больно упал на заднюю точку. От испуга чуть не выскочив из укрытия, Настя тут же стукнулась головой о край криогенного пенала. Зашипела от боли и обиды, непонимающе уставилась на брата, призывая немедленно объясниться.

А тот, еще не придя в себя, молча тыкал пальцем в край стеклянной крышки, освобожденный от пылевого покрова.

Боязливо, будто что-то могло броситься ей в лицо из-под толстого прозрачного колпака, девочка привстала, заглядывая. Распахнула рот, со смесью любопытства и отвращения разглядывая увиденное. И тут же присела обратно, огорченно прикусив губу...

Тем временем в десятке шагов от них у постамента с огромным шарообразным амбивизором продолжался разговор человека и шести светящихся фигур.

– Мы никого ни к чему не принуждаем, дитя, – кротко произнес женский силуэт в центре. – Это решение можешь принять только ты. Но поверь, как только приляжешь в одну из этих свободных камер, сразу поймешь, как глупы и необоснованны были все твои страхи.

– А если я не хочу? – робко спросил Витька, брезгливо посматривая на ближайшую капсулу. – Могу я лишь изучить информационные планшеты или почитать книги?

– Мы почти отказались от примитивных способов работы с информацией, молодой человек, – один из мужских призраков пожал призрачными плечами. – Они недостаточно эффективны, чтобы удовлетворить наши нужды. Но если предложенный вариант покажется тебе неприемлемым, ты в любой момент сможешь покинуть и камеру, и саму Библиотеку.

– Если сумеешь отказаться от Знаний, – прошелестела фигура слева от мальчика.

– Если захочешь проститься с великой силой, – добавил силуэт справа от него.

– Нет-нет, вы не подумайте ничего такого! – вскинул голову Витька, взметнув непокорную челку. – Я хочу, очень даже хочу! Но решиться на такое непросто, вот и все...

– Ты хороший и умный мальчик, Виктор, – произнесла женским голосом одна из голограмм. – Ты принял верное решение, самое ценное в своей жизни. Мы ощущаем твое желание. Снимай верхнюю одежду и ложись сюда, – добавила она, протягивая руку.

А там, куда указывала Библиотекарь, уже открывался стеклянный колпак одного из пустующих пеналов, способных дать всезнание. Крышка приподнялась, сдвинулась вперед (во все стороны посыпалась пыль), а затем медленно распахнулась, обнажая удобную лежанку, обтянутую мягкой и невероятно приятной на ощупь тканью.

Углубление было оборудовано очень комфортно, это становилось заметно с первого взгляда – в нем имелись специальные ортопедические выемки под локти, спину и затылок, и сразу приходило понимание, что оно рассчитано на длительное (очень длительное)

времяпровождение. А еще к днищу капсулы подключались уже упомянутые кабели, соединенные с неприметным ковром крохотных выдвижных иголок, покрывавших большую часть ложа.

И вот тогда-то Димка перестал таиться и, вскочив на ноги, закричал в полный голос:

– Стой, Витька! На самом деле ты этого не хочешь, я знаю!

Настя встала рядом с братом, совершенно не представляя, чего ожидать от разозленных вмешательством Библиотекарей. Но, несмотря на это, девочка была настроена решительно и готова ко всему. Если уж они дали отпор слугам Ризоморфа или вооруженным механическим солдатам, то и здесь отступать не станут!

Сотканные из призрачного света силуэты затрепетали, будто собираясь растаять в воздухе. Обернулись к незванным гостям.

– Вы должны были покинуть Библиотеку! Вы нарушаете священную тишину этого места! – заволновались они, говоря одновременно, но не перебивая друг друга. – Виктор принял осознанное решение, и у вас нет права ему препятствовать. Он уже достаточно взрослый. Никто не смеет вмешиваться в таинство посвящения!

Витя, сбитый с толку и напуганный неожиданным появлением брата и сестры, в замешательстве стоял у открытой капсулы. Вот его лицо дрогнуло, когда мальчик осознал, что родные не смогли его бросить и вернулись, чтобы переубедить. Однако почти сразу скулы его окаменели, как всегда бывало у Петра Петровича, когда тот принимал неприятное, но твердое решение.

– Зря вы вернулись, Димка, – покачал головой он, снимая очки и потирая переносицу. – Шуму наделали, Библиотекарей встревожили. А вдруг они вам второй раз дорогу наверх не укажут? Как на Сонник попадете?

– А мы без тебя туда не собираемся, – отрезала Настя, и оба мальчика вспомнили, что эта тихоня могла быть очень требовательной, если хотела. – Попрощайся с уважаемыми хранителями знаний и иди к нам.

– Да как же вы не понимаете, какой уникальный шанс мне представился? – грустно улыбнулся Витя, не торопясь отходить от открытого пенала. – Я и не мечтал о таком. Я смогу превзойти Компетенцию. Впитать знания об искусстве и науке, об открытиях и великих людях. О том, каким мир был до Войны против Птицы. О предназначении Спасгорода...

– Обо всем человек знать не может, он так создан! – чеканно оборвала девочка, не давая брату больше вставить ни слова.

Мерцающие Библиотекари молчали, объемными галлюцинациями подрагивая в воздухе между Виктором и его родными.

– Именно в этом прелесть жизни, ее смысл, – продолжала настаивать Настя. – Каждый день открывать новые знания и горизонты! Именно вы – вы двое, – убедили меня в этом, когда-то вынеся из Усыпальницы на собственных руках. Ну, давай, докажи-ка теперь обратное!

– Нет, сестренка, конечно, нет, – опять покачал головой Виктор, с любопытством разглядывая хищное и одновременно уютное убранство криогенной камеры. – Я не хочу с тобой спорить. Да и нет здесь подавителя эмоций, который мог бы спровоцировать мое решение. Но если выпала возможность заполучить хотя бы половину их знаний, – он подбородком указал на Библиотекарей, – я готов рискнуть и остаться.

– Даже такой ценой? – не вытерпел вдруг Димка, подскакивая к камере, за которой они с Настей до этого прятались. – Знания хороши тем, что их можно использовать. Делиться ими с другими, помогая людям. А как ты собираешься помочь нам после этого?

Широким движением он зачерпнул пыль, покрывавшую стекло. Смахнул, сразу став похож на ходячий пыльный ковер. Чихнул, еще раз и еще, поспешно отряхиваясь. Зато теперь Витька смог рассмотреть, что же скрывалось под слоями многолетнего тлена.

Брови мальчика поползли вверх, челюсть отвисла. Он непонимающе уставился на бесстрастных призраков, висящих в воздухе.

– Вы сказали, что это надолго? Но не сказали, что навсегда! – закричал он, и ни один из шестерых силуэтов не ответил.

А в пенале, скрытый дымчатым стеклом, покоился высушенный временем скелет, обтянутый желтой, похожей на пергамент кожей. От его иссохшего тела и головы, исчезая в днище саркофага, убегали провода, соединявшие человека с бесконечным информационным полем Библиотеки.

– Время не властно над душами тех, кто познал *все*, – наконец произнесла одна из мужских фигур, обращаясь сразу ко всем детям. – Мы перестали нуждаться в наших телах, а потом забыли о них, как вы забываете о старой одежде...

– Ну уж нет! – воскликнул Витька, огибая огромный амбивизор и бегом бросаясь к родным. – Становиться мумией я не согласен!

– Стой, Виктор, стой! – взмолилась женская фигура в центре. – Ты такой талантливый, такой любознательный мальчик. Неужели ты не хочешь узнать, где жили киты, что такое Венеция или кем был Наполеон Бонапарт?

– Узнаю! – уже без всякого почтения огрызнулся Витя, подскакивая к сестре и все еще усыпанному пылью брату. – Обязательно узнаю, но совсем не так! У меня есть очень важное дело. И лежа в стекляшке я вряд ли смогу помочь его завершить. И воспользоваться багажом предложенных знаний вряд ли смогу...

И они побежали, опять побежали прочь.

Только на этот раз не от страшных червей с их шприцами, не от вояк с автоматами, не от Сортировщиков или крыс в сверкающих масках из фольги. А от мерцающих бесплотных призраков, променявших свои тела на вечную жизнь среди экзайтных потоков информации.

От открытого саркофага, куда Возвышенные Библиотекари планировали уложить новичка, подключив к банку данных технической поляны для административного пользования. От огромного сферического амбивизора, поделенного на сотни крохотных объемных экранов. От вечного забвения в океанах знаний. От жгучего искушения, едва не вырвавшего любознательного мальчика из его любящей семьи и привычной жизни. Ведь исполнение заветного желания подчас способно навредить больше, чем жуткое чудовище из недр псевдополюсы...

Цепочка следов на полу, словно путеводная нить из припомненного Витькой древнего мифа, вела их к открытому люку во внешней стене. Не тратя слов (извинения или благодарности отложили на более спокойную минутку), близнецы бежали сквозь очередной удивительный ярус Спасгорода, сплошь заставленный стеллажами с модулями бесконечных данных.

– Вы пропадете там! – Мерцающие голограммы медленно плыли вслед за ними. – Технические шахты и этажи скрывают множество опасностей!

– Не уходи, мальчик. – Женским голосам вторили мужские, столь же механические и мягкие. – Останься с нами, обрети силу!

– Мы ощущаем твоё желание! Не противься ему!

– Детям не место в недрах города!

Конечно, путешественники отдавали себе отчет, что именно (точнее сказать – *кто* именно) может ждать их в толще стены. Но, во-первых, чуть раньше Библиотекари уже указали лестницы как единственный путь на Сонник. А во-вторых, у наших героев опять не было выбора...

Потому они не слушали уговоров странных существ, посвятивших себя бесконечному впитыванию знаний. Они бежали и бежали, сворачивая в новые коридоры и «улицы», оставляя за спиной столб света, бьющий в потолок, и две дюжины прозрачных саркофагов (часть из которых все еще пустовала). Мигающие светодиоды провожали их безжизненными взглядами. Мимо пролетали высоченные однообразные стеллажи, забитые коробками с электроникой.

Однако призраки предприняли еще одну безуспешную попытку переубедить

несостоявшегося неопфита. Тоскливо перешептываясь, они чинно следовали за беглецами по воздуху, наблюдая с высоты и пролетая насквозь шкафы и увесистые связки проводов. Они попрекали и недоумевали, никак не способные взять в толк, как кто-то мог по собственной воле отказаться от возвышения в пенале под стеклянной крышкой...

– Люк! – закричала Настя, первой разглядев проход, едва они выскочили к внешней стене Спасгорода. – Быстрее, пока они не захлопнули его!

Конечно, Библиотекари могли бы сделать это, хотя бы из вредности (одинокое и самоуверенные существа многое делают из вредности, так уж повелось). А чуть позже, когда путники переводили дух в полумраке технического коридора, Витька высказал весьма логичное (хоть и ужасное) предположение. Хозяева поляны имели возможность и вовсе уморить своих гостей, предоставив им выбор без выбора: умереть от голода и жажды или добровольно лечь в пугающую тесноту капсул...

Но этого, к счастью и облегчению заботинцев, не произошло – тремя неуловимыми электрическими молниями они выпрыгнули в темный лаз коридора. Вслед за ними к люку со всех сторон стекались сияющие голографические призраки, словно собравшиеся попрощаться с гостями.

Димка, бежавший последним и следивший, чтобы никто не отстал, напоследок резко обернулся. И со всей мочи ударил по выпуклой желтой кнопке, расположенной слева от дверного проема.

С шипением створка отделилась от стены, величественно втягиваясь в ее толщу, а причитания Библиотекарей разом стихли, отсеченные толстым железом.

– Как жаль, что ты уходишь, Витя...

– Ты совершаешь ошибку...

– Вы все там умрете...

Это было последнее, что слышали дети, после чего люк окончательно загерметизировался, оставляя Библиотеку позади. Уставшие и перепуганные, путешественники повалились на прохладный пол, жадно вдыхая влажный воздух.

– Спасибо вам, родные мои, – прошептал Виктор, и только сбитое бегом дыхание не позволило ему заплакать от искренности произнесенных слов. – Вы даже не представляете, как я вас люблю!

– Представляем, Витенька, – ответила ему сестра, устало обнимая за плечи. – Потому и вернулись, глупый. Неужели ты и правда мог подумать, что мы бросим тебя на этой ужасной поляне?

А потом они просто сидели на полу рядом друг с дружкой, отдыхая и не решаясь заговорить. Димка насупился, но по всему было заметно, что он очень-очень рад возвращению брата, чуть не совершившего роковую ошибку. Настя все еще обнимала Витьку, а тот угрюмо смотрел на ботинки, обдумывая собственный поступок.

– Я... даже не знаю... – начал было он, но девочка не дала договорить.

– Молчи, братик. Ничего не нужно! Если захочешь, обсудим это дома. А сейчас молчи. И вообще, нам пора идти дальше, тут холодно.

Последовав совету, мальчишки поднялись с холодного пола, потирая озябшие ладони.

– Библиотекари наказали двигаться по правой стороне, придерживаясь вот этих указателей, – Витька задрал голову, рассматривая трафаретные надписи на стенах и потолке. – Как вы думаете, они нас не обманули?

– Думаю, нет, – прищурился Дмитрий. – Только, может быть, сначала прямо сходим? Судя по всему, там система отопления или какое-то из ответвлений Потока. Чувствуете, как теплым воздухом тянет? Хоть погреемся...

Виктор и Настя кивнули, поворачиваясь в сторону центрального (а они стояли почти на развилке) коридора, откуда ощутимо накатывал ласковый теплый воздух. Тот пах как-то странно, незнакомо, и ребята решили, что одна из систем кондиционирования Спасгорода дала сбой. А может быть, неподалеку проходили воздухоотводы с ферм – поди разберись в местных лабиринтах...

Однако, как справедливо заметил Димка, им и правда не мешало отогреть пальцы (пусть даже у прорванной трубы) – подъем по инженерным лестницам снова обещал холод.

А потому дети старательно запомнили место, с которого шагнули в коридор, и медленно направились в сторону источника тепла. В их памяти иссиня-черным силуэтом вновь зашевелился образ изголодавшейся Красимиры Михайловны, а потому тройняшки старались ступать как можно тише, почти не общаясь между собой.

Миновали одну из подсобок, где когда-то между сменами отдыхали вахтенные инженеры (было заметно, что каморкой не пользовались уже несколько лет). Не нашли ни в шкафчиках, ни под пустыми панцирными койками ничего интересного или съедобного. Затем еще пару раз свернули на перекрестках, тщательно проговаривая маршрут вслух.

И вдруг замерли на пороге просторной и пустой комнаты, щедро наполненной теплым сухим воздухом, приятно омывавшим лицо.

– Погрелись... – просипел Дима.

Вцепившись друг в друга, трое заблудившихся непосед застыли на месте, не в силах больше сделать ни шагу. В эту секунду каждый из них пытался понять, как могло это новое путешествие, в котором они доверились Облачку и его неизвестному другу, закончиться так нелепо и страшно...

Лишившись дара речи, близнецы смотрели вперед, на огромный овальный люк, распахнутый в ослепительную жаркую синеву, и от страха у всей троицы подгибались колени.

– Закрыть успеем? – наконец неуверенно спросил Димка.

Его брат только покачал головой.

Покачал медленно, обреченно, совсем не по-детски. Как мужчина, готовый ко всему.

– Поздно. – В уголках Витькиного рта залегли морщины. – Мы этот поток воздуха еще от выхода с Библиотеки почуяли...

– Мамочка моя родненькая, – прошептала Настя побелевшими от ужаса губами. – Что же теперь будет-то?

– Теперь мы все умрем... – стараясь сдержать дрожь, предельно честно ответил ей Дима, а во взгляде его плескалась ненависть к нелепому стечению обстоятельств. – Вопрос только – как скоро?

Как я уже неоднократно упоминал, наши отважные путники были сильными личностями, готовыми к любым неприятностям или чрезвычайным ситуациям, потому что воспитанию мужества в их родном городе уделяли очень много внимания. Благодаря этому качеству сейчас все трое ясно (и весьма хладнокровно) представляли, что выход с Библиотеки в коммуникационную прослойку остался точнехонько у них за спиной.

А это означало, что зев люка впереди ведет...

Он мог вести только в одном направлении – за пределы Спасгорода.

– Произошла разгерметизация внешней обшивки, – бесстрастно, словно автомат, произнес Витя, и от беспощадности сказанных слов девочка всхлипнула. – До того, как погибнем, мы обязаны поставить в известность кого-то из служб спасения и предотвратить глобальную катастрофу.

Глава шестая, в которой раскрывается самая ужасная и главная тайна, а кое-кто делает важнейший выбор и теряет брата

– Неужели Облачко имел в виду именно *это*? – прошептала Настя, зачарованно уставившись на ярко-синее полотно за распахнутым наружу люком. – Пожертвовал нами, чтобы решить судьбу города? Чтобы заставить нас спасти его от разгерметизации?! Но он же бот! Ликвидатор Катастроф специально сконструирован, чтобы делать такую работу, а не посылать на нее людей...

Мальчики только пожали плечами, подумав о том же, но не ответив.

– Сколько же у нас теперь времени? – поникла сестра.

– Сложно сказать, – тем же безжизненным голосом сказал Витька. – Все зависит от концентрации веществ в воздухе. Может быть, часов десять, а может быть, и пара дней.

Петли овальной створки поскрипывали на ветру.

– Но ведь я же совершенно ничего не чувствую! – запротестовала Анастасия, непроизвольно начиная спорить с неизбежным, хотя все прекрасно понимала. – Это же самый обычный воздух, чистый и теплый!

– Тише, сестренка, тише. – Витя положил руку ей на плечо, чуть сжал пальцы. – Не реви. Уже ничего не изменишь, так что переживать смысла нет...

Конечно, он не стал доказывать ей, что даже если сейчас симптомы не видны, то спустя несколько часов Болезнь даст о себе знать. Не стал говорить о воспаленном горле, о пятнах на коже, о жутком насморке и кашле, что станет душить всех троих. И о страшных последствиях он тоже не обмолвился – пройдет совсем немного времени и эта сильная девочка сама все поймет, вспомнив школьные уроки и правила безопасности города.

– Прости, Витек, что мы тебя уговорили с нами пойти! – сконфуженно пожал плечами Дмитрий, пряча взгляд. – Останься ты на Библиотеке, хотя бы ты не заболел...

– Перестань, я прошу, – недовольно сморщился тот и опять стал похож на папу, сердящегося чьей-то глупости. – Бросить вас одних погибать от Болезни? Ну уж нет.... – Вновь превратившись в ребенка, он с опаской глянул в сторону поскрипывавшего люка. – Итак, друзья, всем ясно, что произошло. Предложение следующее – сейчас мы закрываем внешнюю дверь, продолжаем подъем и при самой первой возможности поднимаем тревогу.

– Нас отправят в карантин? – дрожащим голосом поинтересовалась Настя.

– Несомненно, – кивнул Витька, чувствуя, как негласный приговор заставляет его быть многословным. – Но если кто-то хочет остаться тут и... побыть в одиночестве, все поймут. Однако напоминаю, что с этой минуты наши жизни принадлежат не нам, а всему городу. Кстати... не уверен точно, но остается надеяться... видите ли, у текущей ситуации, как бы чудовищно это ни звучало, могут найтись и положительные стороны... Вполне возможно, своим донесением мы искупим вину перед Гильдией и смоем позор с фамилии. Ну как, друзья, принимаем план?

Ребята уверенно и без сомнений кивнули в ответ.

– Ну, тогда... – Витя шагнул к люку, хоть ноги мальчика подкашивались и дрожали от страха. – Димка, поможешь закрыть?

– погоди! – тот вдруг рывком ухватил брата за край куртки, удерживая на месте.

– Что еще? – на него удивленно покосились.

– Я подумал... Раз уж теперь *все равно* ... Неужели... Неужели вы никогда не хотели?... Ну, я имею в виду, никогда не мечтали хотя бы разок поглядеть, что там? Не через записи разведывательных зондов и буровых установок, а собственными глазами?

В голосе Дмитрия появилась какая-то болезненная мечтательность, и только сейчас Витя и Настя заметили, как подавлен произошедшим их храбрый брат. Подумать только – через какие страшные испытания им пришлось пройти! Из каких передраг и переделок они выбирались, лишь набив себе шишки и исцарапавшись! С какими жуткими чудовищами вступали в бой, чтобы победить и вернуться домой! И все для того, чтобы найти сбой в системе внешней обшивки и вдохнуть такой обманчиво-ласковый воздух. Отравленный воздух...

– Ну, были такие мысли, – не сразу согласился Витька, теперь поглядывая на люк с любопытством. – Ты предлагаешь выглянуть?

– А что терять-то? – попытался улыбнуться Дима.

Разумеется, даже сейчас, узнав страшную новость (и перенеся ее очень нелегко), они все равно оставались детьми – любопытными, любознательными и все еще не до конца поверившими в то, что столкнулись с чем-то непоправимым и неизбежным.

Робко, мелкими шажками, все трое двинулись к люку. Осторожно (будто пили горячий кисель) вдохнули жаркий сухой ветер, доносящийся снаружи.

А потом выглянули (ширины прохода хватало, чтобы близнецы сделали это одновременно, стоя плечом к плечу), и у них перехватило дыхание. Но не от вкуса зараженного воздуха – от восхищения перед открывшейся картиной.

Они находились высоко-высоко над землей, расстилавшейся где-то внизу, подобно пестрому лоскутному одеялу. Клочки на поверхности этого одеяла были зелеными, желтыми, оранжевыми и коричневыми и выглядели очень нарядно и ярко. Охая и восторженно тыча пальцами, дети наперебой указывали друг другу на густые массивы лесов, раскинувшихся вокруг туши Спасгорода (оказавшегося все-таки башней, а не гигантской штольней), на изумрудные холмы и невысокие горы, на сверкающие ленты настоящих ручьев и речек.

И, конечно же, забывшие о дурном путники увидели Солнце...

Не добрый и покорный человеку Светоч-ЗСИ-2, но настоящее Солнце – жаркое, дикое, изнуряющее. Оно поливало лежащие вокруг города-башни просторы своим ласковым дурманящим зноем, от которого хотелось улыбаться даже во сне.

Под его теплым взглядом по взгорьям и сочным лугам носились быстроногие стада похожих на лошадей существ. Под его знойным взглядом сверкала вода. Под его жгучим взглядом колосились пышные побеги диких трав.

Огненно-желтый круг, про который до этого момента тройняшки лишь читали, висел высоко-высоко в небе. Небе, бескрайнем и свободном, наполненном титаническими громадами невесомых белоснежных облаков, на самом деле так непохожих на искусственные облака Спасгорода.

– Я и подумать не мог, что снаружи так красиво... – захлебнувшись впечатлениями, выдавил Димка, жадно раздувая ноздри.

– Разведывательные аппараты Гильдии распечатывают совсем другие картинки, – согласился его брат, задумываясь над недобрым смыслом произнесенных слов. – Возможно, зараженные пустоши лежат на другой стороне города?

– О, я тоже совершенно иначе представляла себе внешний мир, – замороженно произнесла девочка, уставившись на облака. – Как же такое возможно?

И они медленно, осторожно, цепляясь за массивную створку и страховочные поручни, вылезли на широкий железный карниз, расположенный сразу за порогом люка. Казалось, балкон, плавно повторяя очертания изогнутой стены Спасгорода, опоясывал всю башню.

Уверен, нам с вами было бы очень страшно на этом карнизе, нависавшем над пропастью (представьте себе много сотен метров под ногами, как будто смотришь сквозь иллюминатор самолета!). Но мы не должны забывать, что наши герои не имели никакого представления о настоящей *высоте*, а потому ее и не боялись.

Поэтому, выбравшись наружу, они рядом уселись на край ненадежного скрипящего выступа, беспечно свесив ноги. Позабыв о Болезни, карантинах, опасности или необходимости поднять срочную тревогу, все трое упивались открывшейся картиной, радовавшей глубиной и обилием красок.

Припекало так сильно, что первым школьную куртку сорвал Димка. Не став, однако, выбрасывать ее, он с помощью рукавов и обрывка шнура смастерил оригинальный вещевой мешок. Забросив его за спину, помог остальным, решившим последовать его примеру.

Покачивая ногами, измученные страхами путешественники подставляли свои бледные лица под лучи запрещенного светила, улыбаясь неизвестно чему. От яркого света у них горела кожа, болели и слезились глаза, но дети все равно не отворачивались, наслаждаясь даже этими слезами.

– Ой, мамочка. – Настя вдруг напряглась, отодвигаясь и чуть не вскакивая. – Вон там!

И она протянула руку, указывая направо и вверх. А там, прокладывая путь сквозь прохладные воздушные потоки, стремилась вдаль птичья стая, вытянувшаяся неровным клином.

– Думаю, – прищурившись и послушно следя за жестом сестры, ответил Витька, – что теперь Птицы нам можно не бояться...

Солнечные лучи задорно отражались от его бликующих очков, будто опровергая любые намеки на скорый и печальный конец. Мальчик даже хотел добавить, что погода вообще не располагает к ожиданию неизбежного. И если бы не необходимость поднять тревогу, лично Витя предпочел бы *остаться* здесь. Но в этот момент...

– А чего птиц вообще бояться-то? – насмешливо и бодро поинтересовался незнакомый голос у них за спиной.

Все трое подскочили. Настя при этом очень опасно покачнулась на краю, едва не соскользнув в бездну и только чудом успев ухватиться за братьев.

Вмиг оказавшись на ногах, нарушители запретов машинально бросились в сторону, отскакивая от распахнутого люка и места, на котором сидели. Чувство сонного умиротворения, навеянное солнечными лучами, метнулось прочь испуганным зверьком. Оно вновь сменилось неразлучным спутником детей во всех их удивительных путешествиях – страхом.

Сбившись в кучку и пятясь по выступу все дальше от входа в город, близняшки со смесью удивления и опасения рассматривали странного подростка, стоявшего неподалеку. Откуда тот взялся, было совершенно непонятно... Непонятно ровно до тех пор, пока Витька не разглядел пару прочных толстых веревок, свисавших на карниз откуда-то с верхних балконов.

Подростком оказалась девчонка, высокая, скуластая, поджарая и по-мальчишечьи коротко стриженная. На вид она была чуть старше близнецов, к тому же выглядела какой-то диковатой. Но главное отличие состояло даже не в возрасте или манере держаться. Разница, причем радикальная, была в цвете ее кожи, темно-коричневой от густого загара, такой пугающе-непривычной. Светлые волосы казались пучком выгоревшей соломы, серые глаза смотрели лукаво и дерзко.

Она была одета в свободный темно-синий джинсовый полукомбинезон, поверх которого крепилась сложная система многочисленных страховочных ремней. Наши герои уже видели такие крепежи – их использовали промышленные альпинисты (так их называл Петр Петрович), чтобы ремонтировать своды полян или системы Потока. Также пояс девочки оттягивали мотки веревки, разные железные инструменты, крючья и зажимы.

– Вы что, новенькие? – с грозным недовольством поинтересовалась она.

А затем, к беспомощному удивлению собеседников, вдруг навалилась на створку люка – единственного прохода внутрь города, единственного пути для объявления бактериологической угрозы. И захлопнула!

– Почему сами не закрыли? – переспросила загорелая чужачка. – Я еще поверю, что нараспашку ее не вы оставили, а мои племянники-балбесы... Но вам-то что, о технике безопасности никто не рассказывал?

– Рассказывали, – послушно кивнул Виктор, не очень понимая, что происходит. Он снял очки, нервно протирая стекла рукавом куртки-вещмешка. – Мы хотели закрыть, честное слово. Но сначала решили взглянуть, хоть краешком гла...

– Да на что там смотреть-то? – с презрением хмыкнула девушка. – Сплошные лабиринты и коридоры. Или вы не успели на *поверхность* попасть, а уже по катакомбам соскучились?

И расцвела в искренней белоснежной улыбке, буквально засиявшей на ее смуглом лице.

– А родители ваши где? Вы как вообще на этот балкон без сопровождения спуститься смогли?

– Мы не спустились, а поднялись! С Благодати и Библиотеки! – ехидно парировала Настя, после чего виновато оглянулась на братьев. – Я только хотела сказать, что мы...

И замолчала, поймав пристальный взгляд незнакомки в джинсовом комбинезоне. Девочка начала понимать, что состоявшийся непутевый разговор шел как бы на двух разных языках. Каждый говорил о чем-то своем, полностью убежденный, что собеседник его хорошо понимает.

– Так... – задумчиво протянула обладательница альпинистских крюков на поясе. – Ну-ка, рассказывайте, кто такие? Как я понимаю, вы сюда попали вовсе не с родителями?

Но друзья насупленно замолчали, исподлобья глядя на девушку. Слишком часто за последний год им задавали этот самый вопрос, и ничем хорошим это обычно не заканчивалось. Да и возраст у дознавательницы был не тот, чтобы диктовать условия – вдвоем братья ее бы точно скрутили...

Тем временем смуглянка ловко задраила задвижки люка, и дети с ужасом расслышали шипение гидравлических замков.

– Ты зачем люк запечатала, балда? – Димка шагнул вперед, сжимая кулаки. При этом в глаза собеседницы он старался не смотреть.

Вряд ли мальчик собирался по-настоящему драться с незнакомкой, как со старшеклассниками на школьном дворе. Но опрометчивый поступок соломенной блондинки, только что отрезавшей их от Спасгорода, заставил его щеки вспыхнуть от гнева и еще одного чувства, пока не очевидного даже ему самому.

– Как это зачем? – искренне удивилась та, с легкой опаской глядя на насупившегося Диму. – Это правила безопасности... Если внутри обнаружат разгерметизацию, за нами пошлют погоню...

– Какую еще погоню? – возмутился Витька, окончательно растерявшийся и упустивший нить беседы. – Ты сумасшедшая, что ли? За пределы стен в здравом уме никто не сунется даже в спецзащите! И как же нам теперь вернуться? Мы ведь обязаны предупредить службы спасения!

– О-о-о, – многозначительно протянула девушка, почесывая кончик носа. – Так вы и правда новенькие... Не знаю, как вам удалось без спросу или без родителей выйти на поверхность. Но это очень и очень любопытно...

– Каких еще родителей? – Дима сделал к ней еще один шаг. – Ты что несешь-то? Чтобы родители своих детей на поверхность потащили? На верную смерть?

– Понятно все. – Незнакомка тихонько рассмеялась, стараясь, чтобы это прозвучало беззлобно.

Безмятежно уселась на карниз в том самом месте, где минуту назад располагались наши герои. Жаркий крепкий ветер трепал ее жесткую шевелюру.

– Ну, тогда по порядку пойдем... Вы присесть не хотите? А то рассказ долгим будет. У меня вот вода есть. И пожевать кое-чего.

Она вынула из крохотного рюкзачка пузатую флягу, протягивая ее Димке. Развернула укутанные в тряпицу палочки, на первый взгляд изготовленные из муки и паштета. При виде еды в животах у путешественников заурчало, но они стойко отвернулись, делая вид, что не нуждаются в подачках.

– Вот, держите! Да не бойтесь, я не кусаюсь. – Она обезоруживающе и очень заразительно улыбнулась, заставив Диму покраснеть еще сильнее. – Меня Летягой Младшей зовут, а вас?

– Настя, – первой представилась девочка, не удержавшись (так они были воспитаны, что тут скажешь). За ней свои имена назвали братья. – Прости за вопрос, но... У тебя кожа потемнела, потому что Болезнь уже прогрессирует? Как долго ты продержалась?

– Болезнь? – неподдельно удивилась Летяга Младшая. – Нет, что ты! Это обыкновенный загар... Да не бойтесь. Пока вы среди Ходящих По Стенам, вам вообще ничего не угрожает...

И дети осторожно присели рядом, с опаской поглядывая на новую знакомую. Аккуратно (голод заставлял переступить через гордость) взяли из тряпицы съедобные палочки и принялись жевать – сначала медленно, а затем все быстрее.

Было вкусно так, что пальчики оближешь. И они не успели заметить, как слопали сразу по две палочки, забыв о манерах и скромности. Но Летяга не жадничала, с пониманием наблюдая, как утоляют голод и жажду трое странных гостей ее карниза.

– Вкусно очень, спасибо, – поблагодарил Витя, сидящий к девушке ближе всех. – Это

соевый заменитель?

– Нет, это птичье мясо. – Летяга равнодушно пожала плечами. И запоздало побледнела, глядя на отвисшие челюсти накормленных. – Ой, да вы не бойтесь...

Но и Настя и Дима уже совали себе в рот пальцы, чтобы вызвать тошноту и избежать мгновенного отравления.

– Да ладно вам, – рассудительно вмешался Виктор, останавливая их. – Теперь-то не все ли равно, надышались ведь. – Он обреченно пожал плечами и облизнулся. – Зато такое отведали... Объедение, правда?

– О, братцы... Мне взаправду многое нужно вам рассказать, – осторожно начала альпинистка, рассматривая перепуганные лица. – Но сначала спрошу. Что бы вы подумали, если бы я сказала, что никакой Болезни давным-давно нет? Что птицы на своих крыльях больше не несут людям смерть?

– Глупости, – выдавила Настя.

После кулинарных новостей она все еще нехорошо себя чувствовала. Съеденная пища встала комом в горле.

Зато Димка тряхнул головой:

– Я бы сразу же известил об этом родителей, а они передали бы Смотрителям... Но если бы твои слова были правдой, разведывательные зонды давно бы сообщили об этом руководству Спасгорода. Наступила бы новая эра, так говорил наш дедушка...

– Да, – согласился с братом Витя, поглаживая переносицу и щурясь от хулиганистых солнечных лучей. – Если бы Болезнь ушла, Гильдия первой бы узнала об этом. Они не стали бы скрывать...

И мальчишки замолчали, наблюдая, как Летяга Младшая старательно пытается подобрать новые слова. Смутная тень очередного понимания уже коснулась их (первым, по обыкновению, начинал догадываться Виктор, отчего бледность заливала его лицо, контрастно подсвечивая шрамы на левой щеке). Но странники все еще не могли разгадать, к чему клонит потемневшая на настоящем солнце девчонка.

– А если бы я сказала вам, что Смотрители обо всем знают? – поинтересовалась вдруг та, хитро прищурившись. – Знают, но хранят в тайне, опасаясь потерять власть над городом? Если я расскажу вам о людях, выяснивших правду? О тех, кто тайком ищет выходы наружу, а потом исчезает из жизни *обыкновенного* общества? Что подчас целые семьи уходят, чтобы стать Ходящими По Стенам и навсегда забыть о диктатуре Конклава?

– Мы еще не проходили диктатуру, – с необъяснимым раздражением насупился Дима. – А семьи иногда переезжают на другие поляны. Особенно когда родители получают повышение по службе...

И пусть близнецы сразу вспомнили опустошенный газом Многодворовск, своей растерянности чужачке они постарались не показать.

– О да, – кротно согласилась Летяга. – По официальной версии меня и племянников тоже перевели в другую школу. А папу, маму и тетю повысили до работы в административном центре Верх-Уюта.

– То есть... Ты хочешь сказать, что мы вовсе не заболели, выглянув в открытый люк? – задал встречный вопрос Витька, вмиг опять ставший очень серьезным.

Его лицо окаменело, когда он пристально оглядел лежащий под ногами необъятный разноцветный мир. Мир, так сильно отличавшийся от привычных полей, на которых жили и работали спасгородцы.

– Угрозы заражения больше нет?

– Конечно, нет, – Летяга кивнула. – А через разгерметизировавшиеся шлюзы мы проникаем внутрь, чтобы пополнить запасы воды или пищи. Могу заверить, открываются они постоянно – Спасгород минимум на пятьдесят лет пережил свой ресурс. Поэтому время от времени механика выходов на поверхность или створов шахтовых катапульт для стрельбы разведзондами дает сбой. А может, они вообще открываются согласно протоколам о Повторном Заселении – такие решения город принимает сам...

– Кто же их тогда закрывает? – изумилась Настя, с невольной опаской оглянувшись на массивный запечатанный люк.

– Иногда мы, чтобы сохранить свое существование в тайне. – Девушка в потертом полукомбинезоне повела плечом. – А иногда – специальные группы Смотрителей, призванные хранить секрет от жителей города.

– Откуда нам знать, что ты говоришь правду? – недоверчиво и упрямо спросил Витька, уставившись вниз.

Впрочем, в этот момент в голове мальчика систематизировалось *все* недоброе, что они узнали о Гильдии за последний год. А потому он уже догадывался, что услышит в ответ.

– Потому что я живу на стенах уже почти четыре года. – Летяга обвела неоднородную поверхность Спасгорода рукой. – Вместе с родными и друзьями. Потому что я вовсе не больна, как не больны и вы. Потому что мы знаем самую главную тайну...

Подавленные дети сидели на карнизе рядом с удивительной чужачкой, не в силах что-либо сказать. Произнесенные Летягой слова рушили все, что Витя, Дима и Настя узнали за свою жизнь – рушили все, что знали и чем делились их родители, все вложенные школой знания, все прочитанное в книгах и увиденное в познавательных киножурналах.

– Если не верите, – вкрадчиво добавила смуглая стенолазка, поднимаясь на ноги и снимая с пояса веревку, – идemте со мной. Я покажу наши поселки, а там вы сможете убедиться, что я не вру...

– Как же вы тут живете? – только и смог ответить ей Виктор.

Но затем мальчик запрокинул голову, проследив за жестом Летяги Младшей, и вопросы отпали сами собой...

Со стороны Спасгород, огромный и несокрушимый Спасгород, был похож на очень сложную деталь, выточенную на фрезерном станке. Он имел сотни карнизов, ниш, балкончиков, технических площадок, выступов и бордюров.

И все они, где-то скромнее, а где-то гуще, были обвешаны многочисленными веревками, веревочными лестницами или примитивными грузовыми подъемниками. На далеких верхних выступах даже горели костры, чьи дымы уносило в сторону вольным ветром.

А еще наши скептики заметили крупные силуэты, похожие на птиц. Конструкции, напоминавшие крылья, крепились на спинах людей, бесстрашно паривших вокруг башни. Они пикировали с одной площадки, приземляясь на другую, перевозили мешки или коробки, а иногда забавлялись без видимой цели, играя с ветром в его невидимых течениях.

– Это дельтапланы, – пояснила Летяга, тоже глядя в небо. – Мы используем их для перекочевки по поверхности города, если наши поселения вдруг находят Стражники. А еще на них можно очень быстро попасть в гости. – Она улыбнулась.

И гордо добавила, вскидывая подбородок:

– На этот день рождения мне смастерили личный. Я назвала его Юркий Стриж, и это лучший планер на нашем этаже!

– Вы живете прямо на карнизах? – только и смогла промолвить Анастасия, не отводя взгляда от кружащих в небе планеров.

– Не совсем. Чаще всего старосты ставят палатки на площадках для летательных аппаратов, таких на Спасгороде в избытке. Сами аппараты давно вышли из строя, а потому аэродромами никто не пользуется. Но места там хватает всем.

– Чем же вы питаетесь? – поинтересовался любознательный Витька.

– Птиц разводим – они дают вкусное мясо, перо, яйца, пух, – продолжала рассказывать юная Ходящая По Стенам. – Иногда совершаем вылазки вниз, на землю. Например, за дровами. Но там слишком много хищных зверей, а потому это рискованно. Воду берем из самодельных установок, которые собирают влагу по ночам, иногда воруем в городе. Ходящие По Стенам привыкли к такой жизни, и другой нам не нужно... Идемте, я вам все покажу. Мама будет рада гостям, вот увидите. Она у меня лучшая в мире!

Путешественники поднялись на ноги, неуверенно переглядываясь.

– Я прошу прощения, – церемонно кивнул Виктор. – Не могла бы ты дать нам пару минут, чтобы кое-что обсудить?

– Конечно! – легко согласилась Летяга. – Только не засиживайтесь, а то ветер меняется. Пойду вон туда по карнизу, буду у лестницы. Как надумаете, я жду.

И она беззаботно зашагала прочь по самому краю балкона, насвистывая себе под нос. Путешественники, проводив ее ошеломленными взглядами, сбились в кружок.

– Допустим, она не врет, – начал Витя, беря на себя роль старшего на этом экстренном совете. – Что это означает?

– Что жителям Спасгорода дураят голову, – пискнула Настя. – Причем уже не первый год. И это вам не какие-то закрытые поляны вроде Многодворовска или Грибницы. Это... нечто *большее*.

И тут они замолчали, не в силах озвучить пришедшую всем троим мысль. Что же важнее теперь – продолжать путь к Соннику, раз они вовсе не больны? Или, может быть, нужно что-то делать с этой неожиданной правдой? А может, этот выбор и имел в виду Облачко, когда говорил, что решать судьбу города предстоит именно близнецам?

– Теперь мы точно обязаны вернуться, – весомо произнес Виктор, и сестра кивнула, соглашаясь. – Папа непременно поверит нам, когда мы ему все расскажем. Тогда мы сможем что-то изменить. Убедить остальных...

– Вот уж дудки. – Димка вдруг выдвинул вперед челюсть, и друзья недоуменно уставились на него. – Никто нам не поверит. Вы забыли, что папа работал на Гильдию? Что мы под колпаком, что за нами следят и догадываются о том, что мы знаем больше, чем *положено*? Угадайте, что Конклав сделает с нами, если разнюхает: мы украли его главный секрет? Сошлет на Свалку? Или сдаст на Интернат?

– Что ты такое говоришь, братик? – нахмурилась Настя. – Это же наш папа, он обязательно поверит и что-нибудь придумает...

Но тут и она умолкла, размышляя над словами Дмитрия.

А если брат прав? Что, если папа (их любимый папа, уважаемый на работе Петр Петрович) на этот раз не поверит своим детям? Что, если им вообще не сможет поверить ни один из жителей Спасгорода? Или Смотрители успеют перехватить вольнодумцев? Тайна, так легко открывшаяся им на этом ветренном карнизе, была много страшнее, чем кто-либо из близнецов вообще мог себе представить...

– Так, слушайте сюда, – приказал Витька, и они еще ближе сдвинули головы, чтобы не мешал свист ветра. – Мы посетим Сонник и вернемся домой. К маме и папе. Ничего не расскажем о своем побеге. Ни о Благодати, ни о Библиотеке или Ходящих По Стенам. Будем и дальше молчать, ссылаясь на потрясение. А потом попытаемся понять, кому можем доверить тайну. Осторожно, рассчитывая каждый шаг. И тогда обязательно что-то придумаем.

– А если нет? – вдруг сказал Димка очень-очень тихо, и его едва расслышали. – Если Облачко прав, а это и есть наша судьба – обрести новую жизнь, навсегда забыв о старой? Не жизнь сектанта-марионетки или изуродованной прислуги Реакторов, а свободную жизнь под этим ослепительным небом? Посуди сам, Витек, если бы Ходящие По Стенам могли что-то изменить в укладе Спасгорода, неужели они сидели бы сложа руки?

И они опять замолчали, трое детей, ведущих на боку невообразимо гигантского небоскреба совсем не детский разговор. Попробуйте хотя бы на миг представить себя на месте этих усталых, измученных передрыгами маленьких путников, и вы поймете, как непросто было им в ту минуту...

– И что ты предлагаешь? – спросил Витя у брата.

– Мы поговорим со взрослыми, населяющими стены, – развел руками тот. – Пусть расскажут, почему ничего не делают, чтобы правду узнали все спасгородцы. И, если будет нужно, останемся здесь. Пока не придумаем что-нибудь еще.

Какое-то время все размышляли. Но в итоге даже скептически настроенный Виктор признал, что лучшего решения сейчас не найти.

В последний раз посмотрев на захлопнувшийся люк, ведущий в Спасгород, они побрели по карнизу следом за Летягой. Каждый гадал, куда еще заведет их это необычное путешествие, и по лицам спутников понимал, что ничего хорошего раздумья не предвещают...

Ходящая По Стенам ждала неподалеку, сидя у горячей железной стены и подремывая. Услышав шаги по обшитому жестью балкону, она распахнула веки и, приветливо улыбнувшись, легко поднялась на ноги.

Рядом с ней располагалась причудливая конструкция – сплетенная из веревок огромная авоська, подвешенная на металлических тросах, убегавших куда-то на верхние карнизы. Неподалеку виднелись дополнительные канаты, туго натянутые на систему рычагов и исчезающие внизу.

– Смелее, у нас все подъемники очень надежные! – подбодрила новеньких Летяга. Притянула к себе сетчатый мешок, первой забираясь внутрь. – Давайте руки, я помогу.

И тройняшки, не обращая внимания на легкий (еще такой непривычный) страх перед огромной высотой, один за другим залезли в дырявый кокон, до боли в пальцах вцепляясь в веревки.

Отяжелевшая «авоська» легко покачивалась на тросах, ударяясь о край карниза. Четверо ее пассажиров уселись на дно, свесив ноги в широкие дыры. Сейчас они по-настоящему висели в воздухе, раскачиваясь над бездной в метре от прочного и казавшегося таким надежным уступа.

Затаив дыхание, заботинцы смотрели вниз, на далекое лоскутное одеяло, и все еще не могли поверить, что это происходит именно с ними.

А затем Летяга плотно зашнуровала вход, задрала голову и пронзительно свистнула два раза, отдавая команду кому-то наверху. В это же мгновение дополнительные канаты, свисавшие сбоку от подъемника, загудели от натуги, а закрепленный на них груз пополз вниз.

Рывок заставил Витьку, Димку и Настю невольно вскрикнуть и вцепиться друг в друга. Сплетенная из толстых веревок кабина плавно воспарила, все быстрее и быстрее поднимаясь к нависавшему над ними новому карнизу.

У Насти закружилась голова, а побледневший Виктор и вовсе зажмурился. Димка, старавшийся не выказывать волнения и страха, смотрел по сторонам, пытаясь выглядеть беззаботным. Летяга вновь взялась насвистывать.

Солнце столь ярко и жизнерадостно било в бок Спасгорода, что даже широкие потеки ржавчины, густо покрывавшие стену, выглядели пестро и вовсе не уныло.

Они продолжили восхождение, крохотными точками теряясь на фоне громадной поверхности города – до тех пор, пока плетеный мешок не доставил их на один из вышерасположенных балконов, застыв на месте и покачиваясь.

Здесь Летягу ждали парень и две девушки постарше, отвечавшие за управление подъемником. Сильные, мускулистые и загорелые, они с интересом посматривали на новичков, о чем-то беззлобно перешептываясь. Как и Летяга Младшая, все трое носили просторные джинсовые комбинезоны, сложные ремни и связки веревок.

После того, как помогли нашим героям вылезти из «авоськи», подростки взялись за рычаги небольшой самодельной лебедки (что стояла тут же). Напевая бесхитростную песенку, они принялись вытягивать тяжелое грузило обратно на стартовую позицию.

Перекинувшись с Ходящими несколькими фразами (а с парнем обменявшись улыбками, отчего-то заставившими Дмитрия нахмуриться), Летяга повела группу влево по новому карнизу. На ходу она что-то рассказывала, увлеченно размахивая руками, но дети почти не слушали, снаружи восхищаясь мощью родного города и без усталости разглядывая раскинувшийся вокруг него цветущий мир.

Так они достигли еще одного подъемника, переместившись по стене еще выше. Снова встретили местных – троих жилистых мужчин, раздетых до пояса и загоравших под милым весенним солнышком. Близнецы поздоровались, и Ходящие По Стенам дружелюбно

поздоровались в ответ. Спросили о чем-то их юную провожатую, важно покивали головами.

Не дожидаясь, пока взрослые выудят противовес плетенки, доставившей их отряд, Летяга продолжила движение по выступам.

Затем они нашли еще один подъемник. А потом еще один, и еще...

Было сложно сказать (и это сложно даже для меня, поверьте, а уж что казалось нашим смельчакам, можно только предположить), как высоко они удалились от той точки, в которой вышли на поверхность. Но внутреннее чутье подсказывало ребятам, что путь проделан весьма и весьма немалый. Во всяком случае, отсюда уже был виден верхний край Спасгорода, хоть все еще и находящийся где-то высоко над головами.

Один раз стенолазы сделали привал, на время укрывшись от палящего солнца в тени крохотного технического навеса. Тогда Летяга вновь угостила их водой и вкусными палочками, приготовленными из мучного клейстера и удивительного птичьего мяса. Передохнув, продолжили восхождение, уже через два подъемника попав напрямик в лагерь Ходящих По Стенам.

Это произошло так неожиданно, что Настя восторженно охнула. Витька, в свою очередь, многозначительно покачал головой, а Димкины глаза засияли, словно лампочки.

Как и рассказывала Летяга во время подъема, поселок располагался на старинной взлетно-посадочной полосе, нависавшей над пропастью. Резино-асфальтовое покрытие аэродрома почти истерлось под ударами дождей и ветра, но кое-где еще сохранилось, сверкая обрывками белой люминесцентной разметки.

Двустворчатые ворота, ведущие в Спасгород, оказались плотно запертыми и даже замурованными – на петлях и замках виднелись следы сварки. Ни одного механического летательного аппарата заметно не было, вместо них все пространство просторного широкого козырька занимали палатки и шатры (похожие на шапито с Летней Ярмарки, только значительно меньше).

Они были сшиты из самых различных тканей и крепились на самые различные каркасы – от деревянных до проволочных. Разноцветные, маленькие и огромные, палатки образовывали улицы и даже кварталы – жилые, промышленные (где шили, ковали и клепали), а также складские.

Между хижинами горели костры (чаще всего в железных бочках, чтобы защитить огонь), сушилось на веревках белье, вертелись укрепленные на шестах флюгера, указывающие направление и скорость ветра. Все домики были старательно пришвартованы тросами к поверхности аэродрома, чтобы не сдуло в пропасть.

А еще дети вблизи рассмотрели дельтапланы, привязанные к специальным стойкам на самом краю поселка. Их было много, не меньше тридцати штук – красочные и яркие, они покачивали крыльями, словно так и просились в полет.

– Идите за мной, – позвала Летяга, увлекая гостей в самый центр поселения. – Познакомлю с родителями.

Мама и папа Летяги Младшей, люди улыбчивые и жизнерадостные, радушно встретили новых товарищей дочери. Мужчину звали Летягой Старшим, и, как позже узнали близнецы, он был одним из самых смелых и отчаянных летчиков Ходящих По Стенам.

А мама, носившая нежное прозвище Робкого Перышка, оказалась такой заботливой и ласковой, что у всех троих тоскливо засосало под ложечкой – так она напоминала Юлию Николаевну, оставшуюся где-то глубоко-глубоко в обманутом городе.

Только жутковатое прозвище, еще недавно казавшееся связанным со смертельной опасностью (представьте, как если бы маму кого-то из нас сегодня называли Очаровательной Чумой) – только оно не давало троице окончательно довериться этой высокой и красивой женщине. Почти сразу догадавшись, почему гости смотрят на нее так настороженно и диковато, мама Летяги Младшей попросила называть ее старым именем – Ниной Борисовной.

Лишних вопросов взрослые не задавали, а сразу провели в свою двухкомнатную палатку, где угостили нехитрыми яствами. Витьке, Димке и Насте выдали по целой тарелке

густой похлебки, больше похожей на пюре, усадили на жесткие матрасы.

Внутреннее убранство хижины не отличалось роскошью или богатством – с первого взгляда становилось ясно, что в быту семьи Ходящих По Стенам пользовались только самым необходимым. Тем, что при тревоге можно оперативно собрать в тюки, унося с собой к месту следующей стоянки.

Исподлобья рассматривая дружелюбных хозяев, друзья набросились на еду, вполуха прислушиваясь к разговорам. Летяга Младшая увлеченно рассказала родителям, как наткнулась на чудных новеньких, как поведала им про внешний мир, как отвечала на вопросы. Взрослые слушали внимательно, время от времени с интересом поглядывая на гостей, но с расспросами лезть не спешили.

– Вы отдохайте, – сказала Нина Борисовна, забирая вылизанные до блеска тарелки. – Я же вижу, совсем устали. А как отдохнете, так и поговорим.

– Ложитесь-ложитесь! – уверенно закивала Летяга Младшая, указывая на топчаны вдоль стен. – Тут вы в безопасности. Кончились ваши неприятности, теперь все будет по-другому!

И широко улыбнулась, стараясь поддержать ошеломленных теплым приемом чужаков.

Ходящие По Стенам, аккуратно прикрыв за собой полог, вышли наружу.

– Нужно как можно скорее поговорить со старостами, – шепотом произнес Витька. Но было слышно, как уверенность в его голосе борется с накатывающей дремотой. – Нужно задать правильные вопросы, а затем двигаться дальше. Мама уже места себе не находит, я уверен...

– Согласна. – Настя кивнула, покосившись на Димку. – Но подремать бы не мешало. У меня все болит, словно палками колотили... Мы же поспим чуточку?

– Отдохнуть, конечно, стоит, – рассудительно согласился Дмитрий, прислушиваясь к окружающим их звукам лагеря. Однако задумчивый взгляд, которым он проводил Летягу Младшую, для его родных все еще не поддавался расшифровке.

– Но не долго, – тут же вставил Витя, пряча очки в карман рубашки, пересаживаясь на свободный лежак и подтягивая к себе тощую подушку, набитую ватой. – Кто первым проснется, разбудит остальных, договорились?

Но ему не ответили – Димка и Настя, улегшись прямо там, где сидели, уже погрузились в сон.

Их можно понять, не так ли? Измученные опасным походом, измотанные переживаниями и постоянным бегством, дети уснули в один миг, впервые за долгое время по-настоящему почувствовав себя в безопасности. И пусть отдых их был тревожен, этот сон был необходим всем троим. Палатку наполнило посапывание, и оно не прервалось даже тогда, когда внутрь вошла Робкое Перышко, чтобы заботливо укрыть гостей тонкими синтепоновыми одеялами...

Трудно оценить, сколько длился этот долгожданный сон, но в какой-то момент первым пробудился Витька. Вздрыгнул, вдруг осознав, что находится отнюдь не в своей кровати в тихом и уютном Заботинске.

Сел на лежанке, подтянув ноги. Потер лицо и вынул очки. Тряпичные стены домика мерно колыхались под порывами всемогущего ветра. Ткань приятно гудела. От бьющего в хижину солнца было тепло и даже душно.

В ту же минуту на мальчика вновь навалились воспоминания о недавних событиях. А потом сон сдуло, будто крошки со стола. Осмотревшись, он вздрогнул, бросаясь к сестре. Тень мрачных предчувствий настигла его, прогоняя сладкое дремотное послевкусие, оставленное отдыхом.

– Настя! – зашептал он, наклоняясь низко-низко к сестре. – Тихо ты! Все хорошо, это я, просыпайся...

Та чуть не вскрикнула, непроизвольно отшатываясь, и брат удержал ее за плечо, другой рукой зажимая рот.

– Тише, не кричи.

– Что-то случилось? – Спросонья девочка тоже не сразу поняла, где находится, протирая глаза и вертя головой. – Ой, а где Димка?

Теперь покрывало недоброго предчувствия развернулось и над ней.

Убедившись, что сестра окончательно проснулась, Витька сел рядом. С тревогой посмотрел на пустой лежак, на котором засыпал третий член их крохотного отряда.

– Потому я тебя и растолкал. Нет его, – продолжал шептать мальчик. – Договаривались же, что, кто первым проснется, остальных разбудит. А его нет...

– Думаешь?.. – Настя задохнулась собственным вопросом, ошарашенно глядя на брата. – Думаешь, они его забрали? Думаешь, опять случилось что-то нехорошее?

– Не знаю, – честно сознался Витя, глядя на зашнурованный снаружи полог. – Надеюсь, что нет. Но если это так, нам нужно как можно скорее бежать...

И он на корточках подкрался к выходу, сквозь щелочку выглядывая наружу.

– Видно что-то? – Настя сидела за его плечом, до боли заломив пальцы.

– Нет. – В шепоте сквозило беспокойство. – Нужно вылезать.

И он спешно расшнуровал полог. Когда образовался достаточный лаз, поманил за собой сестру и на четвереньках выбрался из палатки. Настя последовала за ним.

Огляделись, заметив нескольких взрослых, занятых повседневными делами. На детей не обращали никакого внимания, а потому Витька потащил девочку в конец узкой улицы, образованной такими же матерчатыми шатрами.

Высунулись из-за угла, готовые при первом же признаке угрозы броситься наутек. И застыли, открыв рты. Замерли на месте, потому что мгновенно заметили своего брата, парящего в небе вместе с Летягой Старшим...

Да-да, именно так, вам не показалось – я сказал «парящим».

Пристегнутый к пассажирскому сиденью крупного дельтаплана Летяги Старшего, Димка висел высоко в небе за пределами Спасгорода, прямо над бездонной пропастью. Длинный трос, связывавший искусственную птицу и взлетную площадку, не давал аппарату улететь прочь и превращал его в необычного воздушного змея (нужно отметить, что дети Спасгорода тоже знали, что такое воздушные змеи, запуская их на Ярмарках, где у полян были очень высокие потолки).

Летяга Младшая и трое взрослых кочевников стояли у края площадки, подбадривая воздухоплателей криками и размахивая руками. А Димка, их брат Димка, что-то кричал в ответ, покрасневшись от ветра и счастья.

Потоки воздуха подбрасывали дельтаплан, заставляя конструкцию пикировать, а затем снова набирать высоту. Летяга Старший, умело управляясь с машиной, уверенно лавировал в небесных течениях, не позволяя тросу запутаться и удерживая примерно одну высоту.

Наконец Дима заметил брата и сестру, робко выглядывавших из-за края палатки. Замахал им, радостно завопив – но что именно, те не разобрали.

Вскоре после этого Летяга Старший, направив дельтаплан вниз и влево, плавно опустился на открытое пространство в стороне от поселка. Ходящие По Стенам сразу бросились к нему, помогая отстегнуть ремни и удерживая машину, рвущуюся обратно в небо.

Когда летательный аппарат был крепко пришвартован к стойкам, а его экипаж покинул свои места, Димка со всех ног бросился к родным.

– Вы не представляете, как это здорово! – завопил он, прыгая на месте.

Улыбаясь, взрослые Ходящие По Стенам разглядывали возбужденного мальчишку, о чем-то негромко переговариваясь.

– Это восхитительно! – продолжал ликовать Дима, не забывая коситься на Летягу Младшую. – Это настоящая свобода! Отвага, задор! Я мечтал об этом всю жизнь, только не знал. Вам тоже обязательно нужно попробовать! Непременно! Витька, пошли, я упрошу дядю Летягу еще раз подняться. А еще они обещали научить меня лазать по стенам и вязать узлы. Представляете?

Но ни Витя, ни Настя не разделяли восторга юного покорителя небес. Неподвижно

стояли перед ним и исподлобья разглядывали незнакомых пилотов, дожидаясь, пока иссякнет фонтан Димкиной радости.

– Почему ты нас не разбудил? – тихо спросил Виктор, и ветер унес его слова прочь.

Димка, тем не менее, услышал, мигом изменившись в лице.

– Ой, только не начинай... Ну, не разбудил, и что такого?

– Что такого? – серьезно и спокойно повторил Витька, прищуриваясь. – А ты сам-то как считаешь?

Конечно, он хотел бы высказать все, что думает о таком поведении. О том, как испугалась Настя, обнаружив пропажу брата из палатки. Напомнить про опасности, которым все трое подвергались во время своих путешествий. О страхе за себя и своих близких, о данных друг другу *обещаниях*. Об ответственности, что превращает детей в самых настоящих взрослых.

Но он не стал, потому что был правильно воспитан, а на них сейчас смотрели посторонние.

– Да ничего такого, – не сдавался Дима, пытаясь за улыбками скрыть вину. – Ничего я ужасного не сделал. Ну проснулся пораньше, ну полетал. Казнить меня теперь будешь, зануда?

Так часто бывает, и, возможно, многие из вас уже сталкивались в своей жизни с подобной реакцией друга, когда тот, очевидно виноватый, изо всех сил пытается скрыть эту вину. Причем скрыть в первую очередь от себя самого. В этот момент ему бесполезно говорить о чувстве локтя, о необходимости держаться вместе, о семье или взаимовыручке – совершив ошибку, он ни за что не признает ее существования...

Сейчас Димка, всецело охваченный восторгом, вел себя именно так.

– Я ничего тебе не скажу, брат, – весомо, совсем не по-детски ответил ему Витя, а Настя за его плечом от досады и обиды шмыгнула носом. – Если ты не отдаешь себе отчета в поступках, ничего объяснить я не смогу.

Он отвернулся, словно отныне его и вовсе не интересовала выходка Димки, взглянул на четверых взрослых, приближавшихся к ним от стойки с дельтапланами.

– Вы тут старосты, я правильно понимаю? – спросил мальчик, не обращая внимания на то, как вытянулось лицо брата. – Мы могли бы поговорить?

– Верно определил, малец!

Виктору кивнул тот, что шел первым – высокий загорелый мужчина с конопатым лицом и длинными рыжими волосами, собранными в «хвост». Было нелегко определить его возраст, ведь ветер, яркое солнце и кочевая жизнь делают людей непохожими на остальных (особенно на жителей города, от рождения живущих впотьмах). Но по осанке, походке и манере отдавать распоряжения становилось сразу видно – этот здесь вожак.

– Можете называть меня Канатом, – представился тот, приглашая детей в ближайшую палатку. – Летяга Старший сказал, что у вас накопились вопросы? Хотя это и так видно... – Он хохотнул, понимающе улыбаясь.

Канат, гости и Летяга Старший вошли в палатку, в которой жил командир Ходящих По Стенам, а остальные кочевники отправились по своим делам. Задержав полог и разлив по чашкам подслащенную воду, староста уселся на лежанку, скрестив ноги. Второй взрослый остался стоять, прислонившись к шесту, подпиравшему крышу.

– Ну, путешественники, Дмитрий мне вашу историю уже рассказал... – кивнул Канат, прихлебывая.

Витя будто бы и не услышал произнесенной фразы, зато Настя смерила брата испепеляющим взглядом. В нем была и злость на нетерпение Димки, и досада, что именно он, а не рассудительный и осторожный Виктор, поведал Канату их историю, и едкая обида за предательство (пусть и крохотное). А виновник этих эмоций, все еще раскрасневшийся от полета, смотрел в вибрирующую стену шатра, делая вид, будто ничего не произошло.

– ...теперь, – продолжал Ходящий По Стенам, – ваша очередь вопросы задавать. Спрашивайте.

– Почему в Спасгороде не знают о том, что Болезнь давно ушла и жить на поверхности безопасно? – решительно перешел к делу Виктор, глядя Канату прямо в глаза. – Почему этому не учат в школах? Почему нас обманывают?

– Потому что, мальчик, – рыжий невесело улыбнулся, – хозяева города боятся потерять власть, которую имеют над жителями. Потому что, пока Смотрители убеждают вас в том, что снаружи опасно, а птицы все еще остаются врагами, они полностью контролируют башню. Заставляют кормить себя, одевать, опекать, пользуются всеми благами правителей. Именно по этой причине Смотрители выводят из строя целые блоки Спасгорода, убивая самые болтливые и осведомленные Лифты.

– Мамоchка, но как же такое может быть? – потрясенно прошептала Настя, но ее никто не услышал.

– Почему вы не расскажете людям правду? – Витька вскинул подбородок, блеснув стеклами очков. – Если бы происходящее снаружи хоть раз показали по амбивидению, люди бы поверили, отвернувшись от Смотрителей!

– А думаешь, мы не пытались?

Канат скептически поднял бровь, а Летяга Старший с тоской вздохнул.

– Думаешь, не пробовали достучаться до спасгородцев? Нет, друг мой, пробовали. Ценой многих жизней, должен заметить. Но Конклав хитер, коварен и очень опасен. Для борьбы с Ходящими По Стенам он создал элитные отряды Стражи. Эти солдаты мешают нашим проникновениям внутрь, ловят нас снаружи, убивают или ссылают на Реакторную Станцию. Нас слишком мало, чтобы противостоять системе Смотрителей, а потому мы стали очень осторожны.

– Но сдаваться нельзя! – чуть ли не выкрикнул Витька, чувствуя, как горят щеки. – Если вы опустите руки, так и будете жить крохотным поселением, пока солдаты не переловят Ходящих по одному!

– Зато мы живем свободными, – веско вставил Канат, но мальчик вспыхнул еще сильнее:

– Свободными? В постоянном страхе? Крысы Свалки тоже считают, что свободны, не так ли? Грибы Ризоморфа – тоже! А ведь там, внутри, остались наши мама и папа... – Он вдруг сорвался, испугавшись собственного всплеска эмоций, и всхлипнул. – Как быть с ними? Кто сделает свободными их?

Канат молчал, глядя в опустевшую кружку, по его лбу поползли морщины. Казалось, он серьезно раздумывает над словами чужака. Наконец мужчина поднял голову, отбрасывая за ухо длинную огненную прядь.

– Ты очень храбрый юноша, Виктор, – размеренно произнес он, будто боялся спугнуть собственную мысль. – Но еще многого не понимаешь. Это придет, поверь. Придет со временем, и тогда ты осознаешь правоту моих слов...

– Вы не ответили на мой вопрос про маму и папу, – сквозь зубы выдавил Витька, борясь с подступающими слезами, но по-прежнему глядя Канату прямо в глаза. – Кто освободит их?

– Мы можем попытаться, – осторожно заговорил Летяга Старший, присаживаясь рядом. – Дмитрий сказал, вы живете на Заботинске. Это значит, мы можем послать за вашими родителями особый отряд. Их попробуют убедить, предоставив факты. Но если будет нужно, тихонько выкрадут и доставят сюда. Если, конечно, получится...

– А если нет? – пискнула Настя.

– А если нет, – ответил за своего помощника староста, – то с нами останетесь только вы. Как мне не жаль, такова реальная жизнь...

– Я не могу. – Наконец справившись с собой, Витька поднялся на ноги, и глаза его были совершенно сухими. – Не могу променять своих маму и папу на вас. Не сумею жить тут, зная, что они где-то там, внутри. Сидят у окна и думают, что мы пропали без следа. И ничего не знают о том, что мир за стенами давно чист.

Канат внимательно посмотрел на мальчика, и во взгляде его промелькнуло что-то,

похожее на восхищение. Через мгновение рядом с братом встала и девочка.

– Я тоже не согласна, – неуверенно начала она, но с каждым словом ее голос становился все тверже. – Как вы не понимаете – это же наши родители! А другие семьи? А наши школьные друзья? Наши учителя, продавцы в магазинах, соседи, родня с других полей? Как мы сможем забыть о них, когда они там, внутри?

На это староста Ходящих По Стенам не ответил ничего. Лишь покачал головой, будто удивляясь неожиданному упорству детей.

– Я предлагаю вам выбор, – наконец произнес он без тени улыбки. – Быть с нами, быть свободными всю свою жизнь. Или вернуться в Спасгород, где вам придется молчать обо всем, что вы увидели. Молчать, ведь в противном случае вам не только не поверят, но и упекут в Интернат. А может, отправят на Свалку...

И пусть Настя задрожала при упоминании одного из самых страшных мест родного города, от брата она не отодвинулась.

– Я выбираю возвращение домой, – твердо сказал Виктор.

В этот момент он был похож не на ученика средних классов, но на возмужавшего юношу, столкнувшегося с самым серьезным выбором в своей жизни.

– Я тоже! – вспыхнула девочка, которой очень хотелось плакать от несправедливости происходящего.

В наступившем молчании все ждали слов Дмитрия. Но тот, по-прежнему сидя на лежанке и глядя в стену, нарушать тишину не торопился.

– Димочка? – жалобно прошептала Анастасия, стиснув зубы и чудом удержавшись от пары горьких-прегорьких слезинок. – Почему ты молчишь?

– Не надо, Настена. – Витька опустил ладонь ей на плечо. – Ничего ему говорить не обязательно. Он испытал чувство полета, и теперь *не с нами* ... Оставь, не заставляй брата произносить вслух самые ужасные слова на свете... Я их однажды сказал, и теперь раскаиваюсь... Оставь.

А виновник спора, словно не слыша происходящего в шатре разговора, продолжал упорно смотреть в ярко-синюю матерчатую стену, даже не повернувшись к родным.

Было ли мальчику горько? Наверное... Сожалел ли он о происходящем? Могу лишь догадываться... Но в этот момент, выбирая между свободой и возвращением домой, он принял решение. А уж о том, правильным ли оно оказалось, я предоставлю судить вам.

– Уважаемый Канат, – Виктор поочередно оглядел помрачневших Ходящих По Стенам. – Вы могли бы проводить нас с Настей к ближайшему входу в Спасгород, откуда мы сможем попасть на так называемый Сонник? Я же, со своей стороны, дам клятву, что никому не выдам местонахождение этого входа или вашего поселения.

– Я тоже, – с готовностью подтвердила Настя.

– Спасибо за гостеприимство, отдых и еду. Мы отплатим вам молчанием – ваша тайна навсегда останется и нашей, – продолжал Витя, больше не глядя на брата. – Мы вам очень благодарны, честное слово.

Канат и Летяга обменялись взглядами.

– Если поймут, будут «колоть»... – многозначительно и туманно произнес командир воздухоплателей, поднимая бровь.

– Будут, – кивнул отец смуглой девчонки, несколько часов назад встретившей наших героев у открытого люка. – Значит, надо увести как можно дальше...

– Сам возьмешься?

– Младшей поручу, она справится.

– Хорошо. – Канат нахмурился, снова обращаясь к взволнованным детям: – Мы покажем вам вход в башню. Что такое Сонник, я знаю лишь понаслышке, надо уточнить на картах... Но даже после этого в целях безопасности напрямую выводить не станем... Дальше – сами. И еще: начинайте придумывать историю о том, как заблудились. Сумеете убедительно соврать Страже, если вдруг схватят? Хорошо... Доберетесь до своего Сонника, потом найдете кого-то из взрослых и отправитесь домой. Пойдет?

- Конечно, – Виктор с показной бравадой растянул губы в резиновой улыбке.
И добавил, обращаясь только к сестренке:
– Скоро все кончится, Настюха. Мы выполним просьбу друга и вернемся домой.

Глава седьмая, в которой появляются добрый волшебник и его друг, а кое-кто принимает поистине судьбоносное решение

- Мне честно жаль, что так получилось с вашим другом...
- Братом.
- Да, братом. – Летяга была смущена и покорно приняла поправку, внесенную Виктором. – Но я его отлично понимаю – свобода, полет, небо... Выбравшись из застенков Спасгорода, я не знала ничего прекрасней этих просторов.
- А если бы твои родные остались внутри? – просто, без всякого сарказма или иронии спросила Настя.
- И девушка не нашла, что ответить. Умолкла, разглядывая моток веревки на поясе и бесцельно перебирая сверкающие карабины.
- Могу сказать одно, – наконец Летяга пожала плечами. – Он славный, мы о нем позаботимся, и все будет хорошо. Я знаю, что это маленькое утешение... но когда будете вспоминать о брате, помните и мои слова, ладно?
- Но на этот раз с ответом не торопились наши герои, оставшиеся вдвоем.
- Витька и Настя стояли плечом к плечу на узком решетчатом карнизе, куда их привела Летяга Младшая, и сквозь рожденные ветром слезы смотрели на бескрайние просторы. Головы кружились от удивительного пьянящего чувства, но железная стена родного города будто бы пульсировала, зовя обратно.
- Ну вот, собственно... – Все еще преодолевая смущение, девушка в джинсовом комбинезоне указала на крохотный лаз, образовавшийся там, где время и ветер содрали кусок обшивки. – Вам туда. Старайтесь ничего не задевать, а как выберетесь, сориентируйтесь сами. Мы этой части города не знаем, Канат нашел ее на старинной карте...
- Летяга вовсе не лукавила – она увела детей далеко от палаточного поселения, и что именно скрывается за стенами этой части башни, скорее всего не знал даже вожак кочевников. Переглянувшись, путешественники мялись у лаза, не торопясь нырять внутрь.
- Ну ладно, вдруг вы еще подышать чистым воздухом захотите... Я, пожалуй, пойду...
- Загорелая проводница продела веревку в карабин, щелкнула замком. Подтянула что-то в сложной системе тросов, готовясь соскользнуть с карниза вниз – к своим.
- Удачи вам, ребята!
- И тебе удачи, Летяга Младшая! – Виктор вскинул руку. – Спасибо за все.
- А благодарить действительно было за что.
- Узнав о том, что отважные гости собрались покинуть деревню Ходящих По Стенам, Робкое Перышко – она же Нина Борисовна – быстро собрала им в дорогу немного припасов. Так за спиной у Витьки появилась небольшая дорожная сумка, сшитая прочной грубой ниткой. Туда поместились драные школьные куртки, две фляжки, несколько порций вкусного птичьего мяса, смешанного со специями и мукой, два мотка веревки и старый, но очень острый нож.
- Ничего больше не сказав, Витька и Настя смотрели вслед уходящей Летяге Младшей.
- Та, закрепившись на тросах, бесстрашно прыгнула спиной вперед – в самую настоящую пропасть. Качнувшись, мягко пружиня ногами о стену под выступом, рывком перевернулась лицом к земле и в прямом смысле слова зашагала вниз, ловко срамливая веревку (Ходящие По Стенам оправдывали свое прозвище, верно?). Вот она исчезла где-то на нижних балкончиках, опоясывавших Спасгород, и странники остались одни.
- А ведь это Димка тебя в Библиотеке бросать отказался, – прошептала девочка, обтирая загорелые щеки.

– Со мной другой случай, – будто оправдываясь, ответил Витька, все еще глядя вслед смуглянке в джинсовом комбинезоне. – Есть принципиальная разница. Меня вы, можно сказать, от смерти спасли... Или как минимум от вечного забвения в электрическом саркофаге. А Димке ничего не угрожает, даже наоборот. Видала, как он на Лetyгу Младшую смотрел? Будто слопать хотел...

– Что же мы маме с папой скажем? – вздохнула сестра.

– Придумаем что-нибудь, – попытался успокоить ее брат. – Но это все потом. Сейчас главное – быстрее добраться до Сонника, выяснить, чего хотел Облачко, и вернуться на Заботинск. А еще придумать легенду, которую расскажем урядникам и Смотрителям, которые начнут спрашивать про отключение Нянь... Ты готова идти?

– Готова, – шмыгнув носом, кивнула Настя.

– Тогда давай за мной.

И Виктор первым, как и подобает настоящему мужчине, полез в темный и мрачный лаз, указанный им Лetyгой Младшей.

Спасгород встретил заботинцев жарким удушьем нагретой солнцем обшивки, теснотой лазейки и пылью, тут же забившей носы. Дети поползли вперед, на ощупь прокладывая себе дорогу среди многочисленных проводов, свисавших из-под потолка. Голов, как и предупреждала Лetyга, старались не поднимать. Гудящие трансформаторные узлы или оголенные клеммы аккуратно огибали.

Они почти не разговаривали, только пыхтели от натуги и тихонечко чихали.

Постепенно мрак впереди начал рассеиваться. Сквозь густую начинку внешней стены, состоящую из кабелей, труб и гофрированных рукавов, принялись пробиваться лучики искусственного света.

Еще через какое-то время (как мы помним, они все ползли и ползли вперед) стало заметно, что это светят тусклые аварийные лампы, кое-где подвешенные к потолку технического отсека.

Наконец парочка выбралась из-под приборов и проводов, густыми зарослями скрывавших ведущий наружу лаз. Витька, ползущий первым, осторожно высунул голову из-за распределительного щитка. Осмотрел техническую комнату, похожую на сотни точно таких же, виденных путешественниками ранее.

Убедившись, что отсек пуст, он покинул тоннель, встав в полный рост и протянув руку сестре.

Когда Настя не без его помощи тоже вылезла из-под проводов, оба принялись стряхивать с себя толстый слой сухой серой пыли, покрывавшей их с ног до головы. Девочка опять расчихалась, и Витьке пришлось даже шикнуть на нее, чтобы она делала это как можно тише. Близнецы помнили, кто именно мог поджидать ничего не подозревавшую жертву среди нехоженных коридоров...

Они не имели ни малейшего понятия о том, куда привел их лаз в стене, и могли только надеяться, что старые карты Каната оказались верны. Однако опыт прежних странствий и знакомств с обитателями заброшенных полей заставлял быть настороже и готовиться к отступлению при первых же признаках угрозы...

– Настюха, читай указатели на стенах. Попробуем найти что-то, что поможет определить наше местоположение, – шепотом приказал Виктор, подходя к высокому шкафу, где рабочие когда-то хранили спецодежду.

И вновь у него заныло сердце по брату... Причем у Насти тоже (и именно в этот момент), но она быстро отвернулась, чтобы Витька не заметил ее чувств. Обоим казалось, что Димка все еще с ними и сейчас тоже займется поисками (выкрутит про запас лампочку или найдет полезный кусок провода). Но третьего участника их отчаянной экспедиции рядом больше не было, и от этого больно сжимало грудь да подкатывали слезы.

Но как бы детям не было тяжело, они занялись делом, усиленно пытаясь определить, куда на этот раз привела их извилистая тропка путешествия. Комната оказалась небольшой, полутемной и имела сразу четыре выхода, ведущие в совершенно одинаковые коридоры.

– Ничего не ясно, – через какое-то время удрученно признал мальчик, разглядывая пару пластиковых касок и резиновый костюм химической защиты, висящий в шкафу.

В тумбочке у невысокого стола он также не смог обнаружить ничего ценного. Ни передающих устройств, ни аппаратов внутренней связи.

– Маркеры какие-то непонятные, – расстроено подтвердила Настя, откладывая пожелтевший журнал с графиком дежурств. – Хотя смотри, есть схема...

Девочка открыла одну из четырех дверей, указывая на висящий в коридоре лист тонкого крошащегося пластика. С опаской покинув комнату, они уставились на потемневший от времени план этой части технического отсека. Схема была сложна, запутана и пестрела неизвестными обозначениями. Однако проходы и зоны безопасности на ней все равно читались, и Витька довольно быстро определил, где именно находится выход на поляну.

Не задерживаясь, двинулись по соседнему коридору, настороженно прислушиваясь к окружающим звукам. А звуки были все те же – Спасгород, похожий на живой организм, работал, словно огромный настенный хронометр, даже не задумываясь о сне или передышке.

Слышалось скрежетание плохо смазанных шестеренок: от совсем небольших до десятиметровых в диаметре, мерно вертевшихся в титанических бездонных нишах. Мрачно гудели электрические щитки и провода, где-то в глубине с уханьем вздыхали массивные поршни, поскрипывали перфорированные фермы из рельсов, натужно стонущие под непосильной нагрузкой перекрытий. Ни одного инородного звука не нарушало механического городского дыхания...

– Вот она, – зачем-то сказал Витька, когда они с сестрой достигли конца извилистого коридора, так никуда и не свернув.

Овальная дверь, ведущая на очередную поляну Спасгорода, возвышалась перед ними, подсвеченная по краям двумя длинными оранжевыми лампами. Запоры люка лоснились свежей смазкой, вся гидравлика была почищена и аккуратно подключена к системе электропитания.

– Ты уже придумал, что мы скажем взрослым, если попадемся? – робко поинтересовалась девочка.

– Еще нет, но что-нибудь придумаю, – важно ответил Виктор. – За эти полгода я много читал про то, как ведут себя испытывавшие шок люди. Поэтому, пока нас снова будут поить горячим чаем или делать уколы, успеем насочинять. Главное, как тогда в цирке, отвечать просто и однозначно – «да» или «нет», а уж взрослые все остальное домыслят за нас. Лишь бы успеть за это время съесть или выбросить припасы...

В последние месяцы (после возвращения в Заботинск из незапланированного путешествия на Лифте Высокого класса) Витька в самом деле прочитал массу книг по психологии, набирая их в школьной библиотеке. Оттого слова мальчика прозвучали весьма весомо, и сестра успокоилась, кивнув.

– Как ты думаешь, где мы сейчас? – не отводя взгляда от люка, спросила Настя. – Это Сонник? Или очередная Ярмарка? Или, может быть, Снежные Склоны? А вдруг там Фермы? Или Плавильный Завод?

– Гадать бессмысленно. – Витька взялся за огромное запирающее колесо. – Сейчас все узнаем.

И он без особенных усилий распахнул массивную дверь.

Сначала ярус, на который прибыли дети, напомнил им Библиотеку. До того сильно, что сердце Виктора екнуло, когда он подумал, что осторожная Летяга сделала вокруг города очень хитрый круг, вернув их туда же, где нашла. Но, присмотревшись, они поняли, что поляна была другой.

Как и на Библиотеке, высота потолков здесь казалась не очень большой. Также не наблюдалось ни искусственных облаков (как выяснилось, совсем непохожих на прекрасные настоящие облака!), ни сложной системы зеркал Светоча.

А вот заполненных приборами и механизмами шкафов, формировавших очередной

лабиринт, хватало в избытке. Только, в отличие от стеллажей Библиотеки, в полках хранились не только информационные модули – казалось, что всю площадь поляны занимает одно огромное устройство с множеством мостиков, переходов, хитроумных установок, планшетов управления, циферблатов, рычагов, кнопок и термостатов. Еще оно напомнило о Штамповальне: если бы там кому-то пришло в голову соединить все механизированные фабрики в один сложнейший агрегат, похожий на кусок очень-очень дырявого сыра.

Большого пока разглядеть не удавалось, а потому близнецы (для храбрости взявшись за руки) перешагнули через высокий железный порог. Массивная створка, оснащенная специальными датчиками, тут же плавно затворилась за их спинами, с шипением запечатав замки.

Теперь окружающие звуки изменились. К ним добавилось низкое монотонное гудение, доносившееся из центра уровня, пиликанье приборов, треск клавиш, щелчки реле, свист стравливаемого пара и много чего еще. Осторожно, стараясь ничего не касаться и внимательно прислушиваясь (не застучат ли шаги Стражников, например?), путники направились в самый ближайший коридор, с любопытством и опаской глядя по сторонам.

И через какое-то время услышали голоса.

Взрослые, мужские, деловито-спокойные.

Дети остановились, со смесью тревоги и надежды глядя друг на друга.

С одной стороны, им хотелось немедленно установить источник этих голосов, выяснить предназначение поляны и продолжить путь, на который их толкнул Облачко. С другой – ребята слишком хорошо помнили Благодать или Реакторную Станцию, чтобы так запросто показываться на глаза незнакомцам.

Но вот решение было принято – ребята порядком устали от неизвестности. Покрепче сжав вспотевшую ладошку сестры, Витя уверенно повел девочку туда, где раздавались голоса. А если за следующим поворотом окажутся враги... что ж, значит, брат и сестра вновь побегут, каких бы усилий это ни потребовало от их натруженных ног...

Но за поворотом, к несказанному облегчению обоих, не таилось ничего ужасного. Там обнаружили два обыкновенных инженера, с ног до головы затянутых в бледно-синие облегающие костюмы из прорезиненной ткани. В капюшонах «в обlipку», защитных очках из синего пластика и с информационными планшетами в руках.

Мужчины стояли у пультов необычайно сложного и длинного прибора (как предположил Витька, отвечавшего за какую-то важную составляющую системы жизнеобеспечения всего города), негромко переговариваясь между собой.

– Уровень четырнадцать, фиолетовая отметка, – ровным, лишенным эмоций голосом сказал тот, что стоял справа.

– Запротоколировано, поднимаю до оранжевого, – тем же сухим и деловым тоном ответил ему коллега слева, что-то изменяя на пульте. – Сектор «Омега» уровня двадцать два, помехи на принятии. Центральная, требуется устранение помех. Есть преграды для сигнала, два деления до критической отметки.

Последнюю фразу, насторожив детей, инженер сказал в длинную латунную трубку, торчащую из аппарата для внутренних переговоров. На поляне функционировала связь, а это значило, что местные смогут немедленно сообщить спасательным службам или Страже о заблудившихся школьниках...

Не спеша выходить из укрытия, те молча наблюдали за увлеченными работой инженерами. Совершенно не замечая маленьких посетителей, взрослые возились с пультами, будто эта скучная повседневная деятельность была самым увлекательным занятием в их жизни. Несмотря на занудные и строгие процедуры, снова и снова выполняемые каждую минуту, дядьки в спецкостюмах казались миролюбивыми и внушали доверие. Витьку так и подмывало заговорить с ними, притворившись простачком – в конце концов, должны же были остаться внутри Спасгорода честные и добрые люди, способные указать дорогу, не задавая лишних вопросов?!

– Центральная запротоколировала, – механическим голосом ответил динамик на

пульте. — Помехи устраняются. Рекомендуется на пятнадцать минут увеличить интенсивность потока и перевести уровень откачивания на багряный режим.

— Понял вас, центральная, — отрапортовал мужчина слева. — Переключаем интенсивность потока на четыре деления.

— Помехи устранены, откачка возобновилась, все в норме, — подтвердил инженер справа, что-то помечая в планшете. — Продолжаем наблюдение.

В этот момент Витя решился.

Беглецов уже наверняка искали, и рано или поздно эти поиски должны были завершиться успехом. Их странствие не могло длиться вечно. А значит, пришло время решительных действий — либо близнецы найдут Сонник и узнают, чего хотел Облачко, либо все равно попадут в руки Смотрителей.

Рассудив, что с внештатной ситуацией специалисты поляны (судя по всему) успешно справились и теперь точно смогут выкроить для посетителей несколько минут, мальчик шагнул вперед.

— Здравствуйте, — нерешительно и негромко начал он. — Вы нам не поможете? Мы, кажется, немного заблудились...

И замолчал, глядя на покрытые голубой тканью спины инженеров.

Настя, от волнения кусавшая губы, напряженно молчала за его плечом.

— Здравствуйте! — чуть громче повторил Виктор, когда убедился, что взрослые не расслышали его за шумом поляны. — Нам нужна ваша помощь, мы заблудились!

Но и на этот раз ни один из инженеров не обернулся. Что-то переключая на пультах, они продолжали обмениваться негромкими фразами, будто находились на своем посту совершенно одни.

Озадаченно переглянувшись с сестрой, Витька сделал шаг, осторожно потянув ближайшего инженера за край голубого комбинезона.

— Прошу прощения! — позвал он еще громче. — Мы заблудились, нам нужна ваша...

Но мальчик не договорил, отпустив рукав и испуганно попятившись. А когда оператор чуть повернулся, назад засеменила и Настя. Потому что то, что дети сначала приняли за защитные промышленные очки из синего пластика, на самом деле таковыми не являлось.

Это был прибор, причем довольно сложный, с помощью прозрачного геля закрепленный на верхней части лица мужчины. Десятки серебристых проводов, словно трубочки от врачебной капельницы, убегали от него прямо под кожу инженера — на щеках, подбородке и висках.

Теперь стало понятно, почему ни один из взрослых не замечает чужаков, стоящих в паре шагов. Они вообще ничего не видели, подключенные к своим приборам, планшетам, паровым клапанам и многочисленным циферблатам, на каждом из которых подрагивали крохотные стрелки.

Витька сглотнул комок, вставший в горле и мешавший дышать. Непроизвольно поправил очки и прищурился, будто не до конца доверяя зрению. Настя от волнения закусилась и без того опухшую губу. Рука ее поднялась нащупать завязки, но куртка лежала в мешке, и девочка затеребила воротник школьной рубашки.

— Уважаемый инженер? — все еще надеясь быть услышанным, повторил Витя.

Но необычный взрослый прошел мимо к соседнему пульту, словно перед ним стоял не чумазый потерявшийся мальчик, а обычный стул.

— Они тебя не слышат, братик, — обреченно сказала сестра. — Они словно механизмы, ты только посмотри... Как солдаты на Казарме, только... только совсем неживые.

— Вижу, — отступая с дороги инженера и позволяя ему пройти к соседним приборам, ответил Виктор. — Что же это за место такое?

И они зашагали прочь от странных операторов со зловещими очками-капельницами, вновь очутившись в коридорах из механизмов. Услышав новые голоса, свернули на звук. Немного поплутав, оказались на очередном посту управления, один в один похожем на предыдущий. Тут взрослых, одетых в голубую прорезиненную ткань, было трое — один

мужчина и две женщины.

Покачивая приборами-масками, скрывавшими верхние половины лиц, инженеры вели непонятную деловую беседу. Обсуждали показатели датчиков, время от времени отчитываясь в переговорное устройство, щелкали тумблерами на панелях. Детей вновь не заметили, хотя на этот раз Витька за локоть развернул к себе одну из женщин.

– Уважаемая инженер! – воскликнул он.

Но та не отреагировала. Отмахнулась, как от надоедливой мушки, и снова вернулась к работе.

– Они нас совершенно не замечают, – прошептала Настя, устало прислоняясь к одному из пультов.

– Словно это не люди, а шестеренки, – согласился Витя, с отчаяньем наблюдая за неторопливыми и отработанными действиями операторов. – Словно они сами – часть этой странной машины...

– Вы фактически угадали, молодой человек, – негромко произнес бодрый старческий голос, заставив близнецов обмереть от страха. – Почти в самую точку! Аплодирую вашей наблюдательности и умению подбирать сравнения.

Витька пружиной скакнул в сторону ближайшего прохода, чуть не врезавшись в инженера. От неожиданности Настя вскрикнула, поскользнулась, а затем растянулась на полу (знаете, как бывает, когда от испуга у людей подкашиваются ноги?). Придя в себя от первого шока, брат помог ей вскочить, и парочка уже приготовилась ретироваться. Но все тот же голос, веселый и совсем не злой, продолжил:

– Не вижу причин убежать, молодые люди. Мои надежды оправдались, а вы достигли конечной точки своего путешествия. Не это ли место указал наш общий друг, когда попросил оставить школьную экскурсию?

Вопрос, заданный самым что ни на есть дружелюбным тоном, заставил путешественников застыть на месте и невольно обернуться. Все еще готовые пулями сорваться с места, они разглядывали незнакомца, не пытаясь скрыть удивления.

А тот выглядел так – невысокий старичок, едва ли выше любого из детей. Совершенно седой, будто мукой обсыпали. Длинноволосый (редкие нечесанные патлы были прижаты кожаным ремешком-ободком), но при этом со здоровенной залысиной на лбу. Бородка его, беспорядочная и клочковатая, была того же белого цвета, что и смешные усы, топорщащиеся под носом-картошкой.

В отличие от погруженных в себя операторов поляны, старичок носил отнюдь не глухой форменный комбинезон. На нем были мешковатые штаны, заправленные в высокие ботинки, а также бесцветный плащ с целой сотней карманов самых различных размеров. Завершали образ очки – обыкновенные круглые очки с толстыми-претолстыми стеклами, за которыми водянистые глаза старичка казались огромными и жутковато выпуклыми.

Прислонившись к одному из пультов и совершенно не обращая внимания на суеющегося рядом инженера, он стоял в одном из проходов, ведущих к центру огромной машины. Глядя на заботинцев поверх очков, странный дядечка осторожно помахал рукой.

– Ну что, добрались? – улыбнулся он, отчего усы забавно задрались вверх.

– Кто вы такой? – вдруг выпалил обычно сдержанный и воспитанный Виктор.

Конечно, он тут же устыдился своей вспышки, но его можно понять – в голове сейчас сталкивались самые разные мысли. Старичок определенно на что-то намекал: говорил так, словно знал странников. Но близнецы совершенно точно не встречали седоусого прежде, и поверить в его добрые намерения было непросто.

– Я? – Дедок будто бы удивился вопросу. – Единственный здравомыслящий взрослый на этой поляне. Вы, юноша, это сразу же поняли, не так ли?

И он опять улыбнулся, глядя, как Витькины брови полезли на лоб. Чтобы как-то скрыть свое удивление, мальчик произнес первое, что пришло в голову:

– Имейте в виду, мы тут не одни, а с папой. Только закричим, он сразу прибежит!

– Ах, молодой человек, оставьте эти выдумки... – седовласый мягко отмахнулся. –

Никого из ваших родителей тут нет, и нам троим это хорошо известно. Однако это не повод для страха, клянусь честью! Простите, забыл представиться. Можете называть меня Афанасием Валентиновичем.

Он слегка поклонился, и теперь стало еще сильнее заметно, что ростом Афанасий Валентинович совсем чуточку выше Витьки. Забавный коротышка в стареньком халате, отчего-то совсем не вызывавший страха, вынул из кармана мятый платок. Сосредоточенно протер линзы очков.

— А еще я тот, кто готов помочь вам, — добавил он, поднимая очки к свету и близоруко щурясь на них в поисках пятнышек грязи, — чтобы вы помогли городу. Если, разумеется, вы не передумали. Но Облачко уверял меня, что этого не произойдет... А вот обращаться с вопросами к этим неразговорчивым куклам смысла не имеет.

Витька открыл рот, да так и остался стоять. Облачко? Этот старичок знает Ликвидатора Катастроф? Не он ли является таинственным другом бота, о котором тот сообщил на Многодворовске? Значит, они с сестрой действительно достигли цели своего путешествия?

— Почему вы называете их куклами? — вдруг, поддавшись любопытству, спросила Настя.

Она с недоверием покосилась на инженеров, никак не реагирующих на происходящий за их спинами диалог.

— Потому что они и есть куклы, — пожал плечами коротышка, словно это все объясняло. — Ничего живого в них давно нет, только оболочка. Слуги Сонника, не больше. Часть умелого и трудолюбивого механизма.

— Сонника? — все еще держась настороже, поинтересовался Витя. — Эта поляна называется Сонник?

— Он самый. Место, куда вас направил летающий приятель, с которым я тоже имею честь быть знакомым. — Взрослый спрятал платок и водрузил очки на нос.

В памяти детей что-то колыхнулось — что-то очень знакомое, но пока не воплощенное в четкий образ. Что-то, связанное с Димкой и Лифтами, отчего сердца снова заныли, заново ощутив горечь потери.

— Это вы приказали Облачку помочь нам сбежать? — уточнил Виктор.

Старичок кивнул.

— Попросил, но не приказал.

— Значит, каким-то образом вы знаете, кто мы такие?

Новый кивок.

— Зачем эта поляна?

— Сонник-то? — с энтузиазмом переспросил Афанасий Валентинович. — Ради снов, мои друзья! Только представьте: все, окружающее вас здесь — это гигантская машина. Машина, заполнившая весь расчудесный этаж, если кому-то придет в голову считать его таковым.

— Она разгадывает сны, да? — уверенно предположила Настя.

Девочка все еще поглядывала на брата, пытаясь угадать, не подаст ли тот знака к бегству или молчанию.

— Не совсем так, милая барышня. — Старичок причмокнул губами, отчего усы задвигались, словно жили собственной жизнью. — Сонник не разгадывает сны. Он их ворует. Скачивает и подменяет. Создает новые версии, фальшивые и угодные определенному кругу лиц.

— Что вы такое говорите? — возмутился Витька, но теперь было видно, что этот странный разговор всецело захватил и его. — Разве можно украсть чей-то сон?

— Очень даже можно, мой любознательный друг. — Коротышка в толстых очках сделал широкий жест, обводя рукой окружавшие их станки и пульта. — Раньше человеческий гений не знал преград. В годы строительства Спасгорода люди делали и не такое, поверьте...

— Но зачем кому-то воровать сны? Это же глупо! — не сдавался Витя, больше не оглядываясь на коридор, в который планировал удирать.

— Как это зачем? — искренне удивился Афанасий Валентинович. — Чтобы

контролировать эмоциональный фон жителей Спасгорода, конечно же! Чтобы иметь возможность делать одни сновидения гнетущими и пугающими, а другие – волнительными и прекрасными. Например, чтобы внушить кому-то, что работа на благо города – это его жизненное призвание. Или чтобы подавить недовольство. Или напугать свободомыслящих.

– Вы ошибаетесь, – язвительно возразила Настя, даже не заметив, с каким рвением включилась в любопытный спор. – Я точно знаю, что мои сны никто не ворует!

– Так оно и есть, сударыня, – почтительно поклонился Афанасий Валентинович. – Сны воруются только у взрослых. Когда вам с братом исполнится по шестнадцать лет, машина начнет *работать* и с вами, уверяю. Однако также могу заверить, что вы ничегошеньки не почувствуете.

И дети подавленно замолчали.

Они вдруг все вспомнили. И странные сны Димки, в которых к мальчику приходил старик с необычным именем. И зеленую дверь, приснившуюся им в ночь перед экскурсией на Амбар. Выходит, все это время кто-то пытался достучаться до них при помощи сновидений?..

– Вы каким-то образом научились проникать в наши сны, так? – хмуро поинтересовался Витя, уже зная ответ. – Это вы подтолкнули Димку сбежать, чтобы спасти Озорника! Это вы показали нам дверь, за которой находится экранированная комната и не работают Няни!

– Да, я, – спокойно согласился старичок. – Для этого мне пришлось основательно перекалибровать приборы, рискуя быть строго наказанным. Но другого выхода я не видел. Потому что настало время поговорить. Лично.

Преисполненные томительно-горьким предчувствием, Настя и Виктор переглянулись.

Они ничего не сказали друг другу, но в головах обоих в этот миг родилась яркая, совершенно одинаковая мысль (помните про невидимую нить, соединявшую сознание близнецов в минуты эмоционального напряжения?).

Брат и сестра сразу вспомнили, каким подавленным и печальным обыкновенно просыпался по утрам Петр Петрович. И какой свежей, жизнерадостной и полной сил приходила домой мама, чаще отдыхавшая днем. Отдыхавшая тогда, когда машина по скачиванию сновидений делала перерыв. Эта неприятная догадка электрическим разрядом пронеслась в головах наших героев, но они не осмелились озвучить ее вслух.

– Это что же, *ваша* машина? – с негодованием переспросила Анастасия. – Вы тут старший, да? Умеете ей управлять, но ничего не делаете, чтобы остановить?!

Витька молчал, потирая переносицу и внимательно разглядывая старичка.

– Ой, ну что вы, молодые люди! – снова отмахнулся тот. – Это не моя машина, и никогда ей не была. Это машина Смотрителей, как вы могли бы догадаться, если бы самую чуточку подумали.

– Так вы Смотритель? – невольно попятилась девочка, неверно сопоставив факты.

– Нет-нет! – Афанасий Валентинович торопливо вскинул морщинистые ладони. – Ни в коем случае, уверяю вас. Я лишь еще один винтик. Приставлен наблюдать за куклами, давать им ремонт, а также готовить еду на всю немалую инженерную братию. Двести двенадцать человек раз в день жадно уплетают приготовленные мной яства из концентрированного белка и синтетических углеводов. Я повар, если вам будет угодно.

– Откуда тогда вы нас знаете? – спросил Витя, подозрительно прищуриваясь. – Давно вы следите за нашей семьей?

Настя, вдруг тоже осознавшая, что все это время они являлись объектами чьего-то наблюдения, наморщила лоб и нервно ухватила себя за «хвостик».

– С момента вашего первого возвращения в Заботинск. – Старичок улыбнулся, но за его толстыми линзами промелькнуло что-то иное, нежели веселье. – Не смог оставить в стороне отчеты Конклава, к которым получил доступ. Тогда-то ваши персоны меня и заинтересовали...

Словно морозный ветер ударил вдруг в лицо повара, на миг сделав взгляд Афанасия

Валентиновича очень серьезным и холодным. Продолжая вежливо улыбаться, он понизил голос почти до шепота, отчего по спинам отважных близнецов вдруг побежали мурашки.

– Когда вы уничтожили Мглистого Механика и спасли Лифты, я вдруг кое-что понял, Анастасия и Виктор, – неожиданно сказал «винтик Сонника». – И теперь точно знаю, куда вам вскоре суждено попасть. А сейчас ступайте за мной и ничего не бойтесь. Важный разговор удобней вести сидя, к тому же в более спокойной обстановке.

Афанасий Валентинович развернулся на скрипящих каблуках и, не оборачиваясь, зашагал куда-то в глубь поляны. Сраженные наповал дети переглянулись.

– Ты ему доверяешь? – одними губами спросила Настя, будто кто-то из инженеров мог слышать ее слова или как-то отреагировать на них.

– Я ничего не понимаю, – столь же беззвучно ответил брат. – Он знает о нас. Знает о вылазке на Реакторную Станцию и схватке с Мглистым. Спланировал наш новый побег только для того, чтобы встретиться! Как бы то ни было, мы пришли сюда, чтобы получить ответы, и он готов их дать.

И Витька, подавая сестре пример, двинулся следом за таинственным старичком.

Повсюду они встречали деловых, но совершенно безжизненных кукол, посверкивавших синим пластиком лицевых приборов. Там, где приходилось, седой коротышка совершенно спокойно отодвигал персонал Сонника с пути, словно тот являлся лишь предметами мебели. Почти сразу сбитые с толку инженеры возвращались к своей работе, задумчиво-отстраненные и неживые.

Дорога по широкому «проспекту» была недолгой – не прошло и десяти минут, как Афанасий Валентинович свернул в новый лабиринт шкафов и пультов. Тут почти не встречалось инженеров, а среди стеллажей, фрагментов аппарата по скачиванию снов и распределительных ящиков открылось жилище старичка, обставленное весьма уютно.

Там, где массивные блоки жуткого Сонника образовывали своеобразный тупик, и поселился чудаковатый повар. Ни печей, ни кастрюль или сковородок тут не обнаруживалось, отчего гости сделали вывод, что кухня находится где-то еще, подальше от жилой зоны.

В закутке же нашлась кровать, аккуратно заправленная стареньким одеялом, и несколько кубических тумб, сплошь заваленных томиками самой различной толщины и размера. Книги также лежали на письменном столе справа от кровати. А еще на нескольких стульях. И даже на полу, старательно подметенном издававшей виды метлой.

Освободив от книг, Афанасий Валентинович придвинул пару стульев поближе к путешественникам, замершим на пороге этого необычного, без привычной крыши, но комфортного жилища.

Демонстративно не обращая внимания на то, как нерешительно гости топчутся на пороге, повар заколдовал над небольшим электрическим чайником. Уже через минуту три чашки наполнились ароматным травяным отваром.

– Я не являюсь вашим врагом, молодые люди, – закончив хлопотать над угощением, произнес старичок, и его белоснежные усы забавно встопорщились. – И могу это доказать, если угодно. Когда я узнал о вас, то, конечно, сперва не поверил слухам. Видано ли – трое детей с благополучной поляны вдруг оказались на самом Реакторе на нижних уровнях!

Он прихлопнул себя по бедрам, покачал головой. Герои его рассказа, все еще не спешившие занять стулья, исподлобья выслушивали историю. Историю, которую, как они еще вчера полагали, в стенах Спасгорода знал весьма ограниченный круг живых существ и разумных механизмов.

– К счастью, в настолько невероятные события не поверили и Смотрители... – Хозяин закоулка кивнул. – Но с тех пор я стал вас... прошу прощения за откровенность – *изучать*. Настроил технику, чтобы хотя бы фрагментарно просматривать ваши сновидения... Не извольте беспокоиться, молодые люди! – Заметив на детских лицах недоумение, он решительно замахал руками. – Вся информация секретна и никогда не попадет в Конклав! Но она дала мне возможность понять, какими железными характерами обладает ваша троица.

Импульсивная, склонная нарушать правила, но добрая и справедливая...

Он осторожно отхлебнул дымящегося отвара, с удовольствием причмокнув.

– С не меньшим интересом я наблюдал за вашей дружбой с отдельными Лифтами и Оперативным Ботом, – продолжил старичок, усаживаясь в старенькое рабочее кресло. – Когда Озорник попал в беду и Облачко отправился к вам просить о помощи, я решил вмешаться. Впрочем, получилось не совсем успешно... Но позже это дало мне возможность перенастроить часть приборов Сонника, все же поймав вашу персональную волну...

Настя и Витя продолжали хранить молчание, с грустью вспоминая те давние дни, когда Димка сбежал из школы, чуть не пропав на Интернате, а затем рассказал про свои странные сны. И про человека с забавным именем, которое начиналось на А.

– Я очень внимательно следил за вашим путешествием, – пылко сообщил Афанасий Валентинович. – Поражался вашей храбрости и упорству, коллекционировал мнения очевидцев. Конечно, собрать достоверную информацию о сражении с Мглистым было непросто. Но артисты и Стражники тоже видят сны – так я смог сложить объективную картину боя. Кстати, вы должны знать, что эти модули я изъял из банка памяти Сонника – по этой причине в Гильдии до сих пор до конца не представляют, что именно произошло под куполом цирка.

Мальчик снял очки, задумчиво протирая стекла краем рубашки. Теперь становилось понятно, почему взрослые так и не смогли составить полноценную хронику приключений Димы, Насти и Вити. Наказания наши герои все равно не избежали, но введенные штрафы и санкции выглядели как отчаянная месть Гильдии, не способной понять, что именно случилось у нее под носом.

Неужели своим относительным благополучием (с учетом количества нарушенных правил и посещенных запретных полей, конечно же) близнецы были обязаны сидящему перед ними повару? Это, безусловно, доказывало дружественность его намерений. Однако пока никаким образом не отвечало на вопрос: зачем во время экскурсии дедушка подтолкнул детей к очередному нарушению законов города?

Словно угадав их мысли, тот улыбнулся.

– Конечно, молодые люди, я позвал вас сюда не для того, чтобы угостить чаем. – Он поставил кружку на свободный пяточок стола, сцепляя иссушенные пальцы. – Ваши действия, словно брошенный в пруд камень, вызвали массу кругов на воде. Гибель Мглистого заставила Конклав приступить к переработке и ужесточению городских устоев. Лифты отныне отключаются при малейшем подозрении, многие под давлением и угрозами переходят на службу тиранов... Город ждут перемены, причем совсем не к лучшему. И если один я сделать ничего не смогу, то вчетвером мы определенно...

Он вдруг опомнился, хлопая ресницами, которые сквозь линзы нелепых очков казались канатами.

– Пойдите-ка! А где же ваш брат Дима?

– Мы вдвоем, – аккуратно ответил мальчик, сглатывая комок и тяжело вздохнув. – Это что-то меняет?

– Нет-нет, просто я... – Афанасий Валентинович задумался, что-то припоминая. – Вы достигли Благодати, оттуда поднялись на Библиотеку. Дальше? О, Всемогушие Процессоры! Вы побывали *снаружи* ?!

Он прищурился, не требуя ответа на этот коварный вопрос.

– Там ведь очень красиво, не так ли?

И обернулся, с лукавой улыбкой глядя на своих гостей.

Но те лишь насупились, делая вид, что не понимают, о чем идет речь.

– Вы столько знаете про нас, потому что смотрели чужие сны? – угрюмо спросил Витька, уходя от опасной темы вылазки на поверхность Спасгорода.

– Можно сказать и та-а-ак... – задумчиво протянул старичок. – Но вообще я много чего знаю. Можете считать, что перед вами волшебник. Добрый волшебник, попрошу заметить, – назидательно добавил он, поднимая скрюченный палец. – Да вы присаживайтесь, давайте

пить чай, остывает же!

И Афанасий Валентинович указал на дымящиеся чашки на краю заваленного книгами стола.

Боязливо, будто в кружках могла оказаться отравка или какое-нибудь сонное зелье, близнецы приблизились. Робко присели на старенькие стулья. Взяли чашки. Старый повар казался полностью откровенным и знал так много тайн, что это невольно внушало доверие. Но выработанная странствиями осторожность так просто не отступала.

– Выходит, вы нас ждали? – издала начал Витя, с сомнением изучая ароматную дымящуюся жидкость. – Для чего же?

– Знаете, молодой человек... – слеповато прищурился Афанасий Валентинович, с удовольствием прихлебывая отвар. – Говоря про волшебство, я вовсе не использовал метафор. Так вышло, – добавил он, заметив недоверчивый взгляд Насти, – что с самого рождения город разговаривает со мной. Не Лифты, не боты, не Смотрители – сам город шепчет мне разное, посвящая в свои тайны.

– Значит, – поинтересовалась девочка, делая первый глоток и невольно зажмуриваясь... от неожиданного блаженства – чай оказался очень вкусным, – вы давно знаете и про поверхность, и про Болезнь?

– Знаю, – сокрушенно признал повар, приглаживая белоснежные усы и бородку.

– Почему же ничего не делаете? – недовольно насупилась Настя. – Вы, как и Ходящие По Стенам, боитесь гнева Смотрителей?

– Можно сказать и так, – подвигал усами старичок. – Стал одним из их слуг, втерся в доверие, но не способен на большее... За время своих скитаний вы должны были понять, что некоторые люди очень слабы. Но некоторые рождены, чтобы быть сильными. Да, благодаря своему положению и дару я многое знаю. Но *изменить* многое предстоит именно вам.

– Что вы имеете в виду? – Витя опешил, даже забыв про чай, который наконец решился отведать.

Он вдруг почувствовал, что сейчас старый повар скажет нечто особенное. Ради этого они сбежали с экскурсии, сняли браслеты слежения, прошли через мертвые пустоши Многодворовска, избежали ярости Апокалифтиса и потеряли брата...

– Ваше главное путешествие закончится на родном Заботинске, – просто ответил Афанасий Валентинович. – Но еще не сейчас. До этого предстоит совершить немало важных дел. И для того, чтобы помочь вам, я уже много лет живу тут, ухаживая за куклами.

– Вы хотите сказать, что живете здесь в ожидании нас? – чуть не подавился Виктор, совершенно невоспитанно прыснув и забрызгав чаем топчан. – Ждали, когда мы придем? Много лет?

– В ожидании кого-то, способного изменить существующее положение вещей, – важно кивнул повар. – Это мог быть кто-то другой, не обязательно вы. Но меньше года назад город *сказал* мне, что идут его герои. И это наш общий шанс. Правда, я полагал, что вас будет трое...

– Наш брат... – Эти слова давались Витьке с трудом, но старичок действительно доказал, что ему можно доверять. – Он предпочел свободу полета возвращению домой. Нам пришлось смириться с его выбором. Там, на поверхности, ему будет хорошо, мы верим.

– Понимаю, – что-то обдумывая, покачал головой Афанасий Валентинович.

А Настя, осененная новой догадкой, неожиданно спросила:

– Значит, вы вовсе не собираетесь проводить нас домой?

– Увы, это так. – Седые брови повара сошлись на переносице. – До того, как вы вновь увидите маму, вам предстоит кое-что сделать, друзья. Нечто, на что оказались неспособны многие люди до вас. Многие взрослые, хочу заметить.

– Это... это сказал вам город? – все еще недоверчиво уточнил мальчик, озираясь так, словно Спасгород в любую секунду мог заговорить и с ним.

Они повидали немало чудес, чтобы удивляться словам Афанасия Валентиновича –

видели людей, похожих на крыс. Видели грибы, похожие не людей. Видели жестокость и бессердечие, видели невероятные превращения и последствия болезней, видели странные машины и механизмы, встречали бесчеловечных сородичей и человеческие Лифты. Попивая отвар в скромном жилище доброго волшебника, они были готовы услышать голос города. Но вместо этого снова заговорил седовласый коротышка:

– Да, это мне сообщил город. Вы отправитесь наверх, в самое его сердце... точнее, в самый мозг. И если ваше судьбоносное путешествие будет успешным, жизнь изменится.

– Но ведь мы же всего лишь дети, – прошептала Настя, с волнением глядя на удрученного брата. – Мы всего лишь дети, которые заблудились и искали дорогу домой. Дети, которые чуть не погибли, помогая другу. Хулиганы, заставившие родителей продать дом и половину мебели. Откуда вы знаете, что ждали именно нас?

– Вы вольны отказаться. – Казалось, Афанасий Валентинович способен обидеться такому малодушию. – Но если город не ошибся, сделав свой выбор, то все произойдет так, как должно. Взрослые называют это судьбой, мои друзья. И вы станете ее проводниками. Но хватит разговоров...

Он отставил пустую чашку на стол, вытирая вспотевшие ладони о плащ с множеством карманов. Сразу стал серьезным, деловитым, обеспокоенным.

– Приближается время кормежки кукол. Это значит, что мне пора на кухню. Вы же, мои хорошие, пойдете своей дорогой. Но перед этим хочу вам кое-что дать. Кое-что, способное помочь в путешествии. И если там... – Он многозначительно поднял взгляд из-за очков, уставившись в невысокий потолок поляны. – Если там вы вдруг решите не следовать своей судьбе, то сразу вернетесь домой. И тогда дела в Спасгороде будут идти все хуже и хуже. Еще много лет, пока город не найдет новых помощников.

Близнецы переглянулись.

Одно дело, чувствовать себя потерянным и заблудившимся ребенком, попавшим в мир взрослых страхов и переживаний. И совсем другое дело – вдруг стать личностью, способной что-то изменить не только в своей жизни, но и в жизни других людей...

Конечно, наши герои испугались. Испугались сильно-сильно, почти как во время первого знакомства с оборотнем Красимирой или под шквальным огнем солдат Казармы. Почти так же сильно, как во время битвы с грибами или двух схваток с Мглистым. Но размеренный, почти гипнотический голос Афанасия Валентиновича не пытался их напугать – наоборот, он вселял уверенность и силу.

Пока Витька и Настя переглядывались, пытаясь без слов спросить друг у друга совета, старичок начал рыться в карманах. Выкладывал поверх книг самые разнообразные вещи, постороннему казавшиеся обыкновенным хламом. Тут были сломанные приборы, какие-то детали, мятые бумажки и обрывки проводков. Все это время повар что-то бормотал, общаясь сам с собой.

И, наконец, обнаружил искомое, торжественно приподнимая находку в правой руке.

– Вот, – сказал усатый, с гордостью глядя на овальную матовую капсулу белого цвета. – Оно! Не совсем представляю, зачем *это* нужно, но в правильный момент понимание придет к кому-то из вас, я знаю. Сам город уверен в этом!

И он бережно, с почтением передал напоминавшую яйцо капсулу (конечно, дети Спасгорода никогда не видели куриных яиц, поэтому у них не возникло такого сравнения) сидящему рядом мальчику. Витька не без опаски принял у него необычный предмет, взвешивая в ладони.

Капсула оказалась холодной и увесистой, изготовленной из какого-то неизвестного металла. По поперечному периметру ее окружал тонкий шов, намекавший на две половинки, крепко сцепленные вместе.

– Что нам с этим делать? – в отчаянии спросил Витя, вертя «яйцо» в пальцах.

– Не знаю. Но вы поймете, – с непреклонной уверенностью повторил кашевар, продолжая рыться в карманах.

– А если понять должен был Димка? – новый хранитель капсулы вдруг похолодел.

Афанасий Валентинович вздрогнул, испуганно уставившись на него и шевеля белыми усами. Но тут же замотал головой, отгоняя дурные мысли.

– Нет-нет, это невозможно... – И продолжил шарить по карманам, словно бы неудобного вопроса никогда не звучало. – Пойдите, я должен отдать вам кое-что еще, молодые люди. Буквально секундочку... Да где же оно? А, вот!

Нырнув в одно из внутренних отделений забавного, но очень удобного плаща-халата, старичок вынул нечто, с первого взгляда похожее на наручный хронометр (Витька чуть не вскрикнул, до того прибор был похож на сокровище, подаренное Подметке). Подкрутив колесико сбоку, словно выставляя стрелки на точное время, повар протянул браслет девочке.

– А это тебе, Настенька. Надевай, не бойся... Не скажу в точности, как функционирует данное устройство, но могу обещать, что оно приведет вас к цели. *Знаю*, каким-то образом знаю. Главное, следовать за указателем, ничего сложного. Вы разберетесь, вы очень умные и смелые...

Не без сомнений забрав у коротышки диковинный «хронометр», Настя взялась разглядывать круглый циферблат, усыпанный странными обозначениями и картинками. Стрелок было несколько, но главная – самая большая и длинная – только одна.

Витька косился на девочку с легким недовольством, будто завидуя, что ему досталась какая-то капсула, а сестре – такой замечательный прибор. Заметив его реакцию, Настя молниеносно показала язык, поспешно отворачиваясь и застегивая мягкий браслет на своем правом запястье.

Еще раз сверившись с настольным графиком кормежки кукол, Афанасий Валентинович торопливо выбрался из кресла.

– А теперь идемте. У меня есть верный помощник, который доставит вас на максимально верхнюю поляну. Но дальше вы пойдете одни, вновь полагаясь только на собственные силы. Если же миссия будет неудачной...

Возможно, он хотел сказать, что станет и дальше ждать избранников города, день за днем обслуживая марионеток Сонника. Может быть, хотел сказать, что все надежды рухнут и диктатура Конклава станет невыносимой. Может быть, что-то еще... Но седовласый дедушка промолчал, постаравшись лишний раз не пугать и без того ошеломленных детей.

Поманив за собой, Афанасий Валентинович шагнул за один из книжных шкафов, исчезая в неприметном проходе между блоками машины, воровавшей у взрослых сны.

Настя сделала круглые глаза, будто спрашивая брата, готов ли тот на подобное сумасшествие. Но Витька, уже принявший решение, осторожно опустил увесистую капсулу в сумку на боку и прыгнул со стула.

– Знаешь, если бы мы не были готовы, – шепнул он, – то даже не подумали бы открывать зеленую дверь, приснившуюся нам перед экскурсией...

Ободряюще кивнув сестре, он протиснулся в лазейку следом за поваром-волшебником.

Все трое двинулись по улочкам Сонника, причем на этот раз торопливо, почти бегом. Тут было гораздо пыльнее, чем на центральных проспектах, и совсем не встречались куклы-инженеры. Все еще переглядываясь, близнецы старались не отставать от старичка, семенившего впереди.

– Вот бы Димка был с нами, – печально охнула Настя. – Он бы точно сказал, как быть...

– Прекрати убиваться, – излишне резко оборвал Витька, которого потеря брата глодала не меньше. – Его нет. А это значит, что решение принимать нам с тобой. Я верю этому чуду... – мальчик кивнул в сторону Афанасия Валентиновича, уверенно прокладывавшего дорогу в лабиринте Сонника. – И в его беседы с городом верю...

Он даже замедлил шаг, чтобы расслышала только сестра.

– Логика налицо, Настюха. – Виктор прищурился из-за очков. – Если бы дядька оказался провокатором Смотрителей, нас бы уже давно упекли куда следует, вместо того чтобы головы душить. Так? А он не только за нами наблюдал, но и следы замечать помог... Значит, и правда друг, не обманул Облачко. Ты представь, сестренка, – а что, если *именно*

нам предстоит сделать что-то важное, на что не осмеливаются даже бесстрашные Ходящие По Стенам?!

– Ох, и влетит же... – покорно опустила голову девочка.

– В любом случае влетит. Причем на этот раз даже думать не хочу, по какому месту. – Витька хмыкнул и отмахнулся от невидимой угрозы. – Но если старичок говорит, что это наше главное путешествие, так тому и быть. Ты со мной?

– Конечно, – кивнула Анастасия, невольно вспомнив, что совсем недавно такой же вопрос ей задавал Дима. – Конечно, я с тобой, братик...

И они прибавили шагу, чтобы не отстать от повара в непростом переплетении проходов и поворотов. А через несколько минут, когда ребята уже начали чувствовать усталость, Афанасий Валентинович объявил, что отряд добрался до нужного места.

– Вот, – торжественно объявил он, останавливаясь перед старой-престарой шахтой Лифта, примыкавшей к внешней стене города. – Полагаю, представлять вас друг другу смысла нет... Итак, один из очевидцев ваших отчаянных походов – Озорник, мой давний друг.

От упоминания Лифта, с которым познакомились еще во время первого визита на Штамповальню, дети оживленно охнули. Настя хлопнула в ладоши, а Витька откровенно растерялся, настолько оказался не готов к такой встрече. Снова вспомнился Димка, теплее всех относившийся к простоватому юмору Лифта, но мальчик загнал эти мысли поглубже...

Лишенные малейшей возможности провести болтливого Озорника из-за контроля Нянечек, троица и предположить не могла, где тот находится и цел ли вообще. Прочитав все это на их раздумывавшихся лицах, старый повар улыбнулся и пояснил:

– Да-да, Озорник стал одним из бунтовщиков, отказавшихся подчиниться Смотрителям. Тогда они послали за ним Механика... Это чудище дважды просить не требовалось, увы. Несмотря на то что ваш брат Дима помочь не смог, Лифт успел ускользнуть от Мучителя. И пусть дальнейшие злодеяния Гильдии не миновали его совсем, отныне он тихонечко проживает тут – на Соннике.

Обрадованные спасением Озорника, брат и сестра даже обнялись. Ах, как было славно, что их знакомый смог избежать пыток Мглистого! Иного Лифта, не обладавшего такой уникальной системой перемещения и смены шахт, ждала бы совсем другая участь...

Образ чудовищного существа, вредившего разумным механизмам, снова встал перед внутренним взором. Вспомнился цирк, метательница ножей, утопленное в машинном масле пульсирующее сердце. В тот день Гильдия лишилась одного из самых жестоких инструментов, с удовольствием отключавшего Лифты, собиравшиеся рассказать спасгородцам секреты Смотрителей...

– Увы, молодые люди. – Старичок огорченно ссутулился, не спеша начинать протокол вызова. – После бегства Озорника рядовые механики поверили в его легенду. Но все же решили подстраховаться и доложили в руководство Гильдии...

Витя нахмурился – ему показалось, что седой повар собирается их о чем-то предупредить. О чем-то невеселом. И вскоре опасения подтвердились.

– Убежав от Мглистого, Озорник притворился сломанным, – печально поведал Афанасий Валентинович. – Но Конклав что-то заподозрил и настоял на установке блокираторов воли, изломавших его личность. Через какое-то время я внес дополнительные изменения в процессор. Этим я подтвердил якобы полную непригодность к ремонту и официально вычеркнул Озорника из реестра функционирующих Лифтов. Однако демонтаж блокираторов и неоднократное вмешательство в начинку лишили вашего друга возможности менять шахты и стерли его исключительное чувство юмора...

И мужчина начал неспешно переключать тумблеры в планшете доступа, расположенном сбоку от двустворчатой двери Озорника. Дети, вдруг осознавшие, что больше никогда не услышат неоднозначных шуток разговорчивого приятеля, помрачнели, с тревогой дожидаясь окончания протокола.

Через какое-то время Лифт ожил, но сделал это тяжело, словно бы устало.

На панели замерцали знакомые изумрудные лампочки. Чуть изогнутые створки расплзлись в стороны. В кабине зажегся тусклый свет.

Да, старый друг Димки изменился. Если во время первой встречи Озорник казался неиссякаемым источником хорошего настроения и задора, то сейчас выглядел постаревшим и утомленным. Казалось, что Особый Лифт для Срочных Курьерских Доставок не работал долгие-долгие годы – так пыльно и уныло выглядели его кабина и приборы.

– Ну что, соня? – В голосе Афанасия Валентиновича слышалось торжество. – Пора просыпаться! Только взгляни, кого я привел! Ты доставишь их наверх, и наши мучения будут вознаграждены.

– О, ребятаки, – знакомым, но бесконечно серым голосом произнес Лифт, нацеливая на гостей свои камеры. Две из трех так и не заработали, почти не проворачиваясь в шарнирах, но одна все же уставилась вниз. – А я знал, что город выберет именно вас. Честное слово, Афонечка, так вот и подумал, когда впервые их увидел...

– Аплодирую твоей прозорливости! – Продолжая ликовать, повар потер руки. – Что же вы молчите, молодые люди? Не рады видеть Озорника?

Витя и Настя будто очнулись от спячки. С неумемной горечью они осознали, что от прежнего товарища осталось одно название. Лучший оптимизмом Лифт, когда-то отважно смеявшийся в лицо опасностям и учивший этой храбрости других, стал совсем иным...

– Здравствуйте, дяденька Озорник, – одновременно сказали мальчик и девочка, глядя в объектив.

– Здравствуйте, дети, – сонно ответил тот, качнув уцелевшей амбикамерой.

– А что сказал Лифт соседу, когда в него занесли рояль? – неуверенно спросил Виктор, с замиранием сердца ожидая ответа (так мы пытаемся найти хоть что-то прежнее в навсегда изменившихся людях, которых когда-то знали).

Но чуда не произошло (как не происходит его, когда наши знакомые меняются *навсегда*). Амбикамера с жужжанием повернулась, в ней блеснуло отражение двух пар очков.

– Откуда мне знать? – удивился Озорник, заставив Витю тяжело вздохнуть. – А почему ты интересуешься?

– Просто так, – прошептал тот, качая головой и беря сестру за руку.

– Афонечка, если других вопросов нет, я готов. – Теперь камера нацелилась на старичка.

– Ты уж постарайся, дорогой ты мой. – Опекун кукол-инженеров повернулся к Лифту, снизу вверх заглядывая в объектив. – Помни, другого шанса может и не быть. Мы все – все четверо, очень многим рискуем. Но это предельно оправданный риск!

Последнюю фразу он произнес голосом завоевателя, покорившего полмира, торжественно воздев к потолку узловатый старческий палец. Его седые усы сейчас топорщились как никогда забавно и воинственно.

– Прошу на борт, ребятаки, – пригласил Лифт, стряхивая дремоту и разогревая моторы. Внутри него что-то загудело, заскрипело, заскрежетало. – Отправляемся!

Вздохнув глубоко и тяжело (как перед контрольной, к которой совсем не готовы), Настя и Витя еще раз переглянулись. А потом кивнули друг другу и шагнули через порог, входя в кабину Озорника, когда-то очень давно доставившего их со Штамповальни на Казарму. Для близнецов, за какие-то полчаса повзрослевших на многие годы, больше не существовало привычного мира с его привычным положением вещей и ходом времени...

Конечно, где-то там глубоко под ногами оставался все тот же уютный Заботинск с его тихими улочками, школой и повседневными хлопотами. Оставались родители, бесконечно любящие и переживающие за своих отпрысков. Но они ничего, совершенно ничего не знали о механических солдатах, крысах, грибах, психолептонах, сектантах, червях, Реакторах, птицах и заговоре Конклава. А потому наши герои буквально кожей ощущали ответственность за них.

За все, что им было так дорого.

И если Ходящие По Стенам не осмелились бросить вызов Смотрителям, выбрав свободную жизнь беглецов и бродяг, то это сделают они – брат и сестра, способные многое изменить в жизни Спасгорода...

Разумеется, тогда храбрецы даже не предполагали, *что* и *как* им предстоит изменить. Но бодрость в голосе странного повара и дружелюбный Лифт, сумевший избежать утилизации, придали сил и веры в себя.

– Ну все, друзья мои... – Было заметно, что за толстыми стеклами очков Афанасия Валентиновича стоят слезы. – Отправляйтесь, и пусть удача не покинет вас ни на миг! Озорник, вся надежда на тебя, не подведи... А мне пора на кухню – если я сорву расписание, куклы потеряют работоспособность и сюда направят инспекцию... Прощайте, мои хорошие. Я верю, у вас все получится...

– Тронулись! – сам себе скомандовал Лифт, закрывая двери и отрезая пассажиров от доброго волшебника, тихонько плачущего возле шахты.

Моторы загудели еще громче, и в какой-то момент ребятам показалось, что сейчас они взаправду перегорят от натуги. Но вот кабина вздрогнула, поползла вверх и принялась набирать скорость. Кругом скрипела и скрежетала обшивка. Детали Лифта, много недель не видевшие ни капли смазки, жутко стонали где-то под ногами.

– А что именно у нас должно получиться? – стараясь перекрыть завывание двигателей, спросил Витька, заглядывая в неподвижную черную линзу внутренней амбикамеры. – Афанасий Валентинович нам ничего толком не объяснил. Может быть, суть похода знаете вы?

– Я знаю, что вам необходимо попасть в Лабораторию. – В голосе Озорника слышалось напряжение, словно подъем по шахте отнимал у него последние силы. – А там, как говорит Афонечка, вы сами все поймете.

– А если не поймем? – в ужасе спохватилась Настя, обхватывая себя руками. – Что будет тогда?

– Тогда? – с легким оттенком былой бравады хохотнул Озорник. – Тогда мы начнем все сначала...

И замолчал, словно объяснил достаточно.

Погрузившись в тоскливые раздумья, Витька и Настя уселись на пол, стараясь не прислушиваться к скрежету постаревших моторов. Обоих царапнула запоздалая мысль – а что, если с ними случится страшное, кто тогда расскажет маме и папе, что с Димкой все хорошо? Но отступать было поздно, и заботинцы постарались настроиться на благополучный исход затеи.

– Внимание, – вдруг объявил Озорник, и от этого слова по спинам близнецов побежали мурашки. – Мое присутствие зафиксировали на центральной радар-карте Конклава. Еще какое-то время попробую продержаться!

И он лихо присвистнул, словно вдруг вернулся в старые добрые деньки, когда умел менять тоннели, прыгая по специальным рельсовым конструкциям. Моторы взвыли с надрывным ревом. В глубине шахты что-то лопнуло с металлическим звоном. Кабину качнуло, и дети повалились друг на друга, хватаясь за руки.

А затем Лифт вдруг тряхнуло, причем так сильно, что сидящие на полу Витька и Настя аж подлетели в воздух, приземляясь весьма болезненно. Застонали, потирая отбитые зады, а зеленоватый свет в Озорнике вдруг потускнел.

Стало ясно, что движение прекратилось и Лифт стоит на месте.

– Мы уже приехали? – с надеждой спросила Настя, задирая голову.

– Нет, – тихо-тихо пробормотал Озорник. – Меня перехватили, и на этот раз по-настоящему.

Глава восьмая, в которой главное – не сдаваться, а кое-кто в который раз

встречает старых врагов и друзей

– Питание отключено. Работает только резервная батарея, но она долго не протянет, – продолжал анализировать системы Озорник. – Сейчас отправят бригаду выяснять, что случилось, и тогда...

Он сокрушенно замолчал, а свет почти погас.

– Что же нам делать? – Витька вскочил на ноги, яростно потирая отбитое бедро. – Мы не можем попасться ремонтникам! Нам нужно наверх!

– Я вам больше не помощник, ребятки, – вздохнул Озорник, и силы в его голосе становилось все меньше. – Могу только одно посоветовать.

В потолке кабины Особого Лифта для Срочных Курьерских Доставок со щелчком приоткрылся крохотный люк. Из стены выступили несколько прутьев выдвижной лестницы.

– В стене шахты есть ступени, хоть и старенькие. Ведут на самый верх. Выбирайтесь, и дальше своим ходом... – Он все затухал и затухал. – Больше ничем помочь не могу, простите...

– Вы нам и так очень помогли, уважаемый Озорник! – Витя вежливо поклонился в блестящий объектив. – Надеюсь, у вас все будет хорошо...

– Если справитесь, то точно будет, – собрав последние силы, вдруг усмехнулся Лифт.

А Настя, заламывая пальцы, все же не удержалась:

– Уважаемый Озорник, только, пожалуйста, не умирайте по-настоящему, хорошо? – Она закусила губу, осунувшись от укола острейшей грусти. – Мы справимся, честное слово, только вы держитесь. Придумайте что-нибудь, чтобы вас не разобрали, а мы обязательно справимся!

Но Озорник уже ничего не ответил детям.

Зеленый свет на панели угас до призрачного полумрака. Только аварийные лампы, установленные в шахте, бросали внутрь кабины косые желтые полосы сквозь щель под створкой. В них, словно волшебная, клубилась и плавала пыль.

Собравшись с духом, Витька первым полез по лестнице. Добравшись до потолка, не без усилий откинул крышку люка, с грохотом ударившую по крыше кабины. Прочь незамедлительно рванулось эхо, отскакивая от железобетонных стенок.

Мальчик выбрался наружу. Протянул руку, помог сестре встать рядом.

Второй раз за время своего похода они оказались на крыше Лифта, дрожа от холода и страха. Застыли в хищном жерле узкой шахты, немало напоминавшей ствол огромной пушки, и смотрели вверх, где сумрак глотал ряды железных скоб, вмурованных в стену. Как и в случае с побегом из Многодворовска, лестница располагалась в неглубокой нише, в которую можно было спрятаться, даже если работника вдруг заставал поднимающийся Лифт.

Не теряя времени, Витя вынул и надел куртку. Забросил сумку за спину и первым взялся за скобы.

– Если устанешь, – он повернулся к сестре, – делай вот так и жди, пока отдохнут руки.

Он показал, как зажать скобы предплечьем, чтобы дать передышку мышцам. Сестра (девочка торопливо натягивала свою куртку) покорно кивнула, хотя было видно, что она и раньше знала этот трюк. Но сейчас в их крохотном отряде старшим стал Виктор, а потому Настя не хотела подвергать насмешкам его трогательную заботу о ней.

Оставив потухший Лифт под ногами, ребята начали подъем, осторожно проверяя на прочность каждую скобу. Те оказались ржавыми, основательно шатались и кое-где вылетали из пазов. Но близнецы весили совсем немного, а потому лестница держалась.

Через сто восемьдесят или двести ступенек девочка, обернувшись, все-таки глянула вниз.

Вскрикнула, испугавшись набранной высоты, и мальчик грозно отчитал сестру, чтобы та больше ни за что так не делала. Когда не видишь результатов своей работы (пусть даже монотонного карабканья по ржавым скобам), не так отчетливо представляешь сделанное.

Настя что-то пробормотала, оправдываясь, немного передохнула и полезла дальше...

Нужно сказать, что отдыхать им довелось, не только висая на скобах. Кое-где, примерно через каждые триста скоб, в нишах находились небольшие балкончики (о похожих рассказывал Дима после незапланированного путешествия на Интернат), в которых можно было сесть с поджатыми ногами, переводя дух.

Там парочка и устраивала привалы, экономно смачивая губы из подаренных фляжек. Они почти не разговаривали, стараясь беречь силы, да и тем для разговоров сейчас почти не находилось.

А потом, когда Озорник уже остался далеко-далеко внизу, оба услышали, как за мятежным Лифтом пришли механики Гильдии. Слышался треск электрической резки, потом вновь загудели моторы, и плененная кабина медленно поползла обратно к Соннику.

Там, как догадались дети, Афанасию Валентиновичу вскоре предстояло рассказать как можно более правдоподобную историю о том, как вдруг ожил Лифт, пропавший полгода назад. А еще (как подумали близнецы) старый повар наверняка решит, что операция сорвалась...

Стараясь не заикливаться на грустном, после коротких привалов они вновь и вновь продолжали подъем, ставший очередным этапом этого бесконечного путешествия.

А затем шахта вдруг кончилась, упираясь в потолок. Там, конечно, еще находились технические лазейки и знакомые тормозные устройства, куда механик может пробраться, чтобы устранить поломку. Но пространство, отведенное для перемещения Лифта, заканчивалось.

Справа от лестницы, по которой поднимались наши герои, в стене темнела узкая двустворчатая дверь.

– Мы добрались, Настена, – устало пробормотал Витька, читая трафаретные надписи на ее внутренней стороне. – Это Лаборатория, о которой нам говорили Озорник и Афанасий Валентинович. Нажатием вот этого рычага я активирую аварийное открытие, и мы попадем на еще одну поляну, о существовании которой даже не подозревали. Ты готова?

Девочка кивнула, и ее брат без промедления рванул алую рукоятку.

– Как жалко, что с нами нет Димки, – жалобно пробормотала Настя, в последний раз машинально оглядываясь назад, в бездонную шахту Озорника. – Я так скучаю...

– Перестань немедленно, – одернул ее Витя, у которого при горестных воспоминаниях на душе скребло когтями. – Не время сейчас и не место. Он свой выбор сделал, мы тоже. Посмотри лучше, как красиво...

И они замолчали, в волнении разглядывая удивительную и завораживающую поляну, на которую их вывела лестница в стене. Замерли на краю шахты, с пропастью за спиной, и задрали головы, потрясенно созерцая раскинувшееся кругом величие.

В первую очередь поляна отличалась от всех предыдущих тем, что ее «небо» не было плоским, как на обычных ярусах, в домах или квартирах, а являлось сводом купола. Высокий, изогнутый, тот визуально делал и без того просторный этаж еще огромнее. Никаких облаков под ним не было и в помине, а внимание приковывали лишь закрепленные по периметру зеркальные отражатели Светоча и потолочная чешуя, напоминавшая спину дракона из книг со сказками.

А еще тут не было Лифтов – совершенно. Ну, то есть кое-где во внешней стене виднелись двери, подобные той, из которой только что выбрались ребята. Но шахт, массивными круглыми колоннами вонзавшихся в небосклон, чтобы вынырнуть на вышестоящем этаже Спасгорода, не было совсем (ох, до чего же непривычным это зрелище показалось юным странникам!).

Все пространство удивительной поляны было усеяно сверкающими и переливающимися домами, имевшими по два, три и даже четыре этажа. Возможно, вы удивились, когда я назвал эти постройки сверкающими? Наши герои удивились не меньше. А затем присмотрелись и вдруг поняли, что ослепительными здания казались потому, что были выстроены из толстого и прозрачного стекла.

Из него в домах состояло все – стены, полы, лестницы и двери. Сияющее царство бликов, солнечных зайчиков и искусственных радуг – по-другому таинственный стеклянный городок было и не назвать. Некоторые дома размещались на обычном фундаменте (тоже стеклянном, как вы могли догадаться – через него с легкостью просматривались трубы систем отопления или водопровод). А некоторые были приподняты на могучих столбах, больше напоминая герметичные аквариумы, как бы висящие в воздухе.

Непрозрачными в жилищах оставались лишь туалеты и душевые кабины. Их стены тоже были изготовлены из стекла, но матового и непроницаемого. Также из этого материала оказались сооружены несколько комнат отдыха и сна, но таких тут встречалось очень немного.

Следующее, что заметили путешественники – отсутствие нормальной мебели. Они ведь без труда могли заглянуть в любой из уникальных домов, так? Вот им и показалось странным, что внутри нет диванов или кроватей, удобных кресел, в которых так уютно читать книгу или журнал. Не было кухонных гарнитуров, печей, книжных шкафов или мягких пуфов. В любом из строений, куда ни бросали взгляд близнецы, мебель казалась сплошь функциональной и простой: только стулья на колесиках, редкие кушетки и столы. А уж чем были заставлены эти столы...

Они были буквально завалены всевозможными ретортами, пробирками, микроскопами, склянками и банками, переносными центрифугами и еще целой кучей специфической лабораторной техники. Этого оборудования тут хранились настоящие горы – в каждой из стеклянных комнат, составлявших самую огромную лабораторию на свете.

И если на поляне не встречалось ни одного Лифта, то их отсутствие с лихвой восполнялось количеством эскалаторов. Их тут были десятки – они вели на верхние этажи трех и четырехэтажных домов, на их крыши и террасы. Широкие и узкие, грузовые и пассажирские, со ступенями и без, эскалаторы и травалаторы (это такие движущиеся тротуары) поднимались как в обычные здания, так и в изолированные, приподнятые над полом на опорах.

– Вот это да! – выдохнула Настя, зачарованно оглядываясь. – Как красиво...

Вокруг и правда было красиво, даже несмотря на то, что Лаборатория выглядела запущенной и давно не используемой. И пусть система Светоча работала только на половину мощности, а улицы, стены и ступени эскалаторов покрывал густой слой пыли, сверкание хрустального поселка ученых вызывало самые радостные и возвышенные чувства.

А еще тут оказалось тихо, как в музее или библиотеке, – тишину не нарушало ни гудение двигателей, ни скрежетание шестеренок, ни шипение пара. Только голоса двух детей, оказавшихся на пороге величайшего открытия.

– Да, красиво, – признал Виктор, жадно рассматривая установленные в стеклянных домах приборы. – Но мы должны спешить. Если Озорника уже допрашивают, скоро *они* будут тут, времени нет...

– Да, конечно! – поддержала Настя. – Но куда же нам идти? Тут все такое одинаковое...

– Посмотри на прибор, что дал тебе Афанасий Валентинович, – посоветовал мальчик.

– Ну, разумеется! Туда! – Его сестра указала в центр уровня (если вы помните, жители Спасгорода могли безошибочно угадать центр поляны, как некоторые из нас с вами могут наугад определить, где находится север или восток). – Стрелка указывает туда, хоть я и не понимаю, что это значит.

– Тогда идем, – решительно скомандовал брат, устремляясь вперед.

И они направились в самое сердце стеклянного городка, не переставая осматриваться и прислушиваться к пыльной тишине, давившей на сознание. В ней даже робкие детские шаги казались громкими и неестественными.

Путники все брели и брели между стеклянными зданиями, не решаясь приблизиться ни к одному из них. Брели и только жадно крутили головами, пытаясь угадать назначение странных агрегатов и механизмов, наполнявших прозрачные комнаты.

Теперь брат и сестра зашли в сам поселок – внешняя стена и аналог Пустыря остались позади, и со всех сторон наших путешественников окружали только сверкающие постройки. От их безлюдности, запустения и запыленности заботинцев начало охватывать чувство подавленности, незаметно пришедшее на смену восторгу и восхищению.

– Наверное, нам тут нельзя находиться, – осторожно заметила Настя, все время поглядывая на запястье с прибором.

– Можно подумать, нам можно было входить в Усыпальницу или на Реакторную Станцию, – едко ответил ей мальчик, стараясь не расчихаться от пыли. – Или выбираться на поверхность, ага...

И они двинулись дальше, сворачивая снова и снова, чтобы еще глубже проникнуть в центр этого чарующего и таинственного этажа. В лежалой пыли на полу оставались две цепочки их маленьких следов.

Переламываясь на острых стеклянных углах, близнецов окутывало легкое призрачное сияние, испускаемое Светочем. Все это было очень похоже на дивный сон, если бы не колкое ощущение опасности и тревоги, витавшее над Лабораторией.

– Я могу ошибаться... – Настя остановилась, внимательно наблюдая за подрагивающей стрелкой. – Но мне кажется, что теперь прибор ведет нас туда.

И она снова протянула руку, указывая на огромное (очень-очень большое, без преувеличения) здание в самом центре научного поселка.

Оно, как и многие постройки Лаборатории, не имело фундамента, а было вознесено ровно к центру купола на широких опорах (выполненных, нужно отметить, не из стекла, а из хромированного железа). Зато по площади прозрачный куб сильно отличался от остальных, обступивших его строгими кольцами. Отличался так, что сразу становилось понятно, что это *самое главное* строение, вроде Ратуши – в нем был всего один этаж, но гигантский, словно платформа, парящая над другими блоками Лаборатории.

Со всех сторон к Центральному Зданию вели эскалаторы, очень многочисленные и самые разные, сейчас спящие. А внутри, и это было заметно сквозь невидимый пол, оно напоминало настоящую головоломку – с множеством комнат, коридоров, переходов и дверей.

– Нам туда, – уже более уверенно сказала девочка.

Она вдруг испугалась одной только мысли, что, если бы не дикий прибор старого повара, они с братом могли бы целую вечность бродить среди стеклянных домов, не находя выхода.

– Надо подняться наверх, как я понимаю...

Но ребята не успели дойти даже до ближайшего эскалатора, потому что в следующую секунду случилось событие, ставшее первым звеном новой цепи напряженных, жутких, волнующих и героических происшествий, следовавших далее.

Где-то далеко-далеко, у самого края поляны, у внешней стены, куда выводили шахты Лифтов, послышался страшный шум. До центра долетело только его эхо, но окружавшая тишина позволила расслышать все в мельчайших подробностях. Металлический грохот, словно на пол уронили что-то тяжелое. Например, крышку люка, ведущего в технические отсеки стены...

Оба вздрогнули, разом окаменев.

Переглянулись, словно перепуганные зверьки, угодившие в ловушку. Витька побледнел, а Настя прикусила губу. Не сговариваясь, как это часто бывало в минуты стресса, они вдруг одновременно поняли, что из распахнутого люка на поляну пожаловали вовсе не Смотрители и Стражники.

На Лабораторию пришло что-то гораздо более дикое, неуправляемое и жадное. А спустя короткую вечность, проведенную в напряженном молчании, брат и сестра окончательно убедились в своих догадках, расслышав долетавший издали голос.

Оно говорило медленно, нараспев, словно пыталось на ходу срифмовать новую колыбельную:

– Я знаю, что вы здесь, мои хорошие! – Вкрадчивый женский голос дробился о стеклянные здания, отражался от чешуйчатого потолка и летел, казалось, со всех сторон одновременно. – Я чувствую вас, мои ненаглядные. Ну зачем же вы сбежали, натравив крысок? Зачем бросили голодную бабушку в Лифт, зачем сделали ей больно?

Девочка и мальчик смотрели друг на друга, не в силах поверить собственным ушам. Страх так крепко приковал их к месту, что они не могли сделать ни единого шага. А вкрадчивый женский голос тем временем становился все громче, решительнее:

– Я проделала такой долгий и сложный путь... Мне было нелегко, а вам? Как же долго я ждала, пока непослушные детишки снова сбегут из дома! Но я дождалась, мои хорошие. Дальше бежать некуда, мы на самом верху. И сейчас вы поплатитесь за обиды, которые нанесли бабушке Красе, сделавшей для вас столько добра!

Настя заверещала так громко, что разом разрушила ледяное оцепенение, сковавшее ее брата.

Тот вздрогнул от неожиданности (признать честно, от этого резкого, пронзительного крика чуть не обмочив штаны) и едва не упал, отшатываясь. Анастасия продолжала вопить, не в силах остановиться от ужаса, охватившего ее в этот миг.

– Теперь я слышу вас, мои хорошие! – неслось со всех сторон. – Раньше я только ловила ваш вкусный запах, его не спутаю ни с чем. А теперь еще и слышу вас, мои драгоценные детишки! Оставайтесь на месте, я сейчас приду...

Подскочив, Витька звонко (он постарался, чтобы вышло не слишком больно) хлопнул сестру по щеке, заставляя замолчать.

Теперь девочка, будто механическая рыбка, смотрела брату прямо в глаза, хлопая светлыми ресницами и разевая рот в беззвучной мольбе. Она так хотела сказать ему, что этого не может происходить на самом деле. Она так хотела попросить Витеньку сделать хоть что-то, чтобы защитить их от страшной бабки Красимиры, сумевшей снова отыскать их в таком огромном городе. Но не могла. Потому что в легких кончился воздух, а новый Настя безуспешно силилась втянуть сквозь сковавший тело спазм.

– Дыши, дуреха!

Мальчик развернул ее к себе спиной. Обхватил обеими руками и резко надавил на грудь, заставив охнуть и с шумом вдохнуть.

Едва обретя возможность дышать, девочка покачнулась, словно была готова рухнуть без чувств. Но Виктор подхватил под руку, быстро сверившись с показателями прибора на запястье сестры.

– Бежим, Настюха, не время раскисать! – яростно зашипел он.

И она услышала. И все поняла.

Медленно, затем все быстрее и быстрее задвигались ожившие ноги, перебирая по полу. С усилием (присущим большинству отважных детей Спасгорода) взяв себя в руки, девочка больше не висела на плече брата безжизненным кулем.

Глубоко вдохнула, затем еще раз, почти приходя в себя. И через несколько мгновений оба во всю прыть неслись к ближайшему эскалатору, уводящему наверх – к Центральному Зданию.

– Что же нам делать? – силась восстановить дыхание, прохрипела Настя. – Мы же всего лишь дети! Как нам наконец избавиться от этой ведьмы? Уже третий раз она грозит нас съесть! Уже третий раз мы не можем убежать!

– Не бойся... – тяжело дыша, Витя чуть не споткнулся. – Мы обязательно что-то придумаем!

И он, пусть в этом и не крылось большого смысла, вынул из сумки старый нож, что дала им с собой Робкое Перышко.

Конечно, все, что умел делать с ножом мальчик, это порезать хлеб или выстругать из пластика свистульку. Но потертая рукоятка в ладони придавала ему уверенности, и одного этого сейчас было больше, чем достаточно. В конце концов, в прошлый раз оборотня прогнали обычные крысеныши, вооруженные палками и ножиками!

– Я сумею защитить тебя, – убежденно пообещал Виктор сестре, лихорадочно озираясь.

В этот момент они подбежали к эскалатору, застыв в нерешительности. Тот был узким и таким высоким, что от его начала до дверей в Центральное Здание детей отделяло не меньше двадцати метров.

Мальчик первым шагнул на ступени.

В этот же миг эскалатор ожил, зашевелившись под его ногами. Со скрипом активировались скрытые моторы, лента со ступенями дернулась вверх, затем обратно. Рывки механизма были похожи на неуверенные движения просыпающегося человека. Не используемый уже долгие годы, транспортер дождался пришествия людей, вновь приступая к исполнению своих обязанностей.

– ...Рад приветствовать вас на пути к Центальному Модулю исследовательского блока, – неразборчиво зашипели динамики, установленные слева и справа от подвижных резиновых перил. – Напоминаем вам, что при работе с потенциально опасными веществами или субстанциями каждый сотрудник обязан пройти дезинфекцию, прежде чем покинет здание Центрального Модуля...

Голос эскалатора становился то громче, то почти затихал, будто старая испорченная запись. Но движение транспортера наконец стало ровным – ступенчатая волна плавно потекла вверх.

– Внимание, эскалатор! – Витька нагнулся над перилами, всматриваясь в динамики, но никак не находя микрофона. – Человеку угрожает опасность! Немедленно принять меры!

– ...напоминаем, что в случае обнаружения на вас чужеродных элементов, вы будете незамедлительно помещены в карантинную камеру для экстренной обработки, – монотонно продолжал эскалатор, будто не слышал требовательных слов юного спасгородца. – Руководство Лаборатории советует своим сотрудникам максимально тщательно подходить к вопросам дезинфекции. Напоминаем вам, что...

Он все бубнил и бубнил, почти неразличимо на фоне скрежещающих моторов, и Витя в отчаянии оглянулся. Звук заработавшего механизма казался настолько чужеродным в этом царстве тишины и умиротворения, что был страшен сам по себе.

Настя, как оказалось, за это время окончательно справилась с собой.

– Он не услышит, братик. – Девочка внимательно осмотрела динамики и надписи под ними. – Он не живой, это всего лишь автомат... робот, каких делали еще во времена строительства Спасгорода. Он не поможет нам, это не Лифт...

Теперь Виктор понял это и сам. Спohватившись, взглянул на медленно ползущую вверх ленту транспортера. Слишком медленно...

Сцапав сестру за рукав, мальчик бросился бежать, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

– Напоминаем вам, что бег по эскалаторам является нарушением правил техники безопасности, – бесстрастно продолжал свою лекцию эскалатор. – Запрещена перевозка тяжелых грузов и опасных материалов. Для этого вы можете воспользоваться специальными подъемниками, расположенными в зеленом секторе Центрального Модуля...

Но беглецы уже не слушали бездушную машину, не имевшую собственного процессора. Запыхавшись, но не давая себе передышки, они грохотали ботинками, все выше поднимаясь над чудесным стеклянным поселком, в котором когда-то трудились целые сотни, а может, даже тысячи ученых.

– Вон она! – обернувшись, истерично взвизгнула Настя, тыча рукой куда-то вправо.

И правда, среди прозрачных домов мелькнула размытая черная тень.

Очень близко.

Опасно близко к эскалатору, по которому поднимались двое ее обидчиков.

– Баба Крася тут, гадкие дети! Съем вас! – уже в полный голос, больше не стараясь говорить нараспев, закричала старуха откуда-то из-за угла. – Сожру целиком, даже косточки пережую! Не уйдете, гаденыши!

Грязные, пыльные и уставшие близнецы наконец достигли дверей висящего в воздухе

здания, которое эскалатор назвал Центральным Модулем. Двойные створки были широкими, с резиновым краем-окантовкой, обеспечивавшим полную герметичность.

– А если они заперты? – в ужасе опомнилась Настя.

Браслет на ее руке вдруг зажужжал. Обменялся с постройкой сигналом, а затем стеклянная дверь с шипением расплзлась в стороны.

Пыль, годами оседавшая на дверной коробке, лавиной посыпалась вниз, небрежным росчерком перекрашивая светлые волосы детей в серый цвет. Задержав дыхание, чтобы не расчихаться, наши герои бросились сквозь эту пыльную завесу, наконец-то оказавшись внутри.

А внизу, на входе на эскалатор, уже появилась баба Крася.

Причем больше не пытавшаяся казаться милой бабушкой.

Окончательно сменившая личину и бросившаяся мстить...

Сейчас она трансформировалась еще сильнее, чем во время их первой схватки, теперь напоминая не то муху, не то огромного паука на четырех проволочных ногах. Задрвав огромную уродливую голову, оборотень радостно заверещала, прыгая по движущимся ступеням. Размеренный голос механизма продолжал наставительные рассказы о правилах пользования Лабораторией.

– Как ее закрыть? – лихорадочно осматривая стеклянные стены в поисках планшета управления, взывала девочка. – Прибор открыл вход, но я не знаю, как закрыть его обратно!

– Некогда! Бежим! – приказал Витька, молниеносно сориентировавшись в ситуации. – Или будет слишком поздно, мы не успеем найти пульт!

И они ринулись в глубь Центрального Модуля.

Стеклянный пол оказался очень скользким, и ударающие чуть не упали друг на друга, сразу же столкнувшись. Устояли, ойкнув и придерживаясь за стены. Миновали просторный коридор с множеством дверей, за которыми скрывались комнаты с микроскопами и другим оборудованием.

Прозрачность постройки сбивала с толку. Взгляд никак не мог сфокусироваться на одной точке, а оттого Модуль казался беспорядочным нагромождением стеклянных закутков, перегородок и выходов. Близняшки свернули в новый коридор, толкнули ближайшую из дверей. Та поддалась, мягко качнувшись на прорезиненных петлях.

Старуха-оборотень в это время уже добралась до середины эскалатора. Она двигалась быстро и уже наверняка смогла бы настичь своих жертв, если бы не укороченная передняя лапа, которую чудовище болезненно привлекало.

– Постойте, мои хорошие, – продолжала выкрикивать баба Крася, капая едкой слюной на подвижные ступени. – Вам все равно не уйти от меня. Куда же вы, мои аппетитные? Думали, я испугаюсь каких-то крысиных угроз и оставлю надежду изловить обидчиков? Теперь вас всего двое, и вам конец!

Коридоры из стекла сменялись новыми коридорами. Одну за другой ребята миновали комнаты Модуля, скользя по полу и едва не сшибая (сдвигая с положенных мест, когда хватались за края, чтобы не упасть) заставленные пробирками столы. Что-то падало и разбивалось, но беглецы не замечали, что именно. Внутренние двери не имели замков или систем защиты и легко распахивались под давлением детских рук.

Паучиха ворвалась в Модуль, застыв на пороге и приняв хиваясь.

Казалось, что пересечение сотен стеклянных граней, отражавших сияние Светоча, сбивает с толку и ее. С того места, где сейчас находились наши герои, Красимира представлялась огромным бесформенным силуэтом. Пятном ожога, черневшим на сверкающем фоне иллюзорно-хрупкого дома.

– Не останавливайся, – взмолился Витька, снова хватая сестру за руку. – Бежим, тут должно быть укрытие!

– Как мы сможем спрятаться в этих прозрачных стенах? – Настя, совершенно обессиленная после карабканья по шахте и очередного марафона, тяжело дышала. – Даже за матовым стеклом душевых камер она найдет нас по запаху!

– Ничего, – шумно сопя, продолжал твердить брат, еще крепче сжимая рукоять ножа. – Главное, не сдаваться! Бежим!

И они побежали вновь, не зная точно, куда.

Бегство стало их родичем, полноправным членом семьи. Оно пропитало каждую клеточку их организмов, стало смыслом жизни. Бегство от червей, потом от крыс, от оборотней и призраков, от солдат и мутантов, Стражников и обезумевшего циркача, надзирателей и кладбищенского уныния, искрометов и сектантов, от соблазнительной свободы Ходящих По Стенам...

Они бежали и бежали, распахивая толстые стеклянные двери, стараясь запутать следы и оказаться как можно дальше от проникшего в Модуль чудища.

Выскочили в зал, имевший балкон по всему периметру стен (такие внутренние балконы называются галереями). Под галереей плотным строем теснились узкие камеры, похожие на тюремные – они сразу заставили вспомнить мерзкий зоопарк Летней Ярмарки. В центре холла возвышался нарост массивных пультов, провода от которых струились вниз, прячась в хромированных опорах Модуля.

– Тупик! – закричала Настя, но было поздно.

В дверях зала, в который они только что вбежали, уже чернело что-то страшное, четырехное, с бесформенной уродливой головой. Один глаз хищницы по-прежнему не блестел, затянутый блекло-розовой мембраной, но второй живо вертелся на месте, осматривая все вокруг. Ожог на страшной морде давно покрылся твердой безобразной коркой.

– Ну вот вы и попались, мои славные, – нежным женским голосом протянула баба Крася.

И оттого, что отвратительный оборотень говорила обычным человеческим языком, стало еще страшнее. Звук лился откуда-то из нижней части ее мохнатой головы, точно из-под острых хитиновых жвал, которыми старуха разрывала пищу на куски.

– И зачем было бегать? Бабушка Красимира все равно поймала вас, мои ненаглядные. Ах, как долго я ждала этой минуты. Как мечтала о ней в гадком Лифте. Как страдала, когда меня гнали прочь злые крысы и стрелометы. Как же славно мы сейчас попируем... Одного из вас я усыплю своим дыханием, а второй станет обедом. Выбирайте, шалуны, кто заснет, а кто умрет?

И гигантское насекомое проникло в зал, противно переступая когтистыми ножками по стеклянному полу и оставляя на нем глубокие царапины. Витька и Настя, вцепившись друг в друга, только постанывали, спинами упершись в одну из дверей тесных исследовательских камер.

Брат выставил перед собой старенький нож, но рука его предательски дрожала, отчего лезвие гуляло из стороны в сторону. Однако храбрецу не пришлось использовать (или даже пытаться использовать) свое оружие...

– Я хочу быть первым! – звонко разлетелся по прозрачному помещению смелый мальчишеский голос. – С меня начини, уродина! Если осмелишься, конечно!

И наши герои охнули, обернувшись в сторону этого дерзкого вызова.

Витька вскрикнул: не то от радости, не то от ужаса. А Настя вдруг расплакалась, но на этот раз слезами счастья и совсем нежданного облегчения.

Потому что в одной из крохотных кабинок, совсем близко от старухи-паука, стоял их брат Димка. Стоял спокойно и уверенно, будто не замечал, что от чудовища его отделяют считанные шаги и распахнутая стеклянная дверь. Над его головой (где-то на балконе-галерее) что-то темнело, но дети не успели рассмотреть, что именно – они неотрывно глядели на брата, которого считали навсегда потерянным.

– Ты вернулся, братик! – воскликнула Настя.

– Димка, осторожно! – запоздало ужаснулся Витька, наблюдая, как оборотень поворачивается к смельчаку.

– Ага, вот и третий хулиган, – пропела бабушка Красимира, медленно и хищно

приближаясь к рядам камер. – А я-то уж думала, без десерта останусь... Нет, мои хорошие, не останусь, всех слопаю. Переловлю и слопаю, и вас, и других... Ну давай с тебя и начнем, храбрый ты наш!

И она вдруг бросилась в атаку, протягивая передние лапы, заканчивающиеся когтями.

Настя опять вскрикнула, закрывая лицо руками. Витя выронил нож и побледнел, как простыня. Их брат, так неожиданно вернувшийся к своим родным, сейчас должен был погибнуть прямо у них на глазах. Быстро, неотвратно. Смелый, отчаянный Димка, дарящий Виктору и сестре еще один шанс на бегство...

Но Дмитрий оказался не так прост, как подумали все, в том числе и Красимира.

Едва паук ворвался в тесную камеру, краем панциря захлопнув и запечатав за собой герметичную дверь, мальчишка вдруг взлетел в воздух, исчезая в крохотном потолочном люке.

И только сейчас Витька (Настя всего этого видеть не хотела и не могла) разглядел, что над головой его брата стоят, крепко упершись ногами в края отверстия, трое или четверо взрослых.

Ходящие По Стенам!

Они резко, одним слаженным рывком потянули на себя тонкую веревку, привязанную к поясу Дмитрия. Взмыв над протянутыми к нему когтями чудовища всего в нескольких сантиметрах, тот юркнул в люк, а один из Ходящих тут же захлопнул крышку ногой и, не мешкая, защелкнул железную задвижку.

Наверное, если бы оборотень не была столь опьянена охотой или жаждой мести, то смогла бы рассмотреть людей, стоявших на потолке кабины. Рассмотреть и почуять подвох, ловушку, что приготовили для нее отважные воздухоплаватели.

Но Красимира была слишком зла, уверена в своей победе и очень голодна. А потому не видела ничего, кроме маленького мальчика, в буквальном смысле слова улетевшего из ее когтей.

Осознав, что снова оказалась заперта в узкой и тесной камере (правда, теперь со стеклянными стенками), старуха начала бесноваться. Она то пыталась превратиться обратно в человека; то пуще прежнего скрежетала зубами; то с воем кидалась на переборки и дверь. Теперь баба Крася уже не причитала и не бахвалилась – теперь она рычала диким зверем, мечась по пустой комнатке так, что та ходила ходуном.

– Вы за это заплатите, обманщики! – рычало чудище. – Я всех вас сожру! Проклятые хулиганы, обманули бабушку! Сначала сделали больно, потом посадили под замок, потом чуть не застрелили, а теперь снова изловили в капкан! Я выберусь отсюда, вот увидите! Я всех, всех вас съем!

И она принялась с новой силой кидаться на створку из толстого и прочного стекла. *Бум, бум, бум* – удары ее тела о прозрачную преграду были ритмичны и страшны, во все стороны летела вязкая слюна.

А Ходящие По Стенам, уже не обращая внимания на пойманную тварь, прошлись по кольцевой галерее, оказавшись прямо над головами Витьки и Насти. Улыбаясь детям, они спустились с балкона по сверкающим ступеням. А Дима все же не удержался, вырвавшись вперед...

– Настя! Витька!

– Димка!

Они бросились навстречу, обнимаясь и хлопая друг друга по плечам. Теперь ревели все трое, но это были слезы встречи, слезы радости и облегчения.

– Как ты тут оказался? Как *они* тут оказались? – все еще не в силах поверить в спасение, восклицал и восклицал Витька, рассматривая вновь обретенного брата.

– Ты такой хороший и храбрый, Димочка... – уткнувшись в его плечо, всхлипывала девочка. – Я знала, что ты нас не бросишь. Знала, что вернешься. Ты сдержал обещание, и мы придем домой все вместе!

– Я и правда не смог... – размазывая по загорелому и обветренному лицу соленые

капли, шмыгал носом Дима, изо всех сил старавшийся казаться невозмутимым. – Сам же ведь в Библиотеке говорил, что нельзя своих бросать! Вы ушли, а я за вами через какое-то время... Мне Ходящие помогли! Попали в Сонник, а там дядька этот из моего сна, Афанасий Валентинович...

– Да, Афанасий Валентинович! – радостно подтвердил Витя. – Это он нам дверь показал!

– Ага, знаю, он мне все рассказал! – взхлеб делился переживаниями Дмитрий. – И летчикам все рассказал, они поверили. Мы опять наружу, на планеры – и пулей сюда! А когда на поляну попали, услышали, как старуха эта... – Он с отвращением покосился на оборотня, все еще лупящего в непробиваемую стену. – Как она вас ищет. Ну, вот мы и тут. Эти смельчаки могут где угодно лазейку найти, они настоящие герои! Ой, как же это все здорово! Как же я рад вас видеть!

И они вновь и вновь обнимались под понимающими и теплыми взглядами Ходящих По Стенам. Тут был и Летяга Старший, и даже сам Канат, и еще двое кочевников, имена которых знал только Дима. Воздухоплататели тактично держались в стороне, оставаясь начеку и держа в поле зрения подходы к комнате.

– Идемте же! – вдруг спохватился Витька, отстраняясь. – Нам еще нужно так много сделать... Только мы пока не очень знаем, что именно... Но надо спешить! Озорника они схватили, скоро могут прибыть сюда!

– Озорник! – оживился его брат. – Он цел?

– Был... его перехватили, но он успел нам снова помочь.

Взрослые обменялись встревоженными возгласами, но уточнять пока ничего не стали.

– Туда нужно, – вставила Настя, вспомнив про прибор на запястье и торопливо посмотрев на него. – Вон туда показывает.

– Туда? – наконец подал голос Канат, ставший серьезным. – Ты уверена, девочка?

– Да, стрелка прямо прилипла!

– А те, кто схватил Озорника, это ведь Смотрители, так? – уже зная ответ, все же поинтересовался Летяга.

– Да, наверное, – кивнул Витя, разглядывая спасителей и со смущением понимая, что пока не успел даже поблагодарить их.

– Ну что ж, – веско обронил Канат, оборачиваясь к своим. – Если уж начали, отступать – не дело. Поможем ребятам, если сумасшедший с Сонника в них так верит?

И остальные Ходящие решительно кивнули командиру в ответ. Они были такие рослые, загорелые, уверенные в себе, что детям сразу стало легче и чуть спокойнее.

– Веди, девочка, – попросил Канат, с любопытством поглядывая на ее браслет. – Как я понимаю, маяк направляет тебя к Анализатору?

– Анализатор? Что это? – вскинулся Виктор, мгновенно позабыв про смущение.

– Это центральная часть Лаборатории. Чудо-машина, мозг всего города, – ответил Летяга. – Но Смотрители разобрали ее, уничтожив детали, необходимые для запуска. А потому она мертва... Но если вы все же хотите к ней попасть, нужно спешить. Эти стены прочны, но я не уверен, что они надолго задержат тварь...

И все обернулись к узкой камере, в которой продолжала беситься старуха, превратившаяся в чудовище. Обернулись, и Настя вскрикнула – потому что первой заметила сеть крохотных трещин, расплзавшихся по стене, в которую с рычанием и руганью долбило тяжелое тело оборотня. Если уж та смогла вскрыть кабину Великосветского Гранда... Как это ни прискорбно, но перед нечеловеческой силой зверя могло не устоять даже самое крепкое стекло.

Покинув зал (с опаской оглядываясь на пленную бабу Красю), взрослые и дети зашагали по коридорам Модуля, не сводя взглядов с прибора на Настином запястье. А та вытянула руку вперед, чтобы было видно всем, и шла первой, словно поводырь.

Скрипя подошвами по стеклянному полу, они сворачивали и сворачивали, оставляя за спиной одинаковые кабинеты с хитроумными лабораторными приспособлениями, открывали

новые и новые двери. Рев оборотня за спиной становился тише, а ее черная тушка все тускнела и тускнела, загораживаемая наслоениями стен, и через какое-то время совсем пропала из виду.

А вот впереди, по ходу движения отряда, света наоборот становилось все больше. И совсем скоро Витька верно предположил (поделившись соображениями с остальными), что они приближаются к просторному залу с очень высоким потолком. Помещение оказалось настолько воздушным, легким и невесомым, что создавало иллюзию полета, заставляя сердце замирать.

С помощью браслета отперев сразу три двустворчатые двери, шлюзом расположенные одна за другой, наши путешественники вошли в этот чудесный зал, в восхищении вертя головами.

– Вот он, – с придыханием сказал Канат, указывая в центр зала, но близнецы все поняли и сами.

Там, возносясь почти к потолку, стояла массивная машина – Анализатор, о котором несколькими минутами ранее им поведал Ходящий По Стенам. Белоснежная, изготовленная из самого чистого и блестящего пластика, какой только доводилось видеть Вите, Насте и Димке, она была безупречно красива в каждом своем изгибе.

По ее периметру, словно пачка балерины, топорщились изогнутые пульта с множеством индикаторов и кнопок. Темнели экраны выключенных ламповых мониторов. Печатающие устройства не выдавали ленты отчетов, датчики были отключены. Создавалось впечатление, что машина спит (если бы не слова Каната, утверждавшего, что ее убили Смотрители).

А над экранами, планшетами, пультами и датчиками, венчая сердцевину машины (достававшей прозрачного потолка, как мы помним), находилась весьма странная панель. Любому из нас с вами она, безусловно, напомнила бы пчелиные соты, по неясной причине выкрашенные в белый цвет. Но детям Спасгорода, издревле строго изолированным от любых насекомых или животных, этот усыпанный отверстиями элемент мог напомнить лишь дуршлаг, через который мама промывает макароны.

Сверкавшие глянцевой белизной соты полностью опоясывали обтекаемый в каждом изгибе Анализатор, создавая на аппарате подобие кружевного воротника. От долгого взгляда на сотни пустых черных ячеек начинало мутить и кружилась голова.

– Мой прибор указывает точно на этот механизм, – сказала Настя, внимательно всматриваясь в стрелки браслета на своем запястье. – Кажется, мы пришли. Но я все равно не понимаю, что нам нужно делать...

Последнюю фразу она произнесла до того обиженно и устало, что Димка тут же приобнял сестру, стараясь приободрить.

– Не расстраивайся, сестренка, – начал было он, – сейчас мы обязательно разберемся, зачем...

Однако договорить мальчик не успел, потому что его перебили.

Грубо и бесцеремонно.

Причем таким злым и полным отвращения голосом, что хуже и не придумаешь.

– Вы больше ни в чем не разберетесь, мерзавцы, – произнес этот скрипучий противный голос, сразу показавшийся детям знакомым. – Вы сейчас же отойдете от Анализатора, ляжете на пол и положите руки на затылок! Предупреждаю, это касается всех, в том числе и малышню. У преступников, посягнувших на основы Спасгорода, нет возраста – наконец-то вы все понесете заслуженное наказание!

Все это было произнесено так быстро, желчно и сбивчиво, что наши путешественники даже не успели опомниться. А когда обернулись на смутно знакомый голос, то выяснили, что в зале с белоснежной машиной стало на семь человек больше.

Они вошли с противоположного конца просторного центрального помещения, миновав еще одни тройные двери. Пять рослых Стражников в черных пластиковых доспехах и шлемах, командовавшая ими высокая фигура в сером плаще, и...

Настя вскрикнула, от волнения ударив в ладоши.

Витька впился пальцами в переносицу, побледнев еще сильнее.

Димка нахмурился, невольно скрипнув зубами.

Потому что седьмым человеком, вошедшим в зал Анализатора, был Петр Петрович, их отец.

Старательно скрывающий стыд и страх, он послушно брел вслед за старшим Смотрителем (представьте себе, им оказался тот самый Карл, что приехал на персональном самокате к их дому тем далеким-далеким утром, с которого *все началось*), упорно не поднимая глаз. Ссутулившись, папа спотыкался через шаг и прятал руки в карманах ярко-красной куртки механика, будто на поляне было прохладно и неудобно.

– Я полагаю, вы все слышали приказ? Мой приказ! – все тем же скрипучим недовольным голосом продолжал Карл, откидывая мягкий темно-серый капюшон. – Немедленно ложитесь на пол, или моим солдатам придется применить силу!

Пятеро охранников, делом подтверждая слова Смотрителя, сделали шаг вперед, снимая с пояса короткие увесистые дубинки (они получили строгий приказ схватить мятежников живьем). Сам Карл остался за их бронированными спинами, презрительно разглядывая детей и Ходящих По Стенам.

Теперь стало хорошо видно его лицо – старое, морщинистое, неестественно вытянутое и покрытое болезненными рыжеватыми пятнами. Огромная залысина почти лишила Смотрителя волос, отчего тот казался еще более дряхлым и больным.

– Петр, немедленно прикажите своим детям лечь на пол, – надменно проскрипел человек в сером плаще, поеживаясь, будто от холода. – Вы пообещали мне, что проблем не будет...

И тогда Петр Петрович впервые за время пребывания в Модуле поднял голову, окатив сыновей и дочку усталым и полным горя взглядом.

Он был беспощадно подавлен, нерешителен и утомлен – это становилось заметно по темным кругам под набрякшими нижними веками, покрывавшей щеки щетине и опущенным плечам. А в глазах, и это ребята видели даже с расстояния в два десятка шагов, плескались безграничные отчаянье и грусть.

– Ложитесь на пол, родные мои, – негромко пробормотал он, косясь на Смотрителя Карла. – Я обещаю, все будет хорошо. Когда это закончится, все точно будет хорошо... Произошла ошибка, страшная ошибка. Но мы справимся, мне пообещали очень высокопоставленные люди. Дали самое честное слово. А теперь поднимите руки на затылки и ложитесь на пол... Пожалуйста.

И он снова ссутулился, опуская голову.

Уставший и съежившийся, сейчас он был настолько не похож сам на себя, что нашим героям стало жутко. Обыкновенно уверенный в себе и целеустремленный, с расправленными плечами и полным мудрости взглядом, в этот миг их папа выглядел сломленным и раздавленным, будто старая кукла под колесами самоката. Их любимый папа, ради помощи которому они и отважились на это долгое и полное опасностей путешествие...

Его губы еще что-то шептали, словно заклинание повторяя одни и те же слова. Но тройняшки уже не слушали. Переглянувшись, они разом кивнули, а Витя сделал шаг вперед, не обращая внимания на приближавшихся Стражников.

– Нет, папа, мы не ляжем на пол, – негромко произнес он, но акустика зала заставила фразу звучать втрое сильнее и звонче. – Ты до сих пор слишком многого не знаешь, поверь. Тебя обманывают, как обманывают всех жителей Спасгорода! Уже многие годы!

Голос мальчика креп, становился все громче, и Дима с Настей заметили, как морщится при его раскатах Смотритель. Морщится и кривится, будто ест что-то гадкое. Обернувшись через плечо, Карл бросил на Петра Петровича гневный взгляд, призывая немедленно разобраться с непослушными отпрысками.

– Я приказываю вам, – все еще не поднимая головы, громко прошептал тот, съеживаясь еще сильнее. – Я не хочу вас снова наказывать. Но мне придется это сделать, если не

послушаетесь... Я ваш отец, и вы должны меня слушаться. Все не так просто, как могло показаться. Сдавайтесь...

– Нет, папа, все очень просто! Мы знаем, зачем этот человек возил тебя на Реакторную Станцию! – упрямо продолжал Витька, сжав кулаки, а его брат и сестра придвинулись еще ближе, давая понять, что готовы поддержать каждое сказанное слово. – Знаем про отключенные Мглистым или запуганные Конклавом Лифты! Знаем про детей, которых родители продают на Свалку! Знаем про Интернат и Казарму, про секретные склады на Амбаре! Знаем про тайну, которую прячут Смотрители!

– Немедленно замолчать! – завизжал Карл, отчего рыжие пятна на его лице стали еще ярче. – Петр, сейчас же заткни своих хулиганов, или это придется сделать моим людям! А вы! – Он перевел злобный взгляд на Ходящих По Стенам. – Сдавайтесь незамедлительно, или вас ждет крайняя мера наказания...

Мужчины, стоящие за спиной у наших смельчаков, хмуро переглянулись.

– Мы уже достаточно бегали, – негромко сказал Канат своим товарищам, презрительно игнорируя подкрадывающихся Стражников. – Но эти детишки заставили меня задуматься. Мы можем бежать всю жизнь, но однажды наступит момент, когда придется выбрать – удирать снова или встретить свою судьбу. Что предпочтем на этот раз, друзья?

И пусть ребята сейчас стояли к Ходящим По Стенам спинами, они смогли почувствовать и представить, как кочевники решительно кивнули старосте.

– Это мы еще посмотрим, кому хуже будет, сморчок ты плюгавый! – широко и недобро улыбнулся Смотрителю Канат, вытягивая из-за пояса обрезок железной трубы.

Остальные Ходящие тоже вынули дубинки.

– Ты ведь сам боишься, а, плешивая крыса?! – бесстрашно скалился вожак воздухоплателей, разминая шею и плечи. – Боишься, что тебя и твоих дружков разоблачат обычные школьники, не так ли? Молчишь?! Так я отвечу за тебя – да, боишься больше всего на свете! Так бойся еще сильнее, потому что я собираюсь помочь этим детишкам и положить обману конец...

И Ходящие По Стенам, держась плотным строем, первыми бросились на Стражников, немного опеших от такой храбрости и напора. Два отряда сцепились ровно посередине зала, прямо возле Анализатора, дубася дубинками и швыряя друг друга об стеклянный пол. Четверо на четверо, восемь взрослых мужчин, сражавшихся молча и самоотверженно.

Изредка кто-то из летчиков вскрикивал, когда солдатская палица находила свою цель. Звенел металл, заставляя пластиковые щитки трескаться и разлетаться на части.

Пятый гвардеец, вместо того чтобы тоже броситься в схватку и помочь своим, вдруг оказался подле детей. Высокий, в скрывавшем лицо шлеме и матовых сложносоставных доспехах (ах, до чего же остро в этот миг близнецы вспомнили цирк, где такой же Страж чуть не схватил всех троих!), он казался жутким роботом, а совсем не человеком.

Наклонился, вцепляясь в Витькину руку, и тот вскрикнул от боли и неожиданности.

– Хватай их всех! – подпрыгнул на месте Карл, радостно потирая ладони, тоже покрытые рыжеватыми пятнами болезни. – Тащи их сюда!

Все произошло настолько быстро, что Настя сперва растерялась, потрясенно наблюдая, как гвардеец Гильдии поволок ее брата прочь. А вот Димка, стоявший справа от девочки, справился со своим удивлением почти сразу.

– А ну отпусти его, гад! – вдруг завопил он, бросаясь на солдата.

Обхватил его правую руку и стал изо всех сил пинать Стражника по бронированному бедру. Мужчина покачнулся, с удивлением разглядывая храброго мальчишку. И уже безжалостно замахнулся свободной рукой, но тут к схватке уже присоединилась и сестра.

– Отпусти братика, ты, уродина! – Она резво прыгнула прямо на спину гвардейца, цепко опутывая того за шею и бока, окованные армейской пластмассой. – Немедленно отпусти нашего Витьку!

– Ай! – вскрикнул Виктор, отлетая в сторону и падая на бок.

Сбитые очки закрутились по стеклу пола, чуть не разбившись.

Атакованный сразу с двух сторон, посланный арестовать детей Страж невольно разжал пальцы, теперь пытаясь ухватить новую жертву. Но с вертким Димкой этот номер не прошел – тот все еще продолжал скакать вокруг гвардейца, осыпая его пинками и ловко уворачиваясь от протянутых рук. Помогала и девочка, висющая на спине Стражника и старательно закрывающая ладонями черное забрало шлема.

– Витька, быстрее к Анализатору! – пронзительно закричал Дима, азартно награждая солдата новым пинком. – Мы его задержим! А ты придумай что-нибудь, ты сможешь!

Поднимаясь на ноги, Витя ошеломленно осмотрелся, машинально подобрал очки.

Вокруг него кипело настоящее сражение – носились люди, сыпались удары, слышалось шумное дыхание и редкие вскрики. Вопили Димка и Настя, все еще не дававшие своему противнику опомниться, что-то продолжал истерично выкрикивать Смотритель.

С обеих сторон появились неизбежные потери. Один гвардеец упал на спину, безвольно раскинув руки, но и первый из Ходящих По Стенам (его имени двое близнецов так и не успели узнать) без чувств завалился на колени, сжимая руками окровавленную голову. И только сейчас, разглядывая их неподвижные тела, Виктор вдруг заметил огромную эмблему, размещенную в самой толще стеклянного пола.

Пастушеский посох с крючком на конце пересекался с мечом, направленным острием вверх. Оба предмета располагались поверх рыцарского щита, а в самом центре композиции была нарисована горящая свеча.

Огромная лента с девизом, на которой сейчас стоял мальчик, пестрела буквами: «Постигай, направляй, защищай – во имя Возрождения». И в этот самый момент, уставившись под ноги на здоровенную свечу, олицетворявшую собой науку, Витька вдруг понял, что именно должен сделать.

– Держитесь! – закричал он брату и сестре, передвигая со спины на живот сумку, подаренную Перышком. – Кажется, я все понял!

Но в тот момент никому из них – ни Димке с Настей, ни Стражникам, ни Ходящим По Стенам, ни Смотрителю или Петру Петровичу – так и не удалось узнать, что же именно понял Витя...

Потому что двери, ведущие в зал Анализатора, вдруг с грохотом распахнулись. Отлетели на мягких петлях, да так сильно, что с лязгом врубились в специальные стопоры. Столь мощного удара не выдержало даже прочнейшее стекло створок, осыпавшись блестящим шумным дождем и посверкивая сотнями искусственных бриллиантов.

А на пороге, тяжело дыша и истекая слюной, стояла Красимира, все-таки сумевшая выбраться из своей новой тюрьмы. Мохнатое тело гигантского насекомого покачивалось на длинных ногах, сотрясаемое крупной дрожью усталости и злости. Голова, словно биологический сканер, медленно и плавно поворачивалась из стороны в сторону, а единственный зрячий глаз внимательно оценивал опасность, которую могли представлять люди в зале.

– Вот вы где спрятались, негодники? – искаженным женским голосом сказала чудовище, вползая внутрь. – Плохие дети опять нашли себе друзей, чуть не заточивших бабушку в тюрьму? Думали, стекляшки крепкие? Ай-ай, какие нехорошие взрослые, какие нехорошие и упитанные... Ну да ничего, теперь у бабушки Краси припасов хватит на долгое время...

И насекомое клацнуло страшными жвалами, когтем прочертив перед собой в полу глубокую борозду.

Схватка, только что кипевшая вокруг Анализатора, мгновенно стихла.

Противники расцепляли объятия, отпуская друг друга, с ужасом и отвращением оборачиваясь к дверному проему, в котором чернела туша оборотня. Петр Петрович побелел, как пластик, из которого был изготовлен главнейший прибор Спасгорода. Дряхлый Карл задрожал и попятился.

Даже пятый Стражник, все еще пытавшийся сбросить с себя Настю или схватить Димку, замер на месте, молча разглядывая проникшую в зал тварь. Воспользовавшись его

замешательством, дети наконец оставили солдата в покое, отбежав от него на несколько шагов и сбившись в кучку.

Витька, сунувший руку в дорожную сумку, так и остался неподвижен, с открытым ртом наблюдая очередное возвращение бабушки Красимиры.

– Что это за дрянь?! – визгливым криком нарушил образовавшуюся тишину Смотритель. – Уберите эту тварь немедленно!

Стражи, еще не опомнившиеся от стычки с Ходящими По Стенам, в ужасе переглянулись, не торопясь исполнять новый приказ. Воздухоплователи, в свою очередь, также не спешили возвращаться в драку, обмениваясь вопросительными взглядами и не упуская из вида новую угрозу.

– Сейчас полакомимся, – жадно пробормотала Красимира, устремляясь вперед.

И тут началось такое...

Я мог бы назвать произошедшее в следующие минуты хаосом, бардаком или даже безумием, но и это не отразило бы реального положения дел. Если вы помните битву в цирке Летней Ярмарки, то вам есть, с чем сравнить. Но уверяю – при сопоставлении со случившимся в Центральном Модуле Лаборатории та драка была мила и последовательна...

Все перевернулось с ног на голову, а потом обратно с головы на ноги.

Враги, только что лупившие друг друга дубинками, вдруг стали невольными союзниками, теперь отбиваясь от огромной паучихи, бросившейся в атаку на всех сразу.

Шипя и лязгая челюстями, та металась по залу, сумасшедшими скачками налетая то на Стражей, то на Ходящих По Стенам. Сбивала человека с ног, пытаясь укунить или ранить когтем, но тут на нее наваливались новые противники, и оборотень отпрыгивала. Все это время она что-то бормотала и напевала, выпучив фасетчатый глаз и яростно им вращая.

При этом нужно отметить, что (в суматохе невольно сталкиваясь лицом к лицу) кочевники и гвардейцы даже не подумали прекратить сражаться друг с другом. Стоило чудовищу отступить, давая людям передышку, как те начинали дубасить друг друга с новой силой, одновременно стараясь не угодить на огромные зубы Красимиры.

Карл прыгал на месте, размахивая руками и что-то вопя. Случайного взгляда на его длинное побагровевшее лицо хватало, чтобы уверенно предсказать, что сейчас Смотрителя хватит настоящий удар. Петр Петрович за спиной старика только хлопал ресницами, не в силах вмешаться в ситуацию. И каждый раз бледнел чуть сильнее, стоило оборотню приблизиться к детям.

Как же повели себя в начавшейся чехарде наши герои, спросите вы?

Ответ вряд ли удивит – они побежали.

Зная, что в первую очередь оборотень пришла в центральный зал именно за ними, близнецы бросились бежать по гладкому полу с шикарной вмурованной эмблемой, ускользнув прямо из-под носа пятого Стражника.

Таким образом, стоило завязаться всеобщей свалке, юные заботинцы оказались на противоположной стороне Анализатора, с испугом и надеждой наблюдая за новым этапом сражения.

А затем Витька (переведя дух и немного оправившись от шока, вызванного очередным появлением Красимиры) все же вспомнил, зачем полез в свою сумку. Немного пошарив в ней, он достал и крепко сжал в кулаке то, ради чего все трое пришли к подножию могучего и умного прибора под названием Анализатор.

Глава девятая, заключительная, в которой решается участь целого города, а кое-кто возвращается в семью

– Вот, – запыхавшись от бега, пробормотал Витя, поправляя очки. – Вот что мы должны сделать!

Настя и Димка жадно ловили каждое слово, глядя на брата, как малыши на празднике –

на фокусника, вынимающего из шляпы разноцветные ленты.

– Смотрите! – Мальчик с благоговением погладил белоснежное металлическое яйцо, подаренное Афанасием Валентиновичем. – Раздери меня Птица, если это не фрагмент Анализатора!

– Кажется, я уже видел подобное... – Димка нахмурился, припоминая. – Это же часть разведзонда. Малышня Ходящих играла с такими, только сломанными. Разбитыми, как скорлупки...

Три детских взгляда устремились вверх, изучая пористый «воротник», опоясывавший установку на высоте поднятой руки. Действительно, многочисленные отверстия, превращавшие объемную пластину в решето, по диаметру напоминали овальную капсулу, лежащую на Витькиной ладони.

– Так вот зачем он отправил нас сюда! – охнула Настя.

И тут же вскрикнула, потому что в двух шагах от спрятавшихся близнецов по стеклянному полу с грохотом прокатился солдатский шлем, сбитый чудовищем.

– Уцелевшая капсула разведывательного зонда и путеводный маяк, чтобы найти Анализатор, – торопливо подтвердил Виктор, выглядывая из-за приборной доски и рассматривая разгоревшуюся схватку, в которой сошлись сразу три противоборствующие стороны. – Теперь осталось понять...

Он не закончил, потому что рядом с ними на пол шумно повалился Канат, сцепившийся в рукопашной с одним из Стражников. Оба остались без дубинок и лупили друг друга кулаками, уже разбив носы.

– Быстрее, ребята!... – прохрипел Ходящий По Стенам, вцепляясь гвардейцу в горло. – Долго мы их не продержим!

– Быстрее, Витька! – словно это было и без того непонятно, повторил за летчиком Дмитрий, тряся брата за плечо. – Карл наверняка уже вызвал подмогу!

– Да отстань ты, – отмахнулся тот, старательно не глядя на драку, происходящую в считанных метрах от него. – Надо подумать...

И он нахмурился, пытаясь соединить воображаемые частички головоломки, загаданной им Облачком, Озорником и Афанасием Валентиновичем. Крутил в пальцах яйцеобразную капсулу, подносил кочкам, снизу вверх «на глазок» сопоставлял с отверстиями в «воротнике» и кусал губы.

Настя опять вскрикнула – на этот раз оттого, что рядом с детьми одним огромным прыжком вдруг очутилась Красимира. Повернувшись к нашим героям, чудовище втянуло воздух сквозь два крохотных хоботка, заменявших оборотню нос, и вновь забормотало сладким голосом доброй бабушки:

– Вот вы где, мои вкусные... А я-то уж думала, опять в бега подались, старушку не уважили. Славно, что вы тут, ах, как славно...

И порождение технических тоннелей двинулось к ним, низко опустив крупную голову, уже ничем не напоминавшую человеческую. Ожог багровел на жуткой морде бесформенным пятном.

Димка, загораживая собой брата и сестру, вскочил на ноги, выставя кулаки.

– Я смотрю, бабка, тебе второго моргала не жалко! – храбро повторил он подслушанную у Подметки угрозу, но в самый последний момент его голос дрогнул, выдавая страх.

Это замешательство не укрылось от оборотня, тут же плотоядно оскалившейся. Но тут на мохнатую спину Красимиры обрушился Летяга Старший. Помятый и сверкающий свежими синяками, он был все еще полон задора и готов к схватке. Широко замахиваясь, Ходящий По Стенам взялся что есть силы молотить насекомое по хитиновому затылку, что-то выкрикивая при каждом ударе.

Воспользовавшись неожиданной помощью, Димка сгреб остальных в охапку, заставляя в очередной раз обогнуть Анализатор (теперь они бежали против часовой стрелки). Витя, замкнувшийся в себе, все бормотал и бормотал, будто передразнивая паучиху:

– Вкусные мои?.. Неужели?.. Вкусные...

Настя то и дело поскальзывалась, несколько оглохнув от сумбурности происходящего. А Витька, казалось, теперь и вовсе не замечал кипевших вокруг страстей, сосредоточенно разглядывая увесистое металлическое яйцо.

– Кажется, – нерешительно признался он, все еще кусая губы, – я понял.

Они снова спрятались под приборной доской, состоящей из множества планшетов, а вокруг по-прежнему шла драка. Еще один Стражник свалился без сознания на стеклянный пол, оглушенный ударом когтистой лапы чудовища, и теперь силы воздухоплателей и бойцов Гильдии уравнились.

Дима и Настя с нетерпением ожидали результатов открытия, от волнения задержав дыхание.

– Кажется, я понял, для чего нужна эта капсула, – на этот раз более уверенно произнес Витька, качая головой. – Зонды, поверхность, битые скорлупки... Все очень просто, и как я только раньше не догадался?

И он снова передвинул на бок подаренную Робким Перышком котомку.

Не спуская взгляда с белоснежного железного яйца, откинул клапан сумки, сунул в нее руку, но тут его одновременно встряхнули за плечи и брат, и сестра.

Недовольный и будто бы пробужденный от приятного сна, Виктор с возмущением уставился на них поверх очков. Уже приготовился гневно обругать тех, кто помешал его величайшему эксперименту. Но слова так и остались на губах...

– Я рад, что ты догадался, мальчик, – проскрипел Карл, коварно прищуриваясь. – Это, бесспорно, делает честь твоему недюжинному интеллекту. Но сейчас медленно протяни руку и отдай мне последнюю капсулу Анализатора. Не заставляй меня быть жестоким, ладно? И помни, второй раз повторять не буду...

Но Витя не слушал старика с рыжими пятнами на лысине, щеках и шее – он смотрел на пистолет в руке Смотрителя. На заряженный пистолет, направленный на детей. Свободную руку злодей протягивал, чтобы забрать металлическую капсулу Афанасия Валентиновича.

– Вы не сможете выстрелить в ребенка, – сипло, поперхнувшись вдохом, произнес Димка, заслоняя родных.

– О, молодой человек, вы сильно ошибаетесь. – Карл брезгливо поморщился, а затем его вытянутое лицо исказила гримаса, изображавшая улыбку. – В случае, когда на карту поставлена судьба Спасгорода, еще как могу...

– Вы совершаете ошибку! – Следом за братом на ноги поднялась Настя.

Ей было очень-очень страшно, и она заставляла себя глядеть не в черную точку пистолетного дула, а выше – прямо в бесцветные зрачки старшего Смотрителя.

– Люди должны знать правду. Город должен пережить возрождение.

И только Витька горько молчал, уставившись куда-то за спину старика в темно-сером плаще. Он смотрел на своего отца, Петра Петровича, все еще скорчившегося в нерешительности, так и не поднявшего головы. На своего отца, которого они боготворили и уважали, к которому раз за разом стремились сквозь многочисленные и полные угрозы этажи Спасгорода. На отца, в защиту которого верили...

И Петр Петрович словно услышал беззвучный призыв сына.

Вскинул голову, встретившись с Витей взглядом. А потом они долго-долго (на самом деле прошла всего пара секунд, но иногда в таких случаях время тянется очень медленно) смотрели друг на друга в упор, не замечая творящегося вокруг хаоса.

– Должен, должен... Тьфу! Смотрителям лучше знать, что именно и когда должен пережить город, – отрезал Карл, недовольно зыркнув на девочку из-под густых бровей. – А теперь хватит болтовни! Отдавайте капсулу!

– Когда-нибудь люди все равно узнают правду, – со слезами в голосе выдохнула Настя, а Дима сделал шаг в сторону, примериваясь к прыжку. – Вы не сможете обманывать их вечно!

– Не сможем? – Старик засмеялся (причем вовсе не наигранно), отчего рука с оружием

затряслась из стороны в сторону. – А как же, по-вашему, мы обманывали горожан на протяжении сотни лет? Вы просто глупые дети, которые ничего не понимают. Жаль, что вы втянули себя в это, но...

– Не. Смей.

Именно так, внятно и раздельно, вдруг произнес Петр Петрович, появляясь за плечом Смотрителя.

Да-да, вы правильно поняли – взгляд сына что-то изменил в его душе. Что-то сломил, нажав на правильные кнопки, и сейчас мужчина уже не походил на раздавленную судьбой куклу. Сейчас он был похож на настоящего папу, защищавшего своих детей от страшной и безжалостной угрозы.

– Что? – визгливо поинтересовался престарелый Смотритель. Он чуть обернулся, но руку с пистолетом все же не опустил. – Что вы сейчас сказали, механик Петр?!

– Я. Сказал. Не. Смей.

Мужчина по-прежнему смотрел вниз, в стеклянный пол с огромной геральдической эмблемой. Но теперь его плечи расправились, а пальцы сжались в кулаки.

– Не. Смей. Направлять. Оружие. На. Моих. Детей!

– Вы в своем уме, Петр? – Карл сделал шаг в сторону, вертя головой и пытаясь одновременно удержать в поле зрения и наших героев, и их отца. – Это не дети. Это настоящие преступники! Они уже не первый раз посягают на основы города! Вы обязаны содействовать мне в их задержании. Как обещал Конклав, с ними все будет хорошо, но не раньше, чем...

– Убери пистолет, сволочь! – рыкнул Петр Петрович, вплотную надвигаясь на бывшего начальника. – Или я тебе все ребра пересчитаю!

– Это бунт! – взвизгнул старик в сером плаще, пытаясь развернуться.

Настя вскрикнула, закрывая лицо руками. Димка отшатнулся. А Витька до крови закусил и без того изжеванную губу.

Петр Петрович бросился на Смотрителя, и в этот же момент прозвучал оглушительный выстрел. Пуля, все же задев папу близнецов, угодила в высокий потолок, оставив в стекле крохотное отверстие, окруженное сетью трещин-паутинок.

А затем они сцепились, повалившись на пол, и железные пальцы одного из лучших механиков Заботинска сомкнулись на старческом запястье.

– Давайте же, ну! – сквозь зубы прорычал Петр Петрович, стараясь придушить Карла (тот оказался на удивление юрким). – Делайте, что собирались, пока я эту гадину держу!

– Витька! – воскликнул один из его сыновей. – Быстрее!

Но того и не нужно было подгонять.

Как только их храбрый (а теперь в этом не оставалось никаких сомнений) отец сразился со Смотрителем Карлом, все еще силившимся выстрелить в механика из своего пистолета, мальчик словно пробудился.

Упав на колено, Витя нырнул в сумку, с нетерпеливым сопением роясь в ее темном нутре.

Вынул сверток, заботливо уложенный на самое дно. Развернул тряпицу, высыпая на блескучий лед пола вкусные палочки из птичьего мяса и теста. Безжалостно сжал металлический контейнер в ладонях, со щелчком разломив на две половинки. Подобрал одну из мясных колбасок (что поменьше), вложил в полое «яйцо». И надавил на полусферы, с протяжным шипением возвращая молочной капсуле прежний вид.

Запечатав еду, Витька вскочил на ноги, триумфально поднимая спасение Спасгорода над головой. И только теперь осмотрелся, вдруг обнаружив, что бурлящий вокруг бой подходит к финалу.

Повсюду лежали неподвижные тела – и Стражники, сопровождавшие Смотрителя, и Ходящие По Стенам. Был виден Летяга Старший, без сознания покоящийся на своем поверженном противнике, а чуть поодаль еще двое воздухоплателей.

Канат, зажимаемый в угол зала сразу двумя (последними) уцелевшими солдатами,

отмахивался от них парой армейских дубинок, добытых в бою. В нескольких метрах от Анализатора, осыпая друг друга проклятьями, продолжали свою борьбу Петр Петрович и Карл.

– Ну же, Витька, давай! – прикрикнул на него Дмитрий, не находящий себе места.

– А где оборотень? – вдруг спросил тот, медленно опуская руку с заполненной капсулой. – Где она?

– Да вот же я, мои хорошие... – донеслось до них сверху, и дети разом вскрикнули, отшатываясь от Анализатора. – Потеряли меня, сладенькие? Это радует, что вы о бабушке Красе заботитесь. Она о вас тоже позаботится...

Все трое задрали головы, в ужасе рассматривая чудовище, спускавшееся к ним по массивной сердцевине прибора. Неспешно переставляя лапы по выступам Анализатора, оборотень кралась к тройняшкам сверху вниз, жадно облизывая хоботки.

Было заметно, что Красимире крепко досталось в схватке – она была помята и травмирована, а часть зрительных линз последнего сложносоставного глаза потускнела. Но даже в таком состоянии тварь оставалась полна сил и желания отомстить своей несостоявшейся добыче.

– Не шевелитесь, мои аппетитные, – мерзким женским голосом шептала она, почти докарабкавшись до дырявого «воротника», кольцевавшего установку над приборными панелями. – Не бегите, это бесполезно. Лучше расслабьтесь, и все закончится очень-очень быстро... Пожалуй, сегодня устрою себе пир – сожру сразу двоих!

И огромное насекомое еще быстрее засучило лапками, нависая прямо над нашими героями. Те, словно парализованные, стояли неподвижно, не сводя с чудовища взглядов, и впервые за долгое время совсем не подумывали о бегстве (так сильно напугала их ненавистная Красимира).

А затем близнецы вдруг временно оглохли, потому что воздух наполнился грохотом выстрелов, звонким эхом заматававшимся по залу.

Один, другой, третий, четвертый, пятый – выстрелы продолжали гроыхать где-то за спинами ребят, и те невольно пригнулись, закрывая уши ладонями. Но даже зажмурившись от испуга, они успели увидеть, как на груди хищницы (уже почти дотянувшейся до них своими когтями) расцветают красные пятнышки, брызжущие кровью.

Оборотень зарычала. Взвизгнула, сорвалась с Анализатора и тяжело грохнулась об пол. Лежа на спине, тварь беспомощно засучила конечностями, оцепенело уставившись в чешуйчатый потолок купола.

Первым обернулся Димка.

Обернулся и закричал (во-первых, у него от пальбы были заложены уши, а во-вторых, он и правда был очень рад):

– Папа!

И тут же бросился к Петру Петровичу, стоявшему над неподвижным телом Смотрителя.

Отбросив пистолет (как вы догадались, победив Карла, механик завладел оружием и стрелял из него в оборотня), тот обнял сына, крепко-крепко прижав к груди его светловолосую голову. Застонал, чуть отодвигаясь, и теперь все заметили, что первый выстрел ненавистного старика все же нашел свою цель – у Петра Петровича кровоточила левая рука (кстати, почти в том же месте, где нож Маргариты в свое время оставил отметину на Димкином предплечье).

Вскинув ладонь, словно пока удерживая Настю и Витьку от радостных объятий, отец торопливо кивнул на Анализатор, молчаливо призывая завершить начатое, а уже потом радоваться победе. Он был прав, это признали все трое: действовать по-прежнему нужно было быстро – охрана Смотрителя наверняка вызвала подкрепление.

Поэтому Виктор послушно развернулся, боязливо обходя тушу поверженной бабки-оборотня по основательной дуге. Приблизился к сверкавшему молочно-белым пластиком прибору, держа капсулу наготове.

Краем глаза он видел Каната, присоединившегося к их папе, – завладев пистолетом, староста Ходящих По Стенам разоружил оставшихся гвардейцев, заставив сдаться. Видел он и Настю, смотрящую вслед со смесью надежды и отчаяния. Чувствовал на себе взгляды отца и брата, все еще стоявших в обнимку над оглушенным стариком Карлом.

Встав на цыпочки (иначе мальчик попросту не доставал до отверстий «дуршлага»), Витька поднес капсулу с едой к дыре в нижнем ряду. С глухим металлическим лязгом приставил к сотам, попробовал протолкнуть. И вдруг белая сфера исчезла внутри, втянутая в Анализатор с громким и звонким хлопком пневматического насоса.

Этот хлопок словно ознаменовал собой окончание длинного и страшного пути, пройденного детьми за этот бесконечный год. Судьбоносное путешествие, так неожиданно начавшееся неким ранним утром, подошло к своему концу (все дороги когда-нибудь и где-нибудь заканчиваются, не правда ли?). Но вот *каким* станет этот конец, еще не представлял никто...

Все присутствовавшие в главном зале Центрального Модуля (оставшиеся в сознании, разумеется) сейчас смотрели на Анализатор с одинаковым любопытством, будь то школьники или Стражи Смотрителей. Черное отверстие, буквально вырвавшее из рук мальчика заполненную птичьим мясом капсулу, притягивало взгляды, как медальон гипнотизера.

А затем...

Затем ничего не произошло, а горстка воителей так и стояла перед могучим прибором, в котором некоторые усмотрели ключ к спасению всего Спасгорода. Анализатор по-прежнему молчал, горделиво поблескивая глянцевыми белоснежными щитками. Зал, еще недавно наполненный шумом драки, окутался тишиной.

Разгоряченные, утомленные событиями люди не издавали ни звука.

По лицу Петра Петровича пробежала тень сомнения, когда он вдруг представил, что все произошедшее за последние минуты стало одной огромной ошибкой. Канат нахмурился, вытирая вспотевшую ладонь о штанину комбинезона. Витька, Настя и Димка, ни на миг не сводящие с Анализатора жадных взглядов, наконец переглянулись, словно спрашивая друг друга о чем-то.

– Кажется, ты ошибся, – неуверенно произнес Дмитрий, раздосадованно махнув рукой. – Если бы Анализатор работал, он бы уже...

– Тише! – вдруг воскликнула Настя.

Ей показалось, что-то происходит. Девочка даже шагнула вперед, наклоняясь над планшетами управления.

– Я слышу...

За ней начали прислушиваться остальные, и вдруг в глазах уцелевших что-то зажглось – сначала Витя, а за ним и его отец разобрали в недрах машины какие-то новые звуки. Будто запускался, преодолевая сопротивление, некий спящий механизм. Сначала появился тихий гул, набирающий громкость. Затем, отчетливо различимые в тишине, раздались щелчки, будто включались многочисленные реле.

Гул становился все отчетливее, резче, сочнее.

И вдруг весь прибор, названный Анализатором, активировался, одновременно засверкав сотнями ламп, экранов и датчиков. Вспыхнул от основания до стеклянного потолка, как загораются искусственные елки, под Новый год украшенные блестящими гирляндами.

– Смотрите! – закричал Витька, хотя сейчас на машину с нескрываемым удивлением и так смотрели все, даже пленные Стражники в черной униформе.

И уже в следующий миг Анализатор вдруг заговорил, наполнив помещение спокойным мужским голосом, внушавшим уважение и трепет.

– Ковчег номер четыре, кодовое название «Спасгород», – сказал прибор, заставив присутствующих открыть рты. – Экстренное начало работы Анализатора, консервация окончена. Аварийные источники питания, автономная работа без обслуживающего

персонала, режим два.

Внутри что-то зашумело, зашевелилось, загудело еще сильнее. По экранам побежали многочисленные цифры. Рычаги и тумблеры начали переключаться сами собой.

– Начало молекулярного анализа на секторе номер один-девять, – продолжал чудо-прибор, не обращая никакого внимания на окружавших его людей. – Образец внешнего мира под номенклатурой шестьсот четырнадцать тысяч, запятая, триста шесть, запятая, одиннадцать. Чужеродность материала подтверждена.

Витя обернулся к сестре, заметив, что та снова старается не заплакать (на этот раз девочка утирала слезы радостного удивления и надежды). Посмотрел на отца и брата, стоящих поодаль, и они тепло улыбнулись в ответ.

– Предварительные данные по предоставленному образцу: уровень угрозы светло-зеленый, – продолжал рассуждать Анализатор, изучая вложенную в него капсулу. – Опасности радиоактивного заражения нет. Опасности токсического заражения нет. Опасности бактериологического или вирусного заражения нет. Чистота образца составляет девяносто один процент. Анализатор подтверждает чистоту предоставленного образца.

В это самое мгновение близнецы слышали два звука – радостный возглас Каната, взволнованно и очень по-детски подпрыгнувшего на месте, а также сдавленный стон разочарования и злобы – это очнулся Смотритель, снизу вверх наблюдавший за разбухшей машиной.

В этот момент Виктор догадался, что отчет Анализатора слышен не только в Центральном Модуле Лаборатории – сейчас его речь транслировалась на все внутренние динамики Спасгорода, от самой верхней поляны до подземной Реакторной Станции.

Мальчик представил себе, как люди (а еще грибы, солдаты, черви, психолептоны, крысы и другие существа) сейчас задирают головы к потолкам, с непониманием вслушиваясь в незнакомый голос установки, изучавшей подарок внешнего мира.

– Сопоставление необходимых параметров произведено, – сильным властным голосом продолжали отчет скрытые динамики. – Актуальные данные получены и внесены в реестровые списки. Считаю целесообразным начать операцию «Возрождение». Всему персоналу и жителям станции предписано подготовиться. Пожалуйста, во избежание несчастных случаев держитесь за поручни или сядьте на пол. Активирована проверка систем, до начала операции остается одна минута. Начинаю обратный отсчет. Пятьдесят девять...

Теперь глаза Витьки за очками сияли искренней небесной чистотой. Он с ликованием взглянул на распростертого Смотрителя, увидев на некрасивом лице старика беспредельную тоску по ускользающей власти.

– У нас получилось! – закричала Настя, ударив в ладоши. – У нас все получилось!

– Молодец, сынок... – кивнул Петр Петрович, едва сдерживая подступающие слезы.

Помятый в схватке Канат устало вскинул руку, выставив вверх оттопыренный большой палец.

– Да, получилось, – прошептал Витя, все еще не в силах поверить.

– Пятьдесят, – считал Анализатор. – Сорок девять. Животных станции рекомендуется срочно изолировать в предназначенных для этого отсеках. Пожалуйста, возьмите маленьких детей на руки.

Сейчас им было страшно представить, что началось внутри города. Как волновались люди, как бесились от злобы Смотрители и Стражи, как приводились в состояние боеготовности службы спасения, пожарные и врачи.

Медленно-медленно, окончательно зачарованные голосом Спасгорода, дети и взрослые опустили на пол Центрального Модуля, совершенно не представляя, что должно произойти по окончании этой долгой волшебной минуты.

– Тридцать пять, тридцать четыре, – вел свой счет Анализатор, посверкивая лампами. Внутри него что-то щелкало и переключалось, и теперь мерный гул наполнял уже не только прибор в центре зала, но и всю научную поляну. – Тридцать три...

А затем произошло событие, заставившее всех охнуть и от страха задержать дыхание.

А вы-то, наверное, подумали, что на этом история заканчивается? Уверен, так же думали и наши герои, но...

За спиной Насти, с открытым ртом слушавшей отчет Анализатора, вдруг поднялась бесформенная черная тень. Поднялась тяжело, со стоном и рычанием, и на нее слишком поздно обратили внимание.

Раненый оборотень, истекая кровью и скуля, дотянулась до девочки, сцапав ее своими длинными мохнатыми лапами. С торжествующим рыком (Настя взвизгнула, мигом привлекая к себе внимание) притянула к себе, цепко обхватив вокруг туловища.

– Думали, так легко избавиться от бабушки Краси? – проскрипело едва живое существо. – Гадкие дети почти убили бабушку... Но это еще не конец, вы слышите меня, несносные хулиганы?

И чудище поднесло острый кривой коготь прямо к беззащитной Настиной шее.

– Двадцать пять, – нисколько не заинтересованный происходящим, отсчитывал Анализатор.

– Думали, смогли победить? Глупые дети... Вам никогда меня не одолеть...

Бабушка (точнее то, что от нее осталось) оскалилась, капая слюной на детское плечо и пачкая воротник школьной рубашки.

Конечно, все сразу же вскочили.

Витька, находящийся в шаге от сестры и чудовища, лихорадочно соображал, что делать. Димка задумал было броситься вперед, но побледневший Петр Петрович (в этот миг он разом постарел на несколько лет) успел схватить сына за плечо. Стражники, еще стоящие на коленях и держащие руки на затылках, незаметно отползали к выходу. Карл тоже хотел улизнуть, но не смог подняться даже на четвереньки...

Канат поспешно прицелился в тварь из пистолета.

– Не надо, – торопливо попросил его Петр Петрович. – Не стреляйте, вы можете задеть мою девочку. Виктор, сделай несколько шагов назад.

– Может задеть, – победоносно подтвердила Красимира. – Еще как может. А еще я могу сделать *чик*, и вы навсегда лишитесь своей славной девочки.

– Двадцать секунд. Пожалуйста, отключите все приборы и станки, присматривайте за пожилыми жителями станции, – откуда-то сверху сказал Анализатор. – Не пользуйтесь лифтами и подъемниками.

– Что тебе нужно?! – закричал Витя.

С этого расстояния он чувствовал мерзкий запах раненого зверя и очень хорошо видел синеву распахнутых глаз сестры. Она не плакала и не звала на помощь, но в каждом ее вздохе звенела мольба.

– Отпусти ее, отродье!

– Мне нужно выжить, – проскрипела оборотень, и из ран на ее теле вытекло еще немного крови. – Нужно вернуться в свой уютный домик, нужно поправиться. И вы поможете мне сделать это. Или я убью девчонку так быстро, что мерзавец с пистолетом даже моргнуть не успеет.

– Отпусти сестру, и мы позволим тебе уйти, – сквозь зубы процедил Виктор, даже не подумав отступить от чудовища.

Сейчас его переполняла такая злость, что он был готов кинуться на спасение Насти с голыми руками.

– Так бабушка Крася вам и поверила, – ломким женским голосом усмехнулась хищница, а прижатый к детской шее коготь дрогнул. – Стоит мне отпустить гадкую девчонку, как вы тут же будете снова бить меня... Пусть он положит оружие!

Канат, к которому обращалась Красимира, сжал губы так плотно, что сейчас они напоминали бесцветную царапину. Он колебался, выполнить ли приказ или все же рискнуть и выстрелить.

– Начинаю последний отсчет, – сказал Анализатор, а прозрачный пол под их ногами заметно завибрировал. Где-то глубоко в недрах Спасгорода завывали аварийные сирены. –

Десять, девять...

– Уважаемый, пожалуйста, опустите пистолет, – взмолился Петр Петрович, повернувшись к Канату.

– Хорошо, я кладу оружие, – наконец принял непростое решение Ходящий По Стенам. – Но ты отпускаешь девочку, дрянь, и убираешься прочь!

– Не командуй тут, верзила, – огрызнулась оборотень. – Мы станем медленно отходить к техническим ходам, не так ли, моя сладкая? А уж там бабушка Крася решит, когда ей нужно отпустить гадкого ребенка...

– Отпусти ее, ты обещала! – Разъяренный Димка вновь решил броситься вперед, но рука отца крепко держала его за плечо.

– Ничего я никому не обещала, несносный мальчишка, – зыркнула на него тварь. – Захочу, утащу с собой, и ничего вы мне сделать не сможете!

– Семь, шесть, – раздавалось со всех сторон, а зал Модуля (да и вся Лаборатория) начал раскачиваться, будто готовый пуститься в пляс. – Пять, четыре...

– Счастливо оставаться, – проскрежетала паучиха, отползая в сторону разбитых дверей.

Помогая себе двумя лапами, еще двумя она держала Настю, все так же угрожая ее шее длинным изогнутым когтем.

– А если станет скучно, заходите в гости. Бабушка Крася очень гостеприимна, не так ли, мерзкие детишки?

– Три, два...

– Опустите ее! – одновременно закричали Димка и Витька.

И в этот самый момент (чудовище плотоядно оскалилось, облизываясь тонким-тонким бледным языком) Анализатор закончил отсчет.

– Один, ноль, – равнодушно подытожил прибор. – Операция «Возрождение» началась.

Наполнив Лабораторию страшнейшим грохотом и скрипом, над их головами треснул потолок. Не потолок стеклянного зала, где размещался главный прибор Спасгорода, а потолок самой поляны – чешуйчатый, чуть выпуклый, лишенный каких-либо шахт или труб.

– Что это?.. – проскулила Красимира, но сделала это так тихо, что ее услышала только Настя, все еще находящаяся в плену.

Оборотень задрала обезображенную голову вверх, где купол потолка расходился десятком одинаковых лепестков. Движимый невидимыми приводами, он раскрывался, подобно тому, как по утрам распускаются цветы – симметрично расплываясь в стороны и открывая взгляду...

Сочный и насыщенный оттенками свет весеннего вечернего солнца ворвался в самый верхний ярус Спасгорода, заливая прозрачный поселок густым оранжевым сиянием. Отразившись от сотен граней на углах домов и комнат, выстроенных из стекла, он ударил по людям так мощно и торжественно, что перехватило дух и сами собой навернулись слезы.

А когда лепестки потолка раскрылись окончательно, обнажая Лабораторию и подставляя ее под бескрайний ультрамарин безоблачного неба, поток солнечного света нестерпимо яркой волной хлынул внутрь, заставив все сверкать и переливаться.

И вот тогда Красимира заверещала что есть силы.

Отшвырнув от себя Настю, оборотень беспомощно барахталась в плотных лучах чужеродного света, извиваясь от боли.

– Нет, только не солнце, гадкие дети! – проскулила тварь, после чего ее речь стала сбивчивой и непонятной.

От кожи чудовища заструился дым. Она зашипела, как масло на сковороде.

Красимира подпрыгнула, словно пытаясь смахнуть с себя этот прекрасный (и губительный для нее) свет, упала и принялась биться о стекло пола.

Возможно, если бы оборотень нашла укрытие, она смогла бы избежать такого жуткого (хоть и заслуженного) финала. Но Лаборатория сейчас сверкала как один огромный алмаз, и в ней не было места, куда бы не проникли лучи настоящего небесного светила.

Витька, шатаясь и падая через шаг (ведь поляну лихорадило сильнее и сильнее), бросился к сестре, потянув ее прочь от дымящейся туши. Вздвогнув, девочка наконец-то судорожно всхлипнула, задыхаясь от облегчения и стараясь не смотреть на Красимиру.

Брат торопливо прижал ее к груди, заслоняя от страшного зрелища.

Мучения оборотня не были долгими.

Задымившись еще сильнее, она вдруг вспыхнула ярким зеленым пламенем, после чего на стеклянном полу остались лишь кучка тряпок и черный, тяжело оседающий вонючий пепел...

Теперь с ног попадали все: и Канат, и Петр Петрович с Димкой, и почти ускользнувшие из зала Стражи. Трясло так сильно и неудержимо, что люди стали скользить по стеклу то в одну, то в другую сторону, натыкаясь друг на друга. Тела лежащих без сознания Ходящих и гвардейцев собрало в одну большую кучу, плавно съезжавшую по залу от стены к стене.

Канат и дети с отцом все же успели добраться до Анализатора, схватившись за его приборные планшеты. Петр Петрович что-то кричал (видимо, призывал держаться крепче), но его не было слышно за гулом ветра, вдруг наполнившего Лабораторию и ее постройки.

Вслед за чешуйчатым потолком начали трансформацию и стены. Сегмент за сегментом они отходили в стороны, открывая взору синь небосклона и летящие над далеким горизонтом чудесные облака. Перестройка поляны была столь величественной и масштабной, что кружилась голова. Часть стен сдвинулась, оставляя широкие проемы, ведущие в бездну, часть утолщилась за счет соседних блоков.

Технические ходы и этажи мгновенно изолировались, перекрываясь герметичными переборками. Какие-то их фрагменты втягивались в массивы пола. Старинные реактивные установки набирали мощь. Вибрация достигла, казалось, своего предела, а где-то внизу, под поляной, гудело так, будто там топили самый большой в мире кузнечный горн.

— Мы же летим! — вдруг прокричал Димка, причем радости и ликования в его голосе хватило, чтобы слышали все. — Это рев двигателей!

Канат, в недоумении крутивший головой, вдруг тоже осознал очевидное.

— Да, мы летим! Вся поляна летит! — с хохотом завопил он, и теперь чувство невесомости испытали и остальные.

Вибрация начала стихать, но ощущение движения усилилось.

Убедившись, что тряска уменьшилась, пятеро героев оторвались от Анализатора, осторожно приблизившись к прозрачной стене Центрального Модуля. За ней, сквозь огромную нишу во внешней обшивке Спасгорода, им открылась удивительная и поражающая воображение картина.

Лаборатория — самый верхний ярус города, — отделилась и парила в воздухе, поддерживаемая специальными двигателями, спрятанными в псевдополяне под полом. А ниже, распадаясь на такие же независимые блоки, трансформировался и остальной город.

Перемещаясь по заранее заложенной архитекторами схеме, в сторону заката летели поляны с заводами и фабриками. Из-под них, маневрируя с ювелирной точностью, показались жилые поселки, одним из которых был и родной Заботинск.

Еще ниже, медленно отползая на северо-восток, по воздуху плыла Свалка, отстыковавшаяся от Реакторной Станции. Ярмарки, Казарма и Интернат, Усыпальница, Грибница и Амбар, Библиотека, Институты, жилые поляны — десятки огромных дисковидных кораблей сейчас кружились в вечернем небе, постепенно выстраиваясь в единую и ладную мозаику. На улицах научного поселка завывал *настоящий* ветер...

Витька посмотрел на брата и сестру, и те ответили ему теплыми, будто солнечный свет, взглядами. У них все же получилось предсказанное Спасгородом, и сейчас оставалось лишь гадать, что происходит в недрах башни, которой они подарили вторую жизнь.

Жизнь под настоящим солнцем...

Где-то там, на одной из плывущих по небу полян, сейчас ликовал Афанасий Валентинович. Наверняка плясал среди бездушных марионеток, приостановивших свою мрачную работу, все такой же лохматый, включенный и забавный.

Где-то там, внизу, обманчиво-спокойные Возвышенные Библиотекари торопливо запирались в своих прозрачных саркофагах. Они наконец-то дождались операции по возрождению города, отложенной на сотню лет. Умники были напуганы, взволнованы и совершенно не готовы к переменам.

Где-то там, под ногами, объявляли боевую тревогу полумеханические солдаты полковника с железной челюстью. Древняя вычислительная машина, управлявшая Казармой, лихорадочно анализировала происходящее, выдавая путанные приказы и заставляя капралов сбиваться с ног.

Где-то там, далеко-далеко внизу, выплывали из-под темных надгробных плит призрачные психолептоны Усыпальницы. С умиротворенными улыбками наблюдали они, как происходит то, ради чего и был построен великий город-ковчег.

Где-то там, на одной из внешних поверхностей трансформирующегося города, сейчас торжествовали Ходящие По Стенам. В спешке закрепившись веревками и привязав свой нехитрый скарб, они совершали самый удивительный полет в жизни, о котором не могли и мечтать. Наиболее отважные даже успели оседлать личные дельтапланы, и сейчас их юркие силуэты чернели на фоне вечернего неба, похожие на свободных и гордых птиц.

В спешке прятались по норам крысы, из уст в уста передавая друг другу весть о гибели мира. Можно было только предположить (и угадать), что даже в этой непростой ситуации они воровали друг у друга ценный мусор и дрались. Добродушный и простоватый Подметка забился в самую глубокую щель, сетуя на перемены и печалась, что они уже никогда не позволят ему стать пасюком. Солнце было для живущих в потемках крыс чужим и опасным *новым*, которое только предстояло изучить и познать...

Где-то там, в недрах башни, разбегались от солнечного света слуги Главного-Главного Ризоморфа, а сам он стонал и метался, медленно усыхая под порывами свежего ветра. Консервировался Радиатор, торопливо запечатывая резервуары с охлаждающими реагентами. В панике носились по улицам поселка жители Благодати, принявшие происходящее за Конец Света из туманных пророчеств. Заходилась в визгливой истерике Голос Апокалипсиса, проклиная миг, когда опасные Предвестники, действительно уничтожившие привычный мир, ускользнули из его лап.

Где-то там, внизу, с недоверием и опаской поглядывали на небо дружные артисты шапито Летней Ярмарки, а усатый Мистицион одну за другой курил щедро-дымные папиросы. С задорными прибаутками и залихватскими воплями носился вокруг парящих тарелкообразных кораблей верный Облачко.

Молились Реактору черви, никогда не покидавшие ядовитой поляны. Их ярус остался единственным, что не сдвинулся с места (потому что был вмурован глубоко в землю), и они могли только гадать, что за сила сейчас сотрясает город до самого основания. И лишь один Жадный задумался, не связана ли эта глобальная тряска с тремя детьми, которым несколько месяцев назад он отчего-то решил помочь?..

А еще успели спеть свою победную песню Лифты (это произошло за миг до того, как поляны Спасгорода расцепились, чтобы воспарить). Их осталось немного – тех, кто сумел пережить диктатуру Смотрителей, – но сейчас они наконец стали спокойны: свершилось то, чему было суждено произойти давным-давно. Теперь Лифты переставали быть нужными, но это не смущало ни одного из них – настоящие помощники людей, разумные машины год за годом честно исполняли свои обязанности, тем самым приближая счастливый миг. И уходили на заслуженный отдых с радостными гимнами в динамиках.

Конечно, близнецы думали и о простых людях, обычных жителях города – рабочих, фермерах, ученых, механиках, врачах, учителях, операторах и инженерах. Все они сейчас наверняка были взволнованы и напуганы.

Просыпалась мысль о возрождении ковчега, прежде глубоко похороненная в людской памяти, и самые дряхлые старики, утирая слезы радости, взялись взахлеб рассказывать внукам и правнукам правду. Они вспоминали надежды, почитаемые несбывшимися. Вместе с ними ликовали немногочисленные члены подполья, чья заветная мечта, сошедшая

с потертых пластин амбивизора, наконец-то воплощалась в жизнь...

– Смотрите, как красиво, – прошептал Петр Петрович детям (он шурился от яркого солнца, но все равно смотрел вдаль). – Я и подумать не мог, что существует такая красота...

А наши герои лишь улыбнулись в ответ, переглянувшись меж собой – так могут переглядываться только дети, обладающие небольшим, но очень ценным секретом, который вовсе не обязательно знать взрослым.

Город тем временем постепенно заканчивал превращение.

В соответствии с разработанной создателями схемой, огромные летающие диски опускались на землю. Теперь поляны пристыковывались друг к другу не одна над другой, а внешними стенами, постепенно образуя огромный и сложный узор-цветок.

Пришло время снижаться и Лаборатории.

Улыбаясь новому чувству (у них закладывало уши), ребята и их отец наблюдали, как стеклянный поселок приземляется в отведенную ему нишу, занимая законное место ровно между научным городком и одним из заводских блоков. Мягкий толчок, от которого подпрыгнули все пятеро, известил о том, что чудесный полет подошел к концу.

Кругом начинали приходить в себя раненые Ходящие По Стенам и гвардейцы. Стражники собрались вокруг Смотрителя Карла, на которого было жалко смотреть – лежащий на полу старик осунулся, побледнел, тяжело дышал. Тайна, которую его Конклав хранил целое столетие (а может быть, и больше), вдруг рассыпалась прахом...

Воздухоплаватели держались от них в стороне, поглядывая не без издевки и превосходства.

Летяга Старший, быстрее всех оказавшийся на ногах, помогал товарищам перевязывать раны. Улыбнувшись близнецам, но так ничего и не сказав (а разве нужно было еще что-то говорить?), Канат отправился к подчиненным, что-то беззаботно напевая.

А дети и их папа, убедившись, что поляна окончательно приземлилась и твердо покоится на земле, направились к выходу.

Крепко обнявшись, они вышли из зала с Анализатором (самая важная установка города все еще продолжала рассказ об операции «Возрождение»). Затем из квартала стеклянных зданий. А после и из самой Лаборатории.

Они наконец-то возвращались домой, в тихий и уютный Заботинск, где их ждала изволновавшаяся мама.

Итак, друзья, я рассказал вам все, что знал о необычайных похождениях Вити, Насти и Димы (как минимум этого фрагмента их удивительной жизни). Отныне уже не мне предстоит судить, насколько правильными и честными были поступки близнецов, их слова или мотивы.

На этом история заканчивается, и мне остается лишь надеяться, что она вам понравилась. Это была история братской дружбы, непростых решений, отваги и подлости, сражений и бегства, наполненных опасностями приключений, преданности и выбора, который каждому из нас когда-нибудь предстоит сделать.

А уж о том, насколько мой рассказ был правдив, решать только вам.

Может быть, эта история происходила в далеком прошлом. Может быть, произойдет в будущем. А может быть, она случилась давным-давно в далеком-далеком будущем? Как знать... Конечно, она могла и вовсе не происходить, но тогда вы имеете все основания полюбопытствовать, откуда же мне известны ее подробности?..

